

УНИВЕРСИТЕТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ВЫСШАЯ ШКОЛА РАЗВИТИЯ

Проект Ага Хана «Человековедение»

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ КРОСС-ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ТЕОРИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Под общей редакцией
А. Илолиева и П. Шозимова

Алматы
2024

УДК 37.0
ББК 74.00
П 78

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Университета Центральной Азии*

П 78 Проблемы изучения гуманитарного знания в Центральной Азии в контексте кросс-дисциплинарных исследований: теория и педагогическая практика / Под общ. ред. А. Илолиева и П. Шозимова. – Алматы: Эверест, 2024. – 348 стр.
ISBN 978-601-382-032-3

Данная книга основана на материалах серии международных конференций Проекта Ага Хана “Человековедение” (ПАХЧ) Университета Центральной Азии с участием ведущих ученых и педагогов Центральной Азии из Казахстана, Таджикистана и Кыргызстана. В ней раскрываются ключевые направления развития исследовательской и педагогической практики ПАХЧ в образовательном пространстве Центральной Азии, взятые как в историческом, так и современном контекстах. В книге поднимаются важные вопросы и проблемы, связанные с развитием образовательных и научных инновационных практик в Центральной Азии. Данная работа предназначена не только для специалистов в сфере гуманитарного и естественно-научного знания, но и для аспирантов, студентов и широкого круга читателей. Представленные материалы книги отражают личные взгляды авторов книги и не обязательно совпадают с позицией Университета Центральной Азии и его сотрудников.

УДК 37.0
ББК 74.00

ISBN 978-601-382-032-3

© Университет Центральной Азии, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава первая. ПРОЕКТ АГА ХАНА «ЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИЕ»: МИССИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ И ПРЕПОДАВАНИЕ	7
<i>А. Илолиев, П. Шозимов.</i> Этапы становления ПАХЧ в поисках эффективных путей развития: история, настоящее и будущее	8
<i>Г. Жумабекова.</i> Материалы ПАХЧ для аудитории школьников (практика использования), результаты, рекомендации по адаптации	40
<i>М. Алифбекова, О. Курбонхонов.</i> Курс ПАХЧ «Дискуссии о человеческой природе»: подходы, практическая значимость и новые возможности.....	46
<i>И.Зайцева, К. Бижигитова.</i> Университет практических знаний: методы преподавания гуманитарных дисциплин (адаптация курсов ПАХЧ к учебному процессу в Университете международного бизнеса (UIB) г. Алматы)	61
<i>С. Удербаетова.</i> Значимость текстов курсов ПАХЧ в преподавании в магистратуре КазНУ им. Аль-Фараби (учебные и методические практики и рекомендации по тиражированию опыта)	71
<i>З. Мадамиджанова.</i> Опыт внедрения магистерского курса ПАХЧ в Институте истории, этнографии и археологии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан	79
<i>Н. Курбанова.</i> Опыт внедрения магистерского курса ПАХЧ в университетах Кыргызстана	90
<i>В. Хайруллаева.</i> Вклад ПАХЧ в развитие потенциала педагогов в Казахстане, тенденции в повышении квалификации педагогов: связь исторического опыта с текущими вызовами	97
<i>В. Собирова.</i> Возможности и способы большей включенности преподавателей ПАХЧ в Кыргызстане: связь исторического опыта с текущими вызовами	110
<i>А. Джураев.</i> Человековедение – новое веяние на пути к повышению качества образования	120

<i>Н. Исаева.</i> Контенты интерактивной этнографической научной карты Проекта Ага Хана “Человековедение” Университета Центральной Азии	129
<i>Т. Базарбаева.</i> Планируемые практики использования возможностей интерактивной научной этнокарты ПАХЧ в работе кафедры ЮНЕСКО по устойчивому развитию КазНУ имени аль-Фараби	140
Глава вторая. ТРАДИЦИИ И ИЗМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ (КРОСС-ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД)	149
<i>А. Додхудоева.</i> История и конструирование национальных традиций: на примере Таджикистана	150
<i>П. Шозимов.</i> Социальный капитал как система ценностей в контексте образования, науки и социокультурной практики на примере Таджикистана	167
<i>Б. Кабилова.</i> Музыкальное искусство Памира: от истоков к современности	180
<i>З. Мадамиджанова.</i> Этнографические исследования в Таджикистане: от традиции к современности	193
<i>Г. Кохилова.</i> Астрофизические исследования в Таджикистане: от традиционного подхода через моделирование к эмпирическим свойствам	211
<i>А. Спектор.</i> Художественная литература третьего тысячелетия: поиски и находки	225
<i>И. Хайридин.</i> Влияние музыки на формирование идентичности в меняющихся условиях	245
<i>А. Джураев.</i> Глобальный мир: национальная культура и диалог	253
Глава третья. ПОДХОДЫ К ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ	269
<i>П. Шозимов.</i> Подходы к гуманитарным наукам в Центральной Азии: отражение социальной реальности или ее конструирование	270
<i>Е. Есенгараев.</i> Дискурсивные рамки идентичности	283
<i>И. Крупко.</i> Семиозис нарративов исторической памяти казахстанского общества: обретение субъектности	295
<i>А. Калижанова, Т. Шелестова, Ж. Будикова.</i> Применение коннективистских технологий в гуманитарной сфере	331

ВВЕДЕНИЕ

В книге «Проблемы изучения гуманитарного знания в Центральной Азии в контексте кросс-дисциплинарных исследований: теория и педагогическая практика» собраны статьи известных ученых и педагогов из Таджикистана, Кыргызстана, Казахстана. Представленные в книге статьи и выступления были озвучены в серии конференций Проекта Ага Хана «Человековедение» Университета Центральной Азии с 2017 по 2023 год.

Структура книги подразделена тематически, а не по времени презентации самих статей.

Первая глава книги «Проект Ага Хана «Человековедение»: миссия, философия, исследование и преподавание» ориентирована на рассмотрение концептуальных подходов при изучении гуманитарного знания в Центральной Азии.

Вторая глава посвящена теме «Традиции и изменения в современном мире (кросс-дисциплинарный подход)», в которой освещаются проблемы истории, культуры и традиции и то, как они меняются сегодня. Здесь также обозначены различные подходы и методы изучения самих традиций и национальных культур.

И, наконец, в завершающей третьей главе книги «Подходы к гуманитарным наукам в Центральной Азии: прошлое, настоящее и будущее» рассматриваются практические формы педагогической реализации инновационного проекта по гуманитарным наукам на примере Проекта Ага Хана «Человековедение» Университета Центральной Азии, который первым начал

осуществление инновационных методов как в сфере создания учебных материалов по гуманитарным наукам, так и в их педагогической практике. Реализация проекта началась с 1997 года и продолжается до сегодняшнего времени. Интересно рассмотреть, как ПАХЧ за 27 лет менялся вместе со своими партнерами, и какие образовательные изменения они актуализировали в данном регионе.

Сегодня многие идеи ПАХЧ, которые еще с момента их появления в регионе были инновационными, стали обычной частью образовательных программ и методик в Таджикистане, Кыргызстане и Казахстане. Философия и педагогика ПАХЧ до сих пор инициирует инновации и новые возможности для артикуляции идей и практик, основанных на кросс-культурных и кросс-дисциплинарных подходах.

Глава I

ПРОЕКТ АГА ХАНА «ЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИЕ»:
МИССИЯ, ФИЛОСОФИЯ,
ИССЛЕДОВАНИЕ И ПРЕПОДАВАНИЕ

Абдулмамад Илолиев,
Ph.D., Директор Проекта
Ага Хана «Человековедение»
Высшей школы развития
Университета Центральной Азии

Пулат Шозимов,
доктор философских наук, профессор,
Старший научный сотрудник Проекта Ага Хана
«Человековедение» Высшей школы развития
Университета Центральной Азии

Этапы становления ПАХЧ в поисках эффективных путей развития: история, настоящее и будущее

Проект Ага Хана «Человековедение» Университета Центральной Азии прошел огромный путь своего развития вместе со своими партнерами в образовательном пространстве Центральной Азии, в частности, в Таджикистане, Кыргызстане и Казахстане. ПАХЧ начал функционировать за четыре года до момента официального открытия Университета Центральной Азии в 2000 году, которое состоялось и было закреплено подписанием документа между его Высочеством Ага Ханом IV, Президентом Таджикистана Эмомали Рахмоном, Президентом Кыргызстана Аскармом Акаевым и Президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым. Учредительный Устав был зарегистрирован на уровне ООН.

Проект Ага Хана «Человековедение» для Центральной Азии был основан в 1997 году, хотя процесс подготовки

проекта начался в 1995. Идея создания ПАХЧ возникла в результате подписания Протокола о соглашении между Ага Ханом IV и Президентом Таджикистана Эмомали Рахмоном в мае 1995 года. Предварительный Проект был подготовлен докторами Рафиком Кешавджи (первым Директором ПАХЧ) и Азимом Нанджи в Университете штата Флорида (США) и представлен на Международной конференции Американской ассоциации содействия по развитию науки в Бишкеке в 1995 году. Проект и его идеи о междисциплинарном курсе по гуманитарным наукам, основанном на кросс-культурном подходе, имел хороший резонанс среди участников этой конференции, которые и предложили реализовать его в контексте Центральной Азии. Эта идея нашла поддержку в Таджикистане не только на правительственном уровне, но и на уровне интеллигенции (встреча Ага Хана IV с группой ученых, интеллектуалов и творческой интеллигенции в Душанбе в 1998 году).

Стоит отметить, что данный Проект является результатом запроса как интеллигенции, так и правительства Республики Таджикистан о необходимости создания образовательной модели, которая обеспечила бы пространство для новых идей и подходов в Таджикистане после распада СССР в 1991 году и Гражданской войны с 1992 по 1997 год. В этом контексте ПАХЧ и начал работать в Таджикистане.

Проект Ага Хана «Человековедение» был основан в 1997 году Тростом Ага Хана по культуре для продвижения идей гуманитарных наук, общечеловеческих ценностей, мультикультурализма, плюрализма и критического мышления в Центральной Азии. Это был амбициозный интеллектуальный проект со штаб-квартирой в Душанбе

и десятками учебных центров в Таджикистане, Казахстане и Кыргызстане. С 1997 по 2004 год в нем участвовала группа международных и региональных ученых для разработки междисциплинарной учебной программы и учебных ресурсов по гуманитарным наукам. Их усилия завершились публикацией восьми междисциплинарных антологий и сопутствующих им пособий для учителей (на английском и русском языках), которые составили структуру восьми семестровых курсов. Эти курсы впоследствии были распространены в 87 университетах региона, которые сформировали уникальную сеть учреждений и подготовили почти 2000 преподавателей по ведению курсов ПАХЧ¹.

История развития ПАХЧ: образование фундамента

1. 1995 год – подписание Протокола о соглашении между Президентом Таджикистана Эмомали Рахмоном и Его Высочеством Ага Ханом IV.

2. 1996 год – подготовка общеобразовательной модели ПАХЧ докторами Рафиком Кешавджи и Азимом Нанджи. Эта модель включала общие принципы, инструменты и этапы на ближайшие 15 лет, которые были теоретически утверждены и апробированы на конференциях и совещаниях в Кыргызстане и Таджикистане.

3. 1996-1997 гг. – переговоры в Душанбе между доктором Рафиком Кешавджи и Министерством образования Таджикистана. Организация встреч с интеллигенцией из России, Таджикистана, Кыргызстана и Казахстана. Создание группы из местных специалистов по различным

---

¹ Keshavjee, R. 2004. "Trials in the Humanities" in S.P. Heyneman and A. De Young (eds) *The Challenges of Education in Central Asia*. Greenwich, CT. 2004, p. 1-2.

гуманитарным дисциплинам с сильным компонентом административных навыков.

4. 1997 год – создание модели, структуры, принципов, определение рисков, включая определение целевых групп (университеты, преподаватели, студенты) местными учеными и экспертами, в частности, доктором исторических наук Камолом Абдуллаевым, докторами философских наук Фирузой Турсун-заде и Махмадали Музаффари.

5. 1997-1998 гг. – создание первого учебного плана для студентов 1-го и 2-го года обучения группой разработчиков из числа ученых.

Тема 1. «Ответственность личности перед общиной, обществом и окружающей средой» – Камол Абдуллаев / Сунатулло Джонбобоев.

Тема 2. «Культура, традиция и инновации» – Абдурахим Джураев.

Тема 3. «Формальные и неформальные традиции» – Бойбулатов Б. /Хуршед Зиёев.

Тема 4. «Искусство и человеческое состояние» – Фируза Турсун-заде.

Тема 5. «Подъем и упадок культур» – Пулат Шозимов.

Тема 6. «Человек как объект познания, человеческого разнообразия и человеческих идеалов» – Махмадали Музаффари / Махмадулло Ибодов.

Разработка концептуальных указателей ПАХЧ для студентов 1 и 2 года обучения – Пулат Шозимов / Лола Пулатова.

В 1998 году ПАХЧ начал проводить семинары по апробации новых учебных материалов под руководством Пулата Шозимова и Лолы Пулатовой с 15-ю отобранными на основе конкурса студентами из Российско-Таджикского

(Славянского) университета (РТСУ), Таджикского технического университета (ТТУ) и Таджикского государственного института языков (ТГИЯ). В 1999 году команда ПАХЧ набрала студентов для двухгодичных семинаров и новых партнеров-преподавателей из Худжанда, Хорога, Оша.

С февраля по май 1999 года преподаватели из партнерских университетов прошли обучение по профессиональному развитию в штаб-квартире ПАХЧ в г. Душанбе.

7. С 1999 – 2000 гг. ПАХЧ провел семинары для 100 студентов из 5-ти новых университетов (по 20 студентов из каждого университета).

8. В 2001 году ПАХЧ пригласил к сотрудничеству дополнительно еще 4 университета: Институт восточных языков и культуры (Бишкек, Кыргызстан), Государственный педагогический университет им. Абая (Алматы, Казахстан), Кулябский государственный университет (Куляб, Таджикистан) и Таджикский государственный педагогический институт (Душанбе, Таджикистан). Итого – 9 вузов.

9. С февраля 2002 года начался новый этап разработки учебных программ. Это было время для переосмысления структуры учебной программы и стратегии с учетом результатов учебной программы и педагогического опыта, включая оценку внедрения учебного материала для студентов 1 и 2 курсов как в штаб-квартире ПАХЧ, так и в университетских центрах.

По результатам «мозгового штурма» во время семинара по разработке учебных программ в 2002 г. (2 – 9 февраля, Душанбе), в котором участвовали доктор Рафик Кешавджи (Директор ПАХЧ), доктор Джон О'Конелл (Старший преподаватель музыковедения и Директор аспирантуры по музыке в Университете Лимерика в

Ирландии), Пулат Шозимов (Руководитель отдела разработки учебных программ ПАХЧ), 15 сотрудников ПАХЧ из числа ученых и преподавателей, включая представителей партнерских университетов Центральной Азии – Абдурахмана Алимбаева (Институт им. Арабаева в Бишкеке), Адиля Нуракишева (Педагогический университет им. Абая в Алматы), Абдурахима Джураева (Худжандский государственный университет), Мадисо Рахимова (Кулябский государственный университет), Хуршеда Зиёева (Таджикский государственный институт языков). ПАХЧ обновил текущую структуру материала учебной программы и разработал принципы и концепции для студентов по курсам 1- 4 годов обучения.

В 2002 году после бурных обсуждений была создана новая структура учебной программы для студентов 1-го по 4-й курс. Если учебные материалы 1 и 2 годов обучения были основаны и структурированы согласно тематическому подходу, то учебные материалы для студентов 3 и 4 годов обучения структурировались в соответствии с постановкой фундаментальных и вспомогательных вопросов.

В результате этого семинара штаб-квартира ПАХЧ решила создать две группы по разработке учебных программ в рамках Департамента под общим руководством Пулата Шозимова. И если первая группа разрабатывала материалы для 1-го и 2-го курсов обучения, то вторая – учебные программы для студентов 3-го и 4-го курсов.

Рафик Кешавджи: «За пять лет ПАХЧ подготовил более 1500 страниц учебного материала, основанного на тематическом подходе (1-2 годы обучения) и на базе фундаментальных вопросов (3-4 годы обучения), включая

дополнительные учебные материалы в текстовой и визуальной форме (электронные и кино-этические игры). Также ПАХЧ получил более 70 отчетов об оценке учителей по учебной программе, около 1000 студенческих дневников, создав при этом новую ассоциацию для разработки учебных программ, в которую вошли различные образовательные, научные и художественные организации (Академия наук, Союз композиторов, Союз художников). Учебная программа курса ПАХЧ представляет собой уникальные междисциплинарные материалы, включающие различные точки зрения разных цивилизаций, воспитание человечности, терпимости, плюрализма, независимого мышления, лидерства, творчества и другие необходимые навыки, которые могли бы быть распространены во многих местах мира, включая мусульманские и немусульманские страны»².

С 1998 по 2005 год более 150 преподавателей из разных университетов Центральной Азии прошли обучение по развитию различных педагогических и интеллектуальных навыков: оценивание/мониторинг (1998 г., профессор Билл Биман, США); этнология и народные традиции (1999 г., проф. Маргарет Миллс, Огайо, США); интерпретация искусства (2001 г., Джон О'Коннелл, Великобритания, Билл Биман, Мунира Спенс (США), Мумин Каноат (Таджикистан); этномузыкология (2002, Билл Биман, Джон О'Коннелл). Разработка учебной программы (февраль-август 2002 г., Стив Зельник и представители Фонда великой литературы, США). Общее количество обученных преподавателей с начала 2005 года составило 156 человек.

---

² Электронный архив Рафика Кешавджи. – 2002 г.

Можно сказать, что это стало фундаментом, на котором в последующие годы развивался Проект Ага Хана «Человековедение».

Итак, какие достижения были осуществлены ПАХЧ с 1997 по 2003 год?

К ним можно отнести следующие:

– Создание образовательных моделей для развития, инноваций, творчества и независимого мышления как на уровне интеллектуалов/ учителей, так и студентов.

– Хорошая взаимосвязь между учебной программой, педагогикой и оценкой.

– Создание творческой среды как внутри коллектива, так и в пилотных университетах-партнерах.

– Хорошая связь между исследованиями, педагогикой и администрацией через создание Центров ПАХЧ в университетах – партнерах.

– Формирование интеллектуально-педагогической сети как модели в образовательном контексте Центральной Азии.

Чего не удалось достичь ПАХЧ за этот период?

1. Формализации курсов ПАХЧ в университетах в долгосрочной перспективе: вопрос устойчивости.

2. Адаптации инновационных материалов и педагогики ПАХЧ к реальности университетов.

3. Создания сильной и устойчивой группы сторонников идей и принципов ПАХЧ прежде всего среди административного персонала университетов.

Началу перехода к новому этапу развития ПАХЧ послужил следующий стратегический вопрос: Почему ПАХЧ ориентировался исключительно лишь на 10% студентов (элитный уровень) в течение 1997–2003 годов, и

каковы были последствия этой стратегии? Как обстоят дела относительно остальных 90% студентов?³

Этот вопрос в какой-то мере предопределил последующее изменение стратегии ПАХЧ, что привело к увеличению бюджета, который был направлен на проведение большего количества тренингов по профессиональному развитию преподавателей и увеличению количества студентов, прошедших курс ПАХЧ в Таджикистане, Кыргызстане и Казахстане.

Следующий этап развития ПАХЧ (2004–2012 гг.)

Начиная с 2003 года штаб-квартира ПАХЧ под руководством доктора Шираза Алибхая и Нормы Джо Бэккер, регионального координатора ПАХЧ, создали новое редакционное подразделение, в котором 5-6 специалистов со всего мира занялись редактированием окончательной версии восьми отдельных курсов. В состав команды вошли Махматкулов Акрам (Узбекистан), Халилов Мердан (Туркменистан), Киш Аннамария (Венгрия), Норма Джо Беккер, Чад Томсон (Канада), Мехмоншо Шарипов (Таджикистан).

В течение двух лет эта группа разрабатывала материалы учебной программы по темам «Введение в Человековедение», «Личность и общество», включая проект структуры для других 6 томов на основе рекомендаций и предложений Международной экспертной группы. Хорошая идея заключалась в том, что концептуальная структура была сохранена из предыдущего опыта ПАХЧ: тематические исследования и тексты, которые

---

³ Стив Зельник. Международный Отчет о деятельности Проекта Ага Хана «Человековедение» для Центральной Азии. – 2022г. (электронный архивный документ).

представляют различные культурные, религиозные и интеллектуальные традиции. Некоторые тексты и тематические исследования и вопросы были включены в новый учебный материал и дополнены. Суть новой версии (по рекомендации экспертной группы) заключалась в том, чтобы все авторские интерпретации были исключены. Также были сокращены материалы для 3-го и 4-го годов обучения. Интересно, что последняя версия учебного материала включала идеи еще двух стран, а именно, Туркменистана и Узбекистана, которые ранее не были задействованы в ПАХЧ. Так что эту модель разрабатывали все пять стран Центральной Азии в отличие от периода с 1997–2003 гг.

В последующие годы при новых директорах ПАХЧ – Ясмин Лоди и Шарофат Мамадамбаровой – к 2010 году были подготовлены финальные учебные материалы к 6 книгам ПАХЧ. Можно сказать, что к 2010 году завершился этап подготовки восьми учебных материалов.

Стоит также отметить, что в 2007 году ПАХЧ официально вошел в структуру Университета Центральной Азии, что, безусловно, придало ему устойчивость в последующем развитии.

По статистике с 1997 по 2005 годы курсы ПАХЧ посетили 3331 студент. В 2005–2006 годах количество студентов, прошедших курсы ПАХЧ, увеличилось до 9000. В то же время ПАХЧ увеличил также количество инструкторов с 36 человек в 2005 году до 100 человек в 2006 году. Конечно же, это повлекло и увеличение количества студентов. Мы также можем наблюдать резкое увеличение числа университетов-партнеров с 15 в 2005 году до 23 новых университетов в 2006 году.

**Общая страновая статистика по студентам, инструкторам
и образовательным институтам – партнерам ПАХЧ
за 2005 – 2010 гг.⁴**

Страна	Студенты	Инструкторы	Университеты/ колледжи
Таджикистан	16623	288	
Кыргызстан	11507	182	
Казахстан	8356	225	
Всего:	36486	695	35 (31/4)

Гуманитарные науки на английском языке

С 2005 года активизировался курс ПАХЧ на английском языке, который до сих пор устойчиво и успешно функционирует на платной основе в г. Душанбе. Этот курс является одним из самых устойчивых из всех активностей ПАХЧ.

С 2005 по 2021 гг. более 3000 студентов прошли курсы ПАХЧ на английском языке, и многие из них заняли большие и ответственные позиции как на национальном, так и на международном уровнях. Студенты данного курса стали основой, на которой был создан Дебатный клуб ПАХЧ на английском языке в 2012 году.

Можно сказать, что результатом второго этапа развития ПАХЧ стали именно студенты, которые и ознаменовали переход к третьей стадии развития.

Третья стадия развития ПАХЧ (2013-2021гг.)⁵

Синергетический синтез интеллектуалов, создавших ценностную платформу ПАХЧ, и преподавателей,

---

⁴ Electronic archive: АКНР Annual Report 2012.

⁵ В этот период и.о. директора ПАХЧ был Пулат Шозимов.

которые расширили пространство ПАХЧ для артикуляции его идей и ценностей в более широком контексте через педагогику, нашел свое воплощение в интегральной связи: интеллектуалы – педагоги – студенты, что стало концептуальной основой развития ПАХЧ на третьем этапе его развития с 2013 по 2021 гг.

Можно сказать, что предыдущие 2 уровня подготовили условие для создания инновационных продуктов ПАХЧ на третьем этапе его развития, а именно: Публичные лекции ПАХЧ (ученые, интеллектуалы, преподаватели); Дебаты (студенты), Магистерский учебный материал (ученые, интеллектуалы, преподаватели, студенты), Электронная этнографическая научная карта Центральной Азии (ученые, интеллектуалы).

Все эти инновационные продукты стали двигателями развития Проекта, которые фиксируют параметры всех трех этапов развития ПАХЧ.

Стоит отметить, что круг партнеров–университетов ПАХЧ в Таджикистане, Кыргызстане и Казахстане увеличился за этот период до 87 образовательных и научных учреждений за счет подключения научных исследовательских институтов Академии наук Казахстана, Таджикистана и Кыргызстана. Подсчет количества партнерских университетов основан на количестве Меморандумов о сотрудничестве, которые были подписаны ПАХЧ с партнерами, начиная с 1999 года. Безусловно, активность университетов-партнёров снизилась из-за изменения приоритетов ПАХЧ, особенно после 2013 года. Образовательные учреждения трех стран использовали учебные материалы ПАХЧ уже внутри других дисциплин, где преподаватели-партнеры использовали учебные материалы ПАХЧ, в особенности его педагогику.

Многие университеты-партнеры подключались к таким активностям ПАХЧ как Серия публичных лекций, конференции и дебаты через своих преподавателей, ученых и студентов, что создавало синергетическую связь между ними.

Серия публичных лекций ПАХЧ

С 2012 года Проект Ага Хана «Человековедение» по инициативе доктора философских наук Пулата Шозимова начал проводить серию публичных лекций в рамках формирования междисциплинарного дискурса в контексте взаимоотношений гуманитарных и естественно-научных исследований.

Лучшие деятели науки, культуры и искусства Таджикистана принимали активное участие в этом знаменательном событии не только как лекторы, но и как постоянные участники дискуссий и обсуждений после проведения лекции.

В настоящее время публичные лекции охватили и другие страны: Кыргызстан, Казахстан, Россию, США, Канаду. Известные ученые, преподаватели, представители творческой интеллигенции, общественные деятели активно участвовали и до сих участвуют в создании своеобразной интеллектуальной площадки для лучшего понимания, объяснения многих проблем современного мира. Стимулом также служит и то, что за период с 2012–2021 гг. было опубликовано четыре книги, которые включают материалы лекций с указанием авторов статей.

**Общая статистика «Серий публичных лекций ПАХЧ»
с 2012 до 2024 гг.**

Страна	Кол-во лекций	Кол-во участников
Таджикистан	Всего: 78 (2012 – 2024)	Всего: 3200 (2012 – 2024)
Кыргызстан	Всего: 26 (2017 – 2024)	Всего: 1200 (2017 – 2024)
Казахстан	Всего: 27 (2017 – 2024)	Всего: 1300 (2017 – 2024)
Всего	131 лекция	5700 участников

Целью лекций Проекта Ага Хана «Человековедение» является направленность на содействие профессионального развития преподавателей университетов в трех странах и создание открытой платформы для обсуждения текущих проблем нашего времени, внедрения новых идей, расширения диалога между учеными, интеллектуалами, преподавателями и студентами. За девять лет ПАХЧ создал мощную интеллектуальную площадку в Таджикистане, Кыргызстане и Казахстане, которая обеспечивает социальный, человеческий и институциональный капитал для деятельности ПАХЧ в трех странах. На основе этого ПАХЧ совместно со своими партнерами разработал Магистерский курс и Электронную этнографическую карту для трех стран, в работе над которыми участвовали семь Директоров исследовательских институтов Казахстана, Таджикистана и Кыргызстана, известные ученые по различным научным дисциплинам⁶.

---

⁶ Магистерский курс: «Картина мира Центральной Азии: история и современность» – ПАХЧ / УЦА

См: <https://staging.ucecentralasia.org/media/5mphxllw/ma-coursebook-rus.pdf>

При этом Магистерский курс и Электронная карта основаны на инновационной концептуальной методологической основе, разработанной доктором философских наук, профессором Пулатом Шозимовым⁷, и является новым интеллектуальным продуктом в Центральной Азии помимо уже созданных классических дебатных форматов США и Великобритании. Новый формат является трехмерным и базируется на кросс-дисциплинарном и кросс-культурном подходах, а также включает в себя не только обсуждение вокруг поставленных проблем или вопросов резолюций, но и создание наиболее эффективных сценариев для их решения. Метод и концепция данного подхода были успешно апробированы на многих интеллектуальных международных, региональных и национальных площадках стран Центральной Азии, России, США, Германии.

Кросс-дебатный формат (КДФ) уже активно функционирует в образовательном пространстве трех стран Центральной Азии, поддерживая кросс-дисциплинарный и кросс-культурный дискурс в различных образовательных и научных институтах и университетах Таджикистана, Казахстана и Кыргызстана. По данному формату было проведено пять региональных и три национальных турнира, включая множество тренингов и мини-турниров в разных регионах этих стран. Уже более

Концептуальный указатель магистерского курса: «Картина мира Центральной Азии: история и современность» – ПАХЧ\УЦА

См: <https://ucentralasia.org/media/gihfx1uh/ma-teaching-manual-rus.pdf>

Этнографическая электронная научная карта Центральной Азии – ПАХЧ\УЦА

См: <https://ca.witharts.kz/>

⁷ В 2021 году новый формат КДФ, основанный на методологии Пулата Шозимова, был официально запатентован.

1200 студентов прошли тренинги по КДФ. С 2012 по 2021 год ПАХЧ подготовил 34 тренера по трем категориям в трех странах.

Таким образом серия публичных лекций ПАХЧ создала площадку для обмена идеями и подходами среди интеллектуального и творческого сообщества, которая стала общей и понятной для групп, включенных в данный дискурс. Далее на базе этого ресурса были созданы два интеллектуальных продукта – Магистерский курс ПАХЧ «Картина мира Центральной Азии: история и современность» и Электронная этнографическая карта Центральной Азии.

Магистерский курс включает в свою учебную программу три раздела, а именно, историю/культуру – экономику – экологию Казахстана, Таджикистана и Кыргызстана. По этой концептуальной конструкции выстроена и Электронная карта Центральной Азии, которая включает в себя не только эти три компонента, но и статистические данные.

При этом завершающая часть магистерского курса заканчивается оценкой или проверкой полученных знаний и навыков через использование кросс-дебатного формата, который также выстроен по концептуальной линии первой конфигурации: история/культура – экономика – политика. При этом в зависимости от рассматриваемой темы меняется и порядок выступления спикеров в КДФ. Вся концептуальная и философская методология КДФ позволяет создать правила дебатной игры и решать задачи в зависимости от поставленной в дебатной резолюции проблемы. КДФ очень хорошо зарекомендовал себя в качестве оценки знаний по магистерскому курсу.

Таким образом, КДФ стал концептуальной основой, на базе которой создавались Магистерский курс ПАХЧ и Электронная карта Центральной Азии. Это позволило создать не только дискурс внутри каждого проекта, будь-то Магистерский курс ПАХЧ или Электронная карта, но и образовать пространство встречи между ними. Например, дебаты КДФ используют материалы ПАХЧ и данные электронной карты в своих аргументациях по всем трем позициям: примордиализма (позиция примордиалиста), рационального инструментализма (позиция реалиста) и социального конструктивизма (позиция конструктивиста).

Все это показывает, что наиболее эффективные результаты в формировании кросс-дисциплинарного и кросс-культурного дискурсов в Центральной Азии достигаются благодаря синергетическому синтезу различных интеллектуальных продуктов через формирование общих площадок для их артикуляции. При этом важно, чтобы этот дискурс был концептуально выстроен не только через теоретические положения, но и через постановку больших стратегических целей и реальных примеров успеха в реализации той или иной идеи или метода в контексте Центральной Азии.

Именно в этом случае можно заложить основу для формирования общего центральноазиатского дискурса вокруг самых важных и стратегических вопросов развития Центральной Азии как на национальном, так и международном уровне.

Каков следующий этап развития ПАХЧ?

Проект Ага Хана «Человековедение» за свою 25-летнюю историю (по факту 27 лет), прошел почти 3 этапа своего развития:

1995 – 2003гг. (Основание – Интеллектуалы)

2004 – 2012гг. (Педагогика – Преподаватели)

2013 – 2021гг. (Результаты/инновация – Синергия интеллектуалов – преподавателей и студентов).

В 2022 году директором ПАХЧ был назначен доктор Илолиев Абдулмамад. С этого момента начался процесс формирования новой конфигурации или цикла становления ПАХЧ на основании рекомендаций доктора Богдана Кравченко. В достижении новой стратегии были использованы следующие инструменты:

1. Тренинг для тренеров
2. Проведение международных летних школ для студентов
3. Краткосрочные тренинги для преподавателей
4. Конференции
5. Обновление учебных материалов ПАХЧ с последующим переводом их на национальные языки (впервые в истории ПАХЧ)
6. Тренинг преподавателей ПАХЧ на национальных языках по методам преподавания учебных материалов ПАХЧ
7. Подготовка к проведению тренингов для преподавателей и занятий со студентами на национальных языках
8. Цифровизация ПАХЧ.

Проект Ага Хана «Человековедение»: его текущая деятельность и пути дальнейшего развития (2022 – 2024гг.)

Восстановление связей с партнерами ПАХЧ

В 2022 году ПАХЧ удалось восстановить связи между Проектом и его партнерами. В различных частях Таджикистана и Казахстана было проведено несколько полевых работ для изучения состояния партнерства с точки зрения количества активных партнеров, их участия и вклада в деятельность Проекта, использования антологий ПАХЧ, опасений и ожиданий от Проекта. Поездки охватили три основных города Казахстана (Алматы, Талды-Курган и Текели) и пять городов Таджикистана (Душанбе, Дангара, Куляб, Худжанд и Хорог), где были проведены индивидуальные и групповые встречи с 195 учеными (включая университетских ректоров, преподавателей ПАХЧ и новых партнеров) в 35 университетах и 4 офисах УЦА (Алматы, Текели, Душанбе и Худжанд). Также состоялись встречи с ректором Хорогского государственного университета (ХГУ) и директором Хорогского гуманитарного института Национальной академии наук Таджикистана в Душанбе⁸. Стороны обсуждали пути взаимного сотрудничества в преподавании курсов ПАХЧ и повышение квалификации преподавателей. В конце июля Министерство образования Таджикистана одобрило заявку ХГУ на сотрудничество с ПАХЧ. Аналогичным

---

⁸ Полевые работы в Алматы, Талды-Кургане и Текели провели директор ПАХЧ Абдулмамад Илолиев и сотрудник по связям ПАХЧ в Казахстане Нуржауар Исаева. В Душанбе, Дангаре, Кулябе и Хороге директора сопровождал преподаватель гуманитарных наук ПАХЧ Обидхон Курбонхонов.

образом были проведены онлайн-сессии с партнерами в Кыргызстане.

Полевые работы и онлайн-сессии показали, что за последние несколько лет отношения Проекта с партнерскими учреждениями в Таджикистане, Казахстане и Кыргызстане ограничивались такими мероприятиями, как серия публичных лекций, проведение студенческих региональных дебатов, международных и региональных конференций, тренингов по курсу магистратуры. Подавляющее большинство инструкторов, подготовленных ПАХЧ, потеряли связь с Проектом. В ходе обсуждений выяснилось, что общая слабость партнерства была тесно связана с такими вопросами, как (а) сокращение финансирования для Программы развития партнеров (FDP) и других учебных курсов и (б) упразднение региональных и местных центров ПАХЧ. Партнеры, продемонстрировав глубокую заинтересованность в продолжении сотрудничества с Проектом, обратились с просьбой возобновить некоторые элементы FDP и поддержать их в преподавании антологий на национальных языках. В ходе визитов к ПАХЧ присоединились два научно-исследовательских института: Институт изучения Азии и Европы (в Душанбе) и Институт гуманитарных наук (в Хороге) Национальной академии наук Таджикистана. Расширяя свою сеть за пределами стран-основателей УЦА, ПАХЧ подписал меморандум о взаимопонимании с Кокандским педагогическим институтом Узбекистана, и два его преподавателя приняли участие в нашем первом после долгого перерыва тренинге повышения квалификации партнеров в Душанбе в июне 2023 года. В настоящее время сеть ПАХЧ состоит из 64 академических учреждений и 305 учёных из Таджикистана, Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана.

Обновлен список адресов электронной почты партнеров и создана новая база данных.

Рецензия, перевод и публикация антологий ПАХЧ

Антологии ПАХЧ преподаются в основном на русском языке. Вопрос о переводе части учебников на национальные языки поднимался многими преподавателями. С момента обретения независимости роль национальных языков значительно возросла как часть усилий по строительству нации и государства. Среднее образование теперь предлагается преимущественно на национальных языках, которые быстро завоевывают популярность в высшем образовании. Следствием этого является то, что многие студенты испытывают трудности со сложным языком некоторых русских текстов. Принимая это во внимание, в апреле 2022 года ПАХЧ приступил к реализации нового проекта, который включает в себя как рецензирование, так и перевод (с русского и английского на таджикский, казахский и кыргызский языки) учебных материалов. ПАХЧ намерен пересмотреть, обновить (с использованием текстов из Центральной Азии), перевести и доработать одну антологию в год.

Долгосрочный проект начался с антологии «Введение в человековедение», которая была сначала рецензирована Пулатом Шозимовым, а затем переведена комитетом по обзору и переводу учебных программ, состоящим из региональных ученых Таджикистана, Кыргызстана, Казахстана и сотрудников ПАХЧ. Переработанные материалы были переведены, рецензированы и опубликованы на четырех языках – таджикском, казахском, кыргызском

и русском⁹. Кроме того, переведенная антология была апробирована в классах Бишкека (на кыргызском языке), Душанбе (на таджикском языке) и Алматы (на казахском языке) в 2023 году. Эти небольшие и краткосрочные занятия были разработаны для того, чтобы апробировать обновленные учебные материалы ПАХЧ на национальных языках и получить данные об их возможностях, качестве переводов, понимании, студенческом интересе и педагогике преподавания. Другими словами, подготовка к полномасштабному внедрению в вузах-партнерах – в некотором смысле образовательная симуляция. Эти пилотные эксперименты позволили нам поразмышлять над важнейшими аспектами наших методов обучения и учебной программой. Они позволили получить представление о времени, ресурсах и навыках группового процесса, которые необходимы преподавателям для достижения целей обучения. Пилотные тесты ПАХЧ помогли создать более качественные образовательные программы для студентов на национальных языках. Вторая антология «Личность и общество» также была рецензирована Пулатом Шозимовым и переведена на национальные языки ведущими переводчиками трех стран. Третья антология «Традиции и изменения» уже рецензирована Пулатом Шозимовым, и мы планируем ее перевести. Также в ближайшие пять лет продолжится рецензирование, обновление и перевод оставшихся пяти онтологий в ближайшие пять лет.

---

⁹ «Муқаддимаи Инсоншиносӣ» (Tajik) Алмато-2023. «Адамтаанууга Киришуу» (Kyrgyz). Алматы-2023. «Адамтануға Кіпсіпе» (Kazakh). Алматы-2023. «Введение в еловековедение» (Russian), Алматы-2023.

Возобновление старых и запуск новых тренингов

(а) Курсы повышения квалификации

С 2017 по 2022 год курсы обучения ПАХЧ, за исключением курса «Гуманитарные науки на английском языке» в Душанбе, практически были приостановлены. Чтобы восстановить отношения с партнерами, улучшить их содержательные знания и педагогические навыки, в июле 2023 года ПАХЧ возобновил свой курс обучения, начав параллельные курсы повышения квалификации в Душанбе и Бишкеке. В тренинге приняли участие 43 преподавателя и профессора университетов из 22 партнерских академических учреждений Таджикистана, Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана. Курс был разработан для действующих тренеров и новичков ПАХЧ, чтобы навыки, полученные в ходе предыдущего обучения, не были потеряны. Основная учебная цель тренинга заключалась в том, чтобы помочь тренерам понять, сформулировать и передать фундаментальные принципы антологий ПАХЧ. В частности, сессии были посвящены новому изданию и переводам (на таджикский, казахский и кыргызский языки) «Введения в человековедение», включая лежащие в его основе интеллектуальные перспективы, философию, образовательные подходы, ключевые идеи и содержание. Аналогичным образом тренеры обсудили отчеты о недавних пилотных тестовых занятиях по «Введению в человековедение» в классах Бишкека (на кыргызском языке) и Душанбе (на таджикском языке) и предложили пути полного внедрения этого курса на национальные языки в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане. Подчеркнув свою роль в качестве послов ПАХЧ, тренеры подтвердили свои обязательства преподавать антологии ПАХЧ, оказывать поддержку новым преподавателям-стажерам и

быть интеллектуальным ресурсом для поддержки своих университетов. С 2024 года этот тренинг будет называться «Тренинг тренеров» (ToT).

(б) Летние школы, финансируемые DAAD

В 2022 году ПАХЧ в сотрудничестве с Берлинским университетом имени Гумбольдта разработал совместную программу летней школы по культурному и языковому наследию Центральной Азии в целом и персидского мира в частности. С 5 по 23 сентября в Душанбе прошла первая трехнедельная международная летняя школа, в которой приняли участие 19 студентов бакалавриата и магистратуры из Таджикистана, Германии, США и Канады. Школа дала учащимся более глубокое понимание разнообразия культурного наследия, возможность провести собственные мини-исследовательские проекты, выбрать один из аспектов культуры, исследуя его значение и контекст. Кроме того, студенты размышляли о своей позиции как исследователей, используя критический подход к культурному наследию. Еще одним важным событием летней школы стала возможность для иностранных студентов пройти интенсивный ускоренный курс таджикского языка, после которого последовали языковые тандемные мероприятия с местными студентами УЦА в Душанбе.

Вторая летняя школа была проведена в июне 2023 года на тему «Таджикский, дари или персидский язык: эволюция персидских языков и культур» для 25 студентов бакалавриата из Германии. Программа включала ускоренные курсы таджикского (с кириллицей), персидского (с арабской графикой) и восточно-иранского языков, занятия по персидским классическим текстам, дискуссии и дебаты по персидской/таджикской истории и

литературе, а также экскурсии в музеи и исторические места Душанбе и его пригороды. Занятия вели четыре опытных преподавателя из Таджикского национального университета и Национальной академии наук (которые ранее в этом году преподавали шестинедельный курс таджикско-персидского языка для группы студентов Оксфордского университета) и два доктора философии из Университета Центральной Азии. В сентябре 2024 года была проведена третья Летняя школа по программе DAAD.

(в) Курс таджикско-персидского языка (TPLC)

Чтобы установить контакты с известными академическими учреждениями за пределами стран-основателей УЦА, в 2023 году ПАХЧ подписал соглашение с факультетом азиатских и ближневосточных исследований Оксфордского университета о преподавании таджикско-персидского языка для студентов бакалавриата. Первая группа студентов прошла шестнадцатинедельные языковые курсы в апреле-августе 2023 года в Душанбе. Квалифицированные преподаватели различных таджикских вузов вели курсы таджикской грамматики, чтения и письма, основ таджикского языка и литературы по таджикско-персидскому языковому и культурному наследию. Вторая группа начала свой курс в январе 2024 года и завершила его в мае 2024 года. Этот курс задуман как долгосрочный проект и имеет целью привлечь других иностранных студентов, желающих изучать таджикско-персидский язык в Душанбе.

Расширение исследовательских и издательских возможностей ПАХЧ

а) Ежегодные международные конференции и серия публичных онлайн-лекций

ПАХЧ ежегодно организует международную конференцию для обсуждения тем, связанных с исследованиями и преподаванием гуманитарных наук в контексте Центральной Азии, привлекая для этого известных ученых из региона и за его пределами. Материалы конференций ПАХЧ будут опубликованы в конце 2024 года. На данный момент были проведены три конференции в комбинированном очном и онлайн-формате, в которых приняли участие ученые, специализирующиеся в области гуманитарных и социальных наук не только из Центральной Азии, но и из других стран. На конференциях обычно проводились оживленные дискуссии о том, как изучать и преподавать предметы гуманитарных наук в Центральной Азии, которые во многом зависят от конкретных подходов в области обучения и постепенного перехода от традиционной дисциплинарной организации гуманитарных наук к междисциплинарной и multidisciplinary. Конференции также подчеркивают важность сотрудничества между академическими учреждениями Центральной Азии и международными научными сообществами, где ПАХЧ может сыграть связующую роль в образовании академической и преподавательской сети, которая будет ориентирована на продвижение междисциплинарных гуманитарных наук и педагогики в Центральной Азии, для развития критического мышления, расширения кругозора и плюрализма мировоззренческих взглядов. ПАХЧ может стать мостом для обмена

идеями и опытом между различными академическими сообществами и образовательными учреждениями.

Конференция 2023 года на тему «Преподавание гуманитарных наук в контексте Центральной Азии: новые подходы, процессы и методологии» прошла в Душанбе и транслировалась онлайн. Она была направлена на укрепление сотрудничества между университетами-партнерами ПАХЧ в Центральной Азии и за ее пределами. В конференции были подчеркнуты важность междисциплинарного преподавания различных гуманитарных дисциплин и их связи с естественными науками и другими аспектами человеческого знания в образовательном контексте Центральной Азии. В ней приняли участие 60 участников, из которых 34 присутствовали лично из Душанбе, Худжанда и Куляба. Представители министерств образования Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана, известные региональные и международные учёные (Канада и США) выступили с речами и презентациями. На конференции было поднято много актуальных тем, которые представили известные ученые в области гуманитарных и социальных знаний.

Докладчики отметили, что изучение и преподавание гуманитарных наук во много зависит от конкретных подходов к ним. Одной из ведущих тенденций в науке второй половины XX в. является стремление к синтезу знания, полученного в рамках отдельных научных дисциплин. Наряду с сохраняющейся дисциплинарной организацией науки и усиливающейся специализацией идет активное формирование междисциплинарного знания, все чаще применяются проблемные и проектные подходы к исследованию, утверждается парадигма целостности. Эти подходы являются ключевыми для деятельности

ПАХЧ, который был создан с целью продвижения идей гуманитарных наук и общечеловеческих ценностей, поддержки местных ученых и преподавателей в подготовке и преподавании гуманитарных предметов с использованием инструментов инновационной педагогики.

Публичные лекции ПАХЧ проводятся один раз в два месяца в партнерских учреждениях с привлечением местных и региональных ученых из стран-основателей УЦА по различным темам, связанным с гуманитарными и социальными науками. Популярность лекций также обусловлена новой организационной структурой – содействием диалогу между гуманитарными и естественными науками. С 2022 по 2024 годы было прочитано 25 лекций.

(2) Публикации

Материалы ежегодных конференций и серий публичных лекций рецензируются, а затем публикуются. ПАХЧ также ежегодно публикует новые издания своих антологий на английском, русском, казахском, кыргызском и таджикском языках. В 2023 году впервые в истории ПАХЧ антология «Введение в человековедение» была опубликована на национальных языках государств-учредителей УЦА, а также на русском и английском языках. Более того, академический состав ПАХЧ помимо своей повседневной деятельности также активно участвует в индивидуальных исследованиях. Они активно участвуют и выступают на региональных и международных конференциях, публикуют книги и статьи. Старший научный сотрудник УЦА, доктор философских наук, профессор Пулат Шозимов по приглашению Председателя Высшей Аттестационной комиссии (ВАК) на безвозмездной основе работал Председателем экспертного Совета (ВАК) по

философии, политологии и социологии при Президенте Республики Таджикистан (2021-2024 гг.)

За последние три года были опубликованы две книги и десятки статей на различные темы по гуманитарным и социальным наукам, в том числе новое критическое издание книги Алексея Бобринского «Горцы верховьев Пянджа: ваханцы и ишкашимцы»¹⁰.

(д) Серия документальных фильмов о культурном наследии

В 2023 году ПАХЧ в сотрудничестве с Национальным телевидением Таджикистана запустил проект документальных фильмов, целью которого является популяризация богатого и разнообразного культурного и исторического наследия жителей Центральной Азии и их вклада в мировые цивилизации. Первый документальный фильм, снятый в Ишкашимском районе ГБАО, называется «Культурное наследие Таджикистана по Ваханскому маршруту Шелкового пути». Речь идет о древних объектах ГБАО на Ваханском маршруте знаменитого Шелкового пути, который включает в себя руины древних караван-сараев, крепостей, стрелковых башен, храмов, петроглифов и других исторических артефактов. В декабре 2023 года документальный фильм был показан в Исмаилитском центре в Душанбе (ИЦД). Мероприятие, ставшее первым в ИЦД после почти двухлетнего перерыва, собрало 85 человек из различных академических, профессиональных, государственных и общественных организаций Таджикистана, в том числе директоров 5 телеканалов (Таджикское национальное телевидение,

---

¹⁰ Бобринский, А. Горцы верховьев Пянджа (Ваханцы и Ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам графа А.А. Бобринского. Под редакцией А. Илолиева. – Алматы, 2023.

Синамо, Джахоннамо, Сайохи, Сафина), известных журналистов, представителей министерств образования, культуры и туризма, учреждений АКDN (генерального директора АКФ Таджикистана), знаменитых ученых и общественных деятелей. Документальный фильм был хорошо принят зрителями, получил положительные отзывы и транслировался по Таджикскому национальному телевидению и телевидению Бадахшана¹¹. В 2024 году ПАХЧ совместно с Таджикским национальным телевидением «Таджикистан» снял свой второй документальный фильм об исторических местах Таджикистана в Хатлонской области. Съемка и документирование исторических мест и связанных с ними традиций важны для сохранения культурного наследия, содействия устойчивому развитию и сохранению окружающей среды. Этот фильм, в котором особое внимание уделяется историческим и природным объектам в районах Кубадиён, Шахртуз, Насир-Хосрав и Вахш, подчеркивает значение этих объектов в экосистеме региона и то, как их взаимосвязь создает и поддерживает национальную культуру. Фильм вышел в прокат в конце июля и был показан на национальных каналах Таджикистана.

Цифровая платформа ПАХЧ

Важным шагом на пути укрепления сети ПАХЧ в 2023 году стало создание интерактивной цифровой платформы¹². Она предназначена для использования в качестве виртуального пространства с целью обмена информацией и идеями между сообществом ПАХЧ, состоящим из

---

¹¹ <https://youtu.be/CRddFZLgrAQ?si=ObBGUR6bYons4NJA>

¹² <https://akhp.ucentralasia.org/>

ученых, педагогов, студентов и других заинтересованных лиц, которые взаимодействуют с платформой. Здесь размещены учебные материалы ПАХЧ (восемь антологий и руководства для учителей) и другие соответствующие дополнительные учебные ресурсы, включая интерактивную карту Центральной Азии, разработанную ПАХЧ под руководством Пулата Шозимова. Эта интерактивная цифровая платформа также является форумом для обсуждения идей относительно существующих и новых курсов. Она предоставляет возможности профессионального развития в интернете. Платформа позволяет преподавателям и учащимся обмениваться идеями, комментариями, вопросами и отзывами. В настоящее время она работает на четырех языках (английском, русском, таджикском, казахском и кыргызском).

Дальнейшие шаги Проекта

Основополагающие цели ПАХЧ так же актуальны сегодня, как и в 1997 году, когда был создан проект. Их необходимо обобщить и подкрепить новыми идеями, соответствующими сегодняшней реальности и согласованными с пересмотренной стратегией Высшей школы развития УЦА на 2023-2027 годы, *чтобы благодаря высококачественным исследованиям, обучению и преподаванию, улучшить качество жизни жителей Центральной Азии, особенно в горных регионах*¹³. В этом отношении ПАХЧ стремится укрепить каналы связи с партнерскими учреждениями в трех странах и расширить свою деятельность в других странах региона. Он стремится стать мостом

---

¹³ Revised Strategy of the UCA Graduate School of Development 2023-2027. Nov. 2022.

между УЦА и более широкими академическими учреждениями в Центральной Азии – настоящей сетью людей, находящихся в разных географических и институциональных условиях, которые хотят построить отношения для обмена идеями и опытом между членами и способствовать сотрудничеству в рамках взаимной или совместной деятельности.

Аналогичным образом Проект будет работать более эффективно с точки зрения профессионального развития педагогов, занимающихся преподаванием антологий ПАХЧ в партнерском учреждении за счет увеличения количества учебных курсов. Таким образом, продолжая и повышая качество текущих мероприятий, таких как публичные лекции, курса «Гуманитарные науки на английском языке», Дебатный клуб, ежегодные конференции, публикации, семинары, тренинги, летние школы и языковые курсы, в ближайшие пять лет Проект планирует (1) рассмотреть русскую и английскую версии следующих пяти сборников, перевести их на таджикский, казахский и кыргызский языки и опубликовать новые издания на пяти языках; (2) провести пилотное тестирование новых изданий; (3) организовать и проводить курсы «Гуманитарные науки на национальных языках» в Алматы (на казахском языке), Бишкеке (на кыргызском языке), Душанбе, Худжанде и Хороге (на таджикском языке); (4) концептуализировать и разработать новую антологию «Изменение климата и окружающая среда»; (5) усилить исследовательские, публикационные и культурные аспекты Проекта путем (а) активного участия и представления на региональных и международных конференциях и др. (б) публикации статей и редактирования редких книг и (в) производства документальных фильмов.

Гульнар Жумабекова,
преподаватель средней школы,
тренер ПАХЧ-УЦА,
г. Талдыкорган, Казахстан

Материалы ПАХЧ для аудитории школьников (практика использования), результаты, рекомендации по адаптации

Функциональная грамотность – это индикатор общественного благополучия. В ближайшем будущем функциональная грамотность станет показателем развитости цивилизации, государства, нации, социальной группы, отдельной личности. Для школы возникает очень важная цель: подготовить не отдельных элитных учащихся к жизни, но и обучить мобильную личность, способную при необходимости быстро менять профессию, осваивать новые социальные роли и функции, быть конкурентоспособной.

Так, для Казахстана особую актуальность приобретает исследование уровня функциональной грамотности учащихся, так как все функциональные навыки формируются именно в школе. И одной из основных задач школьного образования сегодня – подготовить учащегося к адаптации в современном мире. Базовым навыком функциональной грамотности является читательская грамотность. В современном обществе умение работать с информацией (читать, прежде всего) становится обязательным условием успешности.

Со стороны государства, учитывая важность и значимость развития функциональной грамотности, приняты серьезные действия относительно обновления

содержания образования. В этом году Национальной академией им. И. Алтынсарина разработан проект «Читающая школа» для реализации ценностно-ориентированного подхода к воспитанию обучающихся. Этот проект с начала учебного года успешно реализуется во всех школах и в каждом классе.

Формирование и развитие функциональной грамотности учащихся поставлено Главой государства страны приоритетной задачей. Для этого в стране предприняты необходимые меры. Хочется отметить, что на сегодняшний день, когда чтению уделяется такое внимание, есть огромная возможность работать в этом направлении с учащимися, использовать мировую классику и современную литературу, лучшие серии русской и зарубежной прозы и поэзии. Именно такую литературу я нахожу в учебниках по курсам Проекта Ага Хана «Человековедение». Многие произведения в курсовых учебниках ПАХЧ изучаются в школьной программе, например:

1) 7-класс – Эзоп. «Волк и ягненок» (курс «Поиск социальной справедливости»);

2) 9-класс – А. Жубанов. «Курмангазы» (курс «Личность и общество»);

3) 10 класс – Ч. Айтматов. «Легенда о манкурте» (курс «Личность и общество»);

4) 10 класс – Ч. Айтматов. «Рассказ о Раймалы-ага» (курс «Личность и общество»);

5) 10 класс – Л. Толстой. «Война и мир» (курс «Поиск социальной справедливости»);

6) 10 класс – Н. Некрасов. «Кому на Руси Жить хорошо?» (курс «Поиск социальной справедливости»).

Несмотря на то что в учебниках литературы нового поколения предусмотрены различные задания, очень часто обращаюсь к учебникам ПАХЧ-УЦА, нахожу интересные вопросы, методические приемы по работе с текстами и рекомендации по написанию разного вида эссе: рассуждение, сравнительные и сопоставительные сочинения.

Для выполнения различных творческих и исследовательских работ предлагаю тексты из учебников курсов «Человековедение» как дополнительную литературу. Так, в 10-ом классе при изучении биографии Л.Н. Толстого в разделе «Семейные ценности» в задании «Создаем литературный проект» предлагаю тему «Музыка в творчестве Л.Н. Толстого», так как в 8-ом классе было изучено произведение «После бала», где рассматривался вопрос об образе музыки как о способе создания настроения, передачи чувств и переживаний героев.

План работы с текстом:

1. Методическая сессия: «Почему мы нуждаемся в навыках слушания» (на материале учебника «Руководство для преподавателей» к курсу «Ритм и движение». Стр. 36 – 37, 47).

2. Работа с текстом:

2.1. Гр. Презентация к тексту. Прием «Персонаж на стене».

2.2. Гр. Презентация к тексту. Прием «Изменение героя».

3. Презентация работ группами.

4. Рефлексия: Письмо на фоне мелодии «Крейцера соната» Бетховена (ощущения, впечатления, чувства, мысли, переживания).

Ребята после чтения текста представили работу в виде презентации-органайзера, рассказывая о своем понимании влияния музыки на героев произведения:

1 гр. Музыка дана учащимися высокая оценка – «это самый сильный образ в произведении, который имеет свойство менять людей: мысли, их взгляды, чувства, поведение».

В конце герой находится в совсем непонятном для себя душевном состоянии: «Я сливаюсь с ним (с тем, кто писал музыку) душой и вместе с ним переношусь из одного состояния в другое, но зачем я это делаю, я не знаю».

В подтверждение своих выводов, ребята приводят высказывание героя: «Я в первый раз с истинным удовольствием пожал ему руку и благодарил его за удовольствие». «Вместе с героем и мы почувствовали облегчение и легкость, – резюмировали учащиеся, – так как настроение героя в начале текста передалось и нам».

Это занятие проведено методом интермедиального анализа текста, т.е. с использованием других средств, влияющих на понимание содержания текста, в данном случае – это музыка и иллюстрации к тексту.

Также провожу работу с текстами, которых нет в программе, но они являются хорошим материалом для дополнительного чтения. В 11 классе при изучении темы «Документальные свидетельства эпохи» в разделе «Человек в эпоху тоталитарного режима» рекомендовала текст Маши Гессен «Моя бабушка – цензор». В этом тексте мы рассматривали вопросы доступные для понимания учащихся, которые были связаны с изучаемой темой: «Почему во времена холодной войны жестко осуществлялся контроль над информацией?», «Насколько наша жизнь определяется эпохой, в которой мы живем?».

«Почему Маша Гессен была шокирована, когда узнала, где работала ее бабушка?»

Как дополнительный материал на уроке русского языка в 10-ом классе по теме «Рациональное использование природных ресурсов» в разделе «Ресурсы планеты Земля» показывала фильм «Арал – море слез». Рассмотрены вопросы из курса «Личность и общество» (стр. 337-338):

– Как вы думаете, почему эта проблема является результатом человеческой небрежности?

– Какое влияние обмеление Аральского моря оказало на здоровье людей? Приведите примеры из фильма.

– Почему эксперт Международного фонда защиты Арала называет проблему Аральского моря политической?

Кроме учебных занятий дополнительно провожу тренинги для учащихся старших классов. На тренингах по развитию аналитического чтения и критического мышления использую тексты Ф. Коннор «Хорошие деревенские люди» и Чолпан «Доктор Мухаммед-Яр». Эти тексты большие по объему, поэтому их делю на четыре части. Здесь уместен прием «Предсказание», где учащиеся каждой группы предсказывают возможное течение событий. В качестве послетекстовой работы предлагаю провести «Ток-шоу» с главным героем текстов, где учащиеся распределяют роли: сценарист, режиссер, ведущий и участники игры; вторая группа показывает «Немую сценку» и третья группа – «Театр одного актера».

В заключение, хочу отметить огромную возможность использования текстов учебников УЦА как для взрослой, студенческой и ученической аудитории для развития критического и креативного мышления, культуры

общения и выразить благодарность всем разработчикам этих учебных пособий.

Нам, педагогам, надо поддержать развитие человека в молодом человеке, помочь ему жить в мире и согласии с людьми, природой, культурой и цивилизацией. И в этом отношении чтение, я в этом глубоко убеждена, является, пожалуй, единственным и очень важным, серьёзным источником формирования функционально грамотной личности.

Махрифат Алифбекова, Обидхон Курбонхонов,
сотрудники Проекта Ага Хана «Человековедение»,
Отдел введения к гуманитарным дисциплинам
на английском языке, Высшая школа развития
Университета Центральной Азии,
г. Душанбе, Таджикистан

Курс ПАХЧ «Дискуссии о человеческой природе»: подходы, практическая значимость и новые возможности

На фоне растущего влияния роботизации, компьютеризации, социальных медиа-ресурсов проявление интереса к пониманию человека и его природы среди молодежи является наиболее актуальным. Интерес вызывают вопросы: До какой степени может измениться природа человека? Какую роль играет генетика в формировании человеческой природы? Является ли человеческая природа злой или доброй по своей сути? Или же природа человека формируется на базе своего контекста? Что можно сделать, чтобы освободить себя от злых мыслей?

Студенты, изучающие курс «Дискуссия о человеческой природе», имеют шанс более глубоко и всесторонне взглянуть на эти вопросы и выйти за рамки приведенных научных дискуссий, а также рассмотреть их с научной точки зрения, сопоставив со своей собственной позицией.

В статье идет описание того, что из себя представляет курс «Дискуссия о человеческой природе», какие традиционные и новые подходы существуют к преподаванию этого курса, почему многие студенты проявляют интерес именно к этому курсу, а также говорится о возможности

ведения этого курса в режиме онлайн и какие трудности преподавания могут возникнуть в этом случае.

«Термин “человеческая природа” вызывает споры. Он предполагает, что в людях есть нечто “врожденное”, неподвластное силе изменений, проводимых обществом или личностью. Кроме того, нужно иметь в виду, что если идея “врожденности” человеческой природы существует, то она должна быть общей для всех людей – независимо от времени, места и культуры. Согласно этой теории, человеческая природа представляет собой “сущность” того, что значит быть человеком – в общем значении этого слова. Однако не все согласны с существованием такой “сущности”. Некоторые писатели (ученые) считают, что люди формируются благодаря культуре, а не природе. По их мнению, то что мы считаем врожденным, на самом деле является результатом нашего социального развития: воспитания, обучения, опыта и ожиданий. В этом случае мысли о “человеческой природе” на самом деле являются просто заявлениями, выражающими те или иные идеи о культурной, социальной и политической власти. Для людей, придерживающихся этой позиции, утверждения о человеческой природе заключаются не в том, какими в действительности являются люди, а в том, какими, по их представлению, они должны быть. Большинство, возможно, согласится, что кое-что в нас является врожденным, но эти же люди не согласятся с тем, какими могут быть эти неизменные элементы нашей природы»¹.

---

¹ Учебный материал «Дискуссия о человеческой природе». Проект Ага Хана «Человековедение» Университета Центральной Азии. Т.2. Душанбе: Вектор, 2001. С. 4.

Курс «Дискуссия о человеческой природе» является одним из девяти курсов, созданных учеными, исследователями и преподавателями не только из Центральной Азии, но и за ее пределами. Исходя из разного рода напряжений в обществе, касающегося изменения климата, экономического кризиса, политического, цивилизационного, религиозного непонимания разного рода конфликтов, в последнее время все большее количество студентов начали проявлять интерес к изучению общей и социальной психологии, биологии, социобиологии, социологии, неврологии и когнитивной психологии. Хотя эти предметы являются разными по тематике и содержанию, человеческая природа, её формирование, этика, нравственность, вопросы «чистого листа» и «наследственности» связывают их.

Многие вопросы, затронутые в «Дискуссии о человеческой природе», связаны с неизменностью человеческой природы, что позволяет студентам составить свое собственное мнение о том, какова на самом деле заданная человеческая природа. Но есть мнение и других учёных, например Карла Маркса, который считал, что «человеческая природа в силу изменения общественных условий меняется, дифференцируется, насыщается иным, чем прежде, содержанием»².

Этот курс является первым шагом к ответу на вопросы, связанные с превалированием в современном мире технологии над человеческим поведением. Замена механических приборов на электронные, роботизация, онлайн-официальные и неформальные общения через

---

² См. об этом статью: «Проблема природы человека». Электронный ресурс <https://fil.wikireading.ru/13769>

сети, изменение биологических генов являются примером научного прогресса. Но несмотря на технологическое развитие и научные достижения человечества в изучении некоторых проблем, связанных с человеческой природой, все же неизвестными являются вопросы: Откуда берётся зло? Почему это качество человека может преобладать в нем? И как решить проблему зла?

С одной стороны, человек достиг вершины в развитии технологии, но с другой стороны, по мнению известного проповедника-евангелиста Билли Грэма, происходит что-то не так с поведением человека. «Мы все больше и больше вовлекаемся в конфликты и непонимание друг друга, и что служит тому причиной? Почему мы не можем жить в согласии друг с другом в обществе и даже в кругу своей собственной семьи? Почему проблемы расизма, несправедливости, обмана все больше и больше охватывают наш мир?»³

Параллельно с понятием «зло» также рассматриваются и другие вопросы, в том числе о великодушии и альтруизме. Гаспер Донвей, один из представителей школы эволюционной психологии, исследует вопрос о том, являются ли великодушные и альтруисты подлинными добродетелями, или же они просто продолжение нашей эгоистичной природы?⁴

Междисциплинарный подход к изучению природы человека может открыть очень многое, в том числе о самих себе, помогает самосовершенствованию, а также даёт возможность узнать об идеях, аргументациях и

---

³ См. на сайте: www.ted.com

⁴ Учебный материал «Дискуссия о человеческой природе». Проект Ага Хана «Человековедение» Университета Центральной Азии. Т.2. Душанбе: Вектор, 2001. С. 44.

исследованиях многих учёных из разных наук, занимающихся проблемой «природы человека». Например, в соответствии с предметом философии «западная точка зрения, возвращающаяся к досократовским временам и усиленная Аристотелем, Фомой Аквинским, Декартом и многими другими, состоит в том, что “интеллект” есть доктрина мысли – совокупность правил для мышления, которая существует совершенно независимо от нашего физического я»⁵. Иначе говоря, интеллект в этом случае не зависит от генетики. Однако «когнитивная теория гласит наоборот, что наш интеллект есть побочный продукт наших нервных, скелетных и мускульных структур: мы думаем, как действуем, так как наши тела работают таким образом, как они действуют. Это, соответственно, продукт эволюции, и он “универсален” только в том смысле, что разделяется всеми людьми (и, вероятно, по меньшей мере, некоторыми животными)»⁶.

Что касается социобиологии, то она по сути поддерживает идею о роли генетики в природе человека и «выражает сомнение в идее, что общество или культура и вся совокупность человеческого поведения каким-то образом разделены с человеческими организмами, которые практикуют их, применяют все это на практике»⁷.

Курс «Дискуссия о человеческой природе» представляет различное понимание и анализ человеческой природы с ранних времён человеческих обществ. Он изучает взаимосвязь человеческой природы с обществом, которая даёт возможность раскрыть многие вопросы, связанные с

---

⁵ Там же. С. 227.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С.223.

проблемами в обществе. Один из таких вопросов связан с ролью религии в обществе. Религиозные учения и теории о человеческой природе показывают разнообразие концепций совершенства⁸.

Далее, кроме самого термина «человеческая природа», даются другие понятия, связанные с человеческими ценностями, достоинствами и высшими добродетелями, такими как мудрость и справедливость, что позволяет студентам и исследователям находить связь между тем или иным понятием для ответа на свои вопросы. В этом контексте глава четвёртая является одной из самых интересных и «представляет разнообразное понимание человеческой природы, показывает, откуда оно появилось и какие выводы можно сделать о свободе воли, рационализме, достоверности и доверии к различным идеологическим и политическим системам»⁹.

Без опоры на науку курсы ПАХЧ являются неполными, в них рассматривается связь человеческой природы с обществом, поведение человека в обществе, вопросы культуры, религии. Наука рассматривала природу человека на протяжении веков. Идея Дарвина о происхождении человека вызывает множество споров, но его идеи относительно человеческой природы являются очень актуальными и по сей день. Также как и многие работы Зигмунда Фрейда, несмотря на их дискредитацию современной психологией, легли в основу современной

---

⁸ См. об этом: Руководство для преподавателей «Дискуссия о человеческой природе». Проект Ага Хана «Человековедение» Университета Центральной Азии. Т.1. Душанбе: Вектор, 2011. С. 29.

⁹ Там же. С.39.

психологической мысли и открыли путь для нового взгляда на человеческую природу и на работу мозга»¹⁰.

Особенность этого курса заключается в том, что он использует междисциплинарный подход к раскрытию понимания человеческой природы с использованием разных методов ее изучения, а именно, дискуссии, дебатов, презентации и разных видов письменных работ.

Использование кросс-дебатного формата ПАХЧ¹¹ для понимания основных вопросов курса

Традиционно все курсы ПАХЧ преподаются посредством ознакомления с основными концепциями и соответствующей тематикой. Курс «Дискуссия о человеческой природе» состоит из шести глав:

1. Классическое понимание человеческой природы
2. Общество и человеческая природа
3. Религия и человеческая природа
4. Идеология и человеческая природа
5. Наука и человеческая природа
6. Психология и человеческая природа.

В этом курсе мы рассматриваем шестнадцать различных текстов, включая древнеиндийские и буддийские, сочинения, принадлежащие авторам эпохи христианского и исламского средневековья, современных писателей из Европы, Индии и арабского мира. При этом основные концепции данного курса раскрываются через использование различных педагогических подходов. С этой целью

---

¹⁰ Руководство для преподавателей: «Дискуссия о человеческой природе» Проект Ага Хана «Человековедение» Университета Центральной Азии. Т.1, – Душанбе: Вектор. 2011.- С.57.

¹¹ Кросс-дебатный формат был создан на базе методологии доктора философских наук, профессора Пулата Шозимова.

ПАХЧ в течение последних пяти лет включал в свой педагогический арсенал Кросс-дебатный формат с тем, чтобы дать возможность студентам рассмотреть предмет изучения с различных сторон. Также дебаты используются для повторения курса и оценки знаний студентов, что является весьма эффективным способом оценивания и понимания уровня развития критического мышления у студентов.

В качестве примера использования дебатных технологий в ходе занятий, приведем следующий:

Резолюция:

Наша команда считает, что аргументы сторонников (А, В, С) лучше объясняют проблему человеческой природы.

А. Теория «чистого листа» (Джон Локк).

Б. Теория заданной человеческой природы генетическими факторами.

С. Теория хаоса (Анархистское положение).

Таким образом, используя Кросс-дебатный формат ПАХЧ, студенты вовлекаются в глубокий анализ проблемы человеческой природы, что позволяет им рассматривать данную проблему в многоуровневом измерении.

Интегрированное академическое письмо для развития навыков письма и критического мышления

Хотя в начале курса студенты пишут промежуточные короткие сочинения и рефлексивное эссе, в данном курсе основной акцент делается на их итоговом сочинении, а именно, на аргументированном эссе. Итоговое сочинение служит для студентов как для улучшения письменного навыка, так и для приобретения критического мышления и развития исследовательских навыков, в то время как для

преподавателей итоговое сочинение служит своего рода аттестатом знания студентов относительно данного курса. Самым подходящим эссе для данного курса является аргументированное эссе, так как курс о человеческой природе вызывает большие споры, которые требуют серьезной аргументации. Уметь академично и логично спорить, обосновывать и защищать свои идеи является основными задачами, которые преподаватели ставят как цели в программе этого курса. Разные форматы дебатов, включающие также и КДФ, помогают студентам научиться грамотно и четко аргументировать свои идеи на вербальном уровне. В тоже самое время стоит отметить, что аргументированное письменное эссе позволяет студентам структурировать свои аргументы и доказывать их логично, что позволяет не только выстраивать аргументы в ходе дебатов, но и находить новые эффективные сценарии по решению той или иной задачи. Новым для курсов ПАХЧ является связь КДФ с аргументированным эссе, а именно использование структуры дебатов формата на письме, учитывая структуру и требования аргументированного эссе.

Новый подход: преподавание курса, ориентированного на исследования

Новый подход обязательно должен основываться на классической базе преподавания ПАХЧ, дополняя последнее исследовательским компонентом, что позволит студентам не только развить новые навыки исследования, но сделать свои письменные работы более аргументированными и оригинальными для продвижения своих идей в более широкой аудитории посредством публикации своих статей.

При этом использование современной технологии, интернета и социальных медиа-ресурсов являются эффективными инструментами для проведения подобных студенческих исследований. Такие науки как эволюционная психология, социальная биология, когнитивная биология и психометрия затрагивают те вопросы, которые даны в курсе «Дискуссия о человеческой природе», и их можно изучать через онлайн-исследование, которое есть исследование, проводимое через Интернет, включая опросы по электронной почте, опросы на основе веб-браузера и концептуальных тестов, онлайн-интервью и фокус-группы¹². Методы, используемые в психометрии, являются удобными для этой цели. «Психометрия, иногда также называемая психографикой, фокусируется на измерении психологических характеристик, таких как личность. В 1980-х годах две группы психологов разработали модель, которая стремилась оценивать людей на основе пяти личностных черт, известных как «большая пятерка». К ним относятся: Открытость (насколько вы открыты для нового опыта?), Сознательность (насколько вы перфекционист?), Экстраверсия (насколько вы общительны?), Уступчивость (насколько вы внимательны и отзывчивы?) и Невротизм (насколько легко вас расстроить?).

Основываясь на этих параметрах они также известны как OCEAN (что означает открытость, добросовестность, экстраверсия, покладистость, невротизм), мы можем довольно точно охарактеризовать человека. Это включает также их потребности, страхи, и то, как они могут себя

---

¹² Thomas W. Miller and Peter R. Dickson. On-Line Market Research// 2001. – P. 2.

вести. «Большая пятерка» стала стандартной методикой психометрии.

В отличие от традиционного метода, который имеет индивидуальный подход при написании сочинения, в котором студенты проводили мини-исследования, основываясь на использовании различных подходов, новый метод предлагает групповое исследование, основанное на строгом соблюдении вида и формата исследования под руководством супервайзера. Это касается подготовки гипотезы, составления вопросов, связанных с гипотезами, а также исследовательских вопросов, методов исследования, отчётов и др.

Новый Подход: проблемы и возможности преподавания онлайн-курсов ПАХЧ

После пандемии 2019 года образование во всем мире изменилось, и большинство учебных заведений перешли на онлайн-преподавание и обучение. Для Таджикистана и, возможно, Центральной Азии в целом этот переход происходит более медленными темпами, главным образом из-за ограниченных экономических и технологических ресурсов. В ПАХЧ онлайн-образование рассматривается как возможность перехода на новый глобальный уровень. В настоящее время у нас есть опыт проведения онлайн-образования в виде серий публичных лекций и тренингов по дебатам.

Подразделение Введение к гуманитарным наукам на английском языке (HiE) официально не начало предоставлять онлайн-образование, но в нашей практике используются онлайн-платформы для обучения, когда пандемия затронула Таджикистан. В то время это было неожиданное решение, и мы не были готовы к обучению

на дому. В результате столкнулись со многими проблемами – не могли использовать видеосеансы, у нас не было премиум-версии приложения Zoom, поэтому наши занятия прерывались каждые 40 минут. Эти и другие проблемы с Интернетом вызывали множество сбоев. Для наших дополнительных заданий нам приходилось общаться через систему «телеграмм» и электронную почту. В результате мы закончили курс позже, чем ожидалось, и пришлось преподавать во время своего отпуска. Суть в том, что все еще возможно построить онлайн-обучение в учебную программу ПАХЧ, и, более того, мы должны включить эту систему, потому что в настоящее время она более практична и очень востребована. Кроме того, онлайн-образование позволит ПАХЧ выйти на более широкую аудиторию из других стран мира.

Итак, чтобы начать этот процесс, мы должны сначала определить, какие инструменты и цифровые платформы нам нужны (например, Teams, Moodle, Zoom, Kahoot, Google docs и т.д.) и подготовить цифровые учебные и обучающие ресурсы.

Однако мы также должны иметь в виду, что онлайн-образование требует финансовых затрат, и не у всех будет к нему доступ, особенно в Таджикистане. Таким образом, онлайн-занятия принесут пользу тем людям, которые работают и могут позволить себе Интернет. Кроме того, мы можем заранее записать и оцифровать некоторые занятия или курсы и предложить их глобальной аудитории в виде готового продукта, который можно использовать непрерывно. Таким образом, благодаря онлайн-образованию ПАХЧ сможет перейти от семестрового обучения к непрерывному.

Важно отметить, что ПАХЧ уже начал международное сотрудничество с Берлинским университетом Гумбольдта в Германии. Мы подготовили два проекта, один из которых называется «Аналитические центры будущего: представление о глобальном гражданстве во времена Нового материализма». Это двухчастный международный исследовательский семинар, целью которого является разработка подхода, позволяющего немецким, иностранным и местным студентам Университета Центральной Азии обсуждать и разрабатывать концепции глобального гражданства, которые предполагают новые этические формы бытия в мире. Представляя себе «гражданина мира» в научно-исследовательских аналитических центрах, студенты будут разрабатывать альтернативные проекты будущего сосуществования людей и природы в Азии, Европе и за ее пределами. Этот проект все еще находится на рассмотрении, и мы продолжим работу над ним в следующем году.

Второй проект – летняя школа под названием «Прошлое, настоящее, будущее. Критические подходы к культурному наследию в Центральной Азии» уже получил грант от программы Go East DAAD. С помощью этой программы иностранные и таджикские студенты соберутся вместе в многопрофильной летней школе, чтобы получить более глубокое понимание многообразия культурного наследия, а также связанных с ним повествований, дискурсов и политики, существующих в Центральной Азии и за ее пределами с разных точек зрения и позиций (с точки зрения академических дисциплин, местной, национальной или транснациональной политики и повседневной жизни). Вторая важная цель летней школы состоит в том, чтобы побудить участвующих студентов

задуматься о своих собственных позициях в качестве исследователей, используя критические подходы к культурному наследию, в частности, с учетом того, что деколонизализм является одним из нескольких возможных подходов.

У нас состоялись несколько онлайн-встреч с нашими немецкими коллегами, и вскоре один из представителей Университета Гумбольдта присоединился к ПАХЧ для работы над проектом. Дополнительно наша коллега преподавала курс этнографического письма на английском языке для студентов гуманитарных специальностей. На основе этого курса мы планируем разработать новый курс ПАХЧ и преподавать его как оффлайн, так и онлайн.

Такого рода проекты ПАХЧ являются отправной точкой для сотрудничества Центрально-азиатского региона на международном уровне, и, по сути, многие мероприятия, переговоры и передача знаний будут все больше переходить на онлайн форматы.

Заключение

В заключение стоит отметить, что изучение человеческой природы сквозь призму различных ее измерений и контекстов, позволяет раскрыть ее источники посредством рассмотрения вопросов о свободе воли, рационализме, достоверности и доверии к различным идеологическим и политическим системам. Преподавание этого курса в режиме оффлайн и онлайн, использование дебатов разного формата, академического письма и научного исследования, является своевременным и нужным, особенно в эпоху цифровизации.

Список использованной литературы

1. ВикиЧтение, Проблема природы человека: сайт. – URL: <https://fil.wikireading.ru/13769> (дата обращения 25.12.2021).
2. Руководство для преподавателей: «Дискуссия о человеческой природе», Проект Ага Хана «Человековедение» Университета Центральной Азии. Т.1, – Душанбе: Вектор. 2011. – 29 с.
3. Учебный материал «Дискуссия о человеческой природе», Проект Ага – Хана «Человековедение» Университета Центральной Азии. Т.2. Душанбе: Вектор, 2001. -240с.
4. Hannes Grassegger & Mikael Krogerus. The Data That Turned the World Upside Down // 2017. URL:<https://www.vice.com/en/article/mg9vvn/how-our-likes-helped-trump-win> (дата обращения 24.12.2021)
5. Ted Talks, Billy Graham (1998), https://www.ted.com/talks/billy_graham_on_technology_and_faith
6. Thomas W. Miller and Peter R. Dickson. On-Line Market Research// 2001. pp.139-167

Ирина Зайцева,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры «СГН» Университета Международного
Бизнеса им. К.А. Сагадиева,
г. Алматы, Казахстан

Карлыгаш Бижигитова,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры «СГН» Университета Международного
Бизнеса им. К.А. Сагадиева,
г. Алматы, Казахстан

Университет практических знаний: методы преподавания гуманитарных дисциплин (адаптация курсов ПАХЧ к учебному процессу в Университете международного бизнеса (UIB) г. Алматы)

Университет международного бизнеса (UIB) был основан в 1992 году при Казахской государственной академии управления (КазГАУ) с участием корпорации IBM как Республиканская школа бизнеса, которая вскоре была преобразована в высшее учебное заведение – Школу международного бизнеса. В 1999 году Министерством образования и науки Республики Казахстан была проведена аттестация, которая подтвердила соответствие учебных программ вуза государственным стандартам.

Для основателей нового учебного заведения приоритетными подходами к организации учебного процесса стали развитие личности студента и формирование практических навыков. Это подчеркивает и действующая

Стратегия развития Университета международного бизнеса (на 2019–2023 гг.):

«Глобальные изменения обусловили признание главным богатством любого государства интеллектуальный и творческий потенциал его гражданина. Это понимание ориентирует нас на повышение уровня знаний, подготовку думающего человека, способного к творческому использованию новых технологий, понимающего и умеющего формулировать смысл человеческой деятельности [Программа (стратегия) развития ТОО «Университет международного бизнеса» на 2019–2023 гг., Алматы, 2018. – с. 4, 13].

Поэтому уже в конце 90-х – начале 2000-х гг. для студентов в Университете проводились мастер-классы специалистов-практиков, а в настоящее время часть дисциплин ведут приглашенные преподаватели-практики. В то же время большое внимание уделялось и уделяется технической оснащенности учебного процесса. В течение нескольких лет в Университете выходила студенческая газета «UIB Today» (в бумажном варианте, который сейчас уже невостребован). В 2009 году для занятий студентов по специальности «Журналистика» была создана студия «Волна», оснащенная оборудованием для съемки, программами для верстки, обработки фотографий, монтажа видео. Для студентов по специальности «Психология» в 2018 году был организован клуб «Insight», который проводит тренинги для студентов UIB (в том числе и в онлайн-формате, что оказалось актуальным в период дистанционного обучения), а также для школ города Алматы, в которых студенты-психологи проходят практику.

Ежегодно с 2010 года наши студенты принимают участие в Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» (МГУ), где неоднократно получали дипломы за «Лучший доклад по секции», тезисы докладов публикуются в сборниках материалов конференции.

С 2012 года ежегодно участвуют в Московской Международной модели ООН МГИМО (У), выступая на русском, английском, испанском, французском языках, студентка по специальности «Международное право» Бибинур Жамалидденова в апреле 2019 года участвовала в Amsterdam University College Model United Nations (AUCMUN – Амстердам, Нидерланды); студент специальности «Международные отношения» Медет Жандилда в 2019 году на Московской международной модели ООН МГИМО (У) получил звание «Лучший делегат Пятого комитета Генеральной Ассамблеи ООН». Всего с 2010 по 2021 гг. приняли участие в этих конференциях 47 студентов.

Кроме того, в течение 2015–2019 гг. в Университете проводилась «Модель ООН UIB», организацией которой занимались сами студенты: старшекурсники, имеющие опыт участия в ролевой игре, становились председателями и сопредседателями комитетов, экспертами, студенты 2-го курса выполняли функции секретариата: вели набор участников, готовили буклеты, сертификаты и т. д., остальные студенты, в том числе из других вузов, а также старшеклассники, участвовали в игре, представляя ту или иную страну.

Студенты UIB ежегодно участвуют в национальных соревнованиях Enactus, представляя свои бизнес-проекты. Команда Enactus-UIB – четырехкратный

чемпион Национальных соревнований, а в 2020 году команда Enactus-UIB получила приз «SPIRIT AWARD» за успехи команды, устойчивость и преемственность программы и в честь 25-летия SIFE/Enactus.

Присоединение Университета Международного Бизнеса к Болонскому процессу (2010) сделало еще более актуальным освоение новых технологий образования.

Для преподавателей Университета Международного Бизнеса регулярно проводятся разнообразные тренинги и курсы повышения квалификации. Так, в 2005 году проведены семинары доктора К. Папрока (TexasA&M University) по разработке образовательных программ; в 2010 году – тренинги Балтийского тренингового центра «Интерактивное инновационное обучение в вузе: опыт и проблемы продвижения методик кейс-технологий» (Санкт-Петербург); в 2011 году – тренинги Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы «Инновации в системе постклассического образования» и др. Кроме того, ежегодно проводятся зимние и летние курсы повышения квалификации UIB.

С Проектом Ага Хана «Человековедение» (ПАХЧ) авторы данной статьи впервые познакомились в 2013 году, когда приняли участие в семинаре повышения квалификации педагогов по курсу «Введение в человековедение». В нем участвовало 13 преподавателей кафедры социально-гуманитарных дисциплин UIB. Были определенные стереотипы в отношении данного семинара, название самого Проекта вызывало настороженность и недоверие. Все страхи были развеяны после первого дня семинара. Более того, за участием в работе первого семинара последовали еще 3 подобных:

1) Алматы, 19-23 мая, 2015 год – курсы «Личность и общество», «Традиции и изменения»;

2) Алматы, 19-23 декабря, 2016 год – курсы «Введение в человековедение», «Традиции и изменения» – с правом ведения подобных семинаров по этим курсам;

3) Алматы, 6-10 июня, 2017 год – курсы «Личность и общество», «Ритм и движение» – с правом ведения занятий по этим курсам.

Активное участие в работе перечисленных семинаров по курсам ПАХЧ в значительной мере повлияло на нашу преподавательскую практику в целом.

Хотелось бы остановиться на сильных сторонах и особенностях курса «Человековедение». Это, в первую очередь, качество учебных материалов, тексты курса собраны в отдельные сборники, структурированы, логичны, подобраны с исключительным вниманием, в конце каждого текста – продуманные проблемные вопросы для работы с аудиторией студентов, слушателей. При этом немало текстов, переведенных с английского и других языков, что позволяет как преподавателям, так и студентам расширить свой кругозор. Хотелось бы остановиться на одном ярком примере, который нас, как историков, поразил. В курсе «**Введение в человековедение**», в главе «**Понимание «других» с точки зрения культуры, политики и пола**», представлен отрывок из работы известного американского исследователя Эдварда Саида «Ориентализм», которая оказала значительное воздействие на социальные и гуманитарные дисциплины на рубеже XX–XXI веков, стала основополагающей работой в сфере постколониальных исследований. Берем на себя смелость полагать, что до последнего времени немногие исследователи постсоветских

республик были знакомы с теорией ориентализма Саида, не говоря о студентах и магистрантах.

Благодаря материалам курса «Человековедение» у нас появилась прекрасная возможность в рамках преподаваемых дисциплин, в частности, «История Казахстана», «Современная история Казахстана», «Современные концепции естествознания и истории Казахстана» (по теме «Современные теории колониализма») познакомить студентов с данной теорией и применить ее в контексте изучения истории Центральной Азии в колониальный период.

Еще одной особенностью материалов Проекта Ага Хана «Человековедение» является **методика преподавания**. На семинарах нам удалось познакомиться с самыми разнообразными и эффективными методами, которые направлены прежде всего на развитие критического мышления студентов: из пассивных слушателей, воспринимающих готовую информацию, они становятся активными личностями и предпринимают попытки стать полноправными участниками учебного процесса. Из множества методов для нас очень важны методы интерпретации текстов («Концептуальная карта», «Двухчастный дневник», «Fishbone» и т.д.). Заслуживают внимания методы, направленные на развитие навыков академического письма, разбор проблемных ситуаций, имеющих место в реальной общественной жизни, через кейсы, презентации текстов посредством ролевой игры.

Отличительной чертой курса «Человековедение» является то, что обучающиеся большую часть заданий выполняют в «малых» группах, что особенно важно для студентов 1-го курса, которые не знают друг друга. Командная работа развивает коммуникативные навыки, способность

слушать других людей и принимать во внимание то, что они говорят, принимать совместные решения.

Опыт применения текстов и методики курсов ПАХЧ в преподавании курсов «Современная история Казахстана», «Культурология», «Современные концепции естествознания и истории Казахстана».

В Университете международного бизнеса студенты 1-го курса в первом семестре проходят курс «Современная история Казахстана», во 2 семестре – курс «Культурология». Прежде всего, по примеру курсов ПАХЧ, студенты на занятиях (семинары, СРСР) по названным дисциплинам поделены на «малые» группы. Командная работа помогает студентам 1-го курса активно коммуницировать, лучше узнать друг друга, в какой-то мере проявить свои способности, личные качества. С течением времени у каждой отдельной группы при выполнении заданий вырабатывается свой особенный стиль, выделяется лидер, который направляет работу всей команды. Командная работа помогает преподавателю оценить практически всех студентов в группе за 50 минут аудиторного времени.

При изучении дисциплины «Культурология» по теме «Система образования и науки в эпоху мусульманского Ренессанса (IX – XI вв.)» наряду с текстами Аль-Фараби, Юсуфа Баласагуни, Омар Хайяма вниманию студентов предлагается текст для анализа Говарда Р. Тернера «Наука в средневековом исламе» из курса «Традиции и изменения»; по теме «Архитектура как специфический способ кодификации социального пространства» – текст Ле Корбюзье «К новой архитектуре» из курса «Введение в человековедение» и т. д. В качестве самостоятельной

работы (СРС) студенты читают, анализируют и представляют в игровой форме тексты из курса «Личность и общество»: Фарид Закария. «Культура – это судьба?» – беседа с Ли Куан Ю, ответ Ли Куан Ю; Ким Де Джунг «Культура – это судьба? Миф об антидемократических ценностях Азии»; Ч. Айтматов «Легенда о манкурте» и т. д.

Кроме того, нами проводятся и письменные работы со студентами. Это – их отзыв, рецензия на фильм: в разные годы студентам были предложены фильмы «Мы будем жить», «Тюльпан», «Айка», «Подарок Сталину»; задание «Театральные критики» – спектакли «Джут», «О мышах и людях» и др.; «Устная история» – интервью (с родственниками, знакомыми) по темам «Как нас учили в школе», «Мое пионерское детство», «Лихие 90-е» и др.

Из перечисленных выше методов работы с текстами наибольший интерес у студентов вызывает составление концептуальной карты. Студентам предлагается два варианта работы с текстами: чтение и подготовка карты в электронном варианте или создание карты непосредственно в аудитории – маркерами на бумажных носителях.

По опыту проведения курсов ПАХЧ на семинарах мы предлагаем студентам специально подобранные статьи, тексты и кейсы с вопросами. Накоплен определенный объем актуальных, интересных и практически значимых материалов по всем темам курсов «Современной истории Казахстана» и «Культурологии». Нами эти материалы комплектуются, и мы планируем издать ридер (хрестоматию) по этим дисциплинам для постоянного использования их при преподавании.

Методические рекомендации для преподавателей (по личному опыту ведения занятий):

1. Если речь идет о первокурсниках, учитывать возможности адаптации студентов к учебному процессу в вузе:

- устанавливать четкие правила организации учебного процесса при изучении дисциплины и добиваться их выполнения;

- обращать внимание студентов на академическую политику вуза – (Академический календарь, Syllabus и т.д.);

- организовывать работу в «малых группах», чтобы оценивать всю группу за 50 минут;

- сочетать работу в «малых группах» с индивидуальным подходом, оценивая выступление каждого с учетом дополнений, интересных примеров, личного опыта, самостоятельных суждений и выводов;

- первые семинары следует проводить с использованием уже известных студентам форматов (PPTX, Fishbone и др.), затем переходить к более сложным: чтение и анализ текстов; концептуальные карты, письменная работа с проверкой на плагиат, case study, ролевая игра, съемка видеоролика.

- периодически следует проводить свободное обсуждение по заранее прочитанным текстам. Этот формат ранее назывался «беседа» и считался самым простым для высшей школы, но сейчас он пользуется популярностью у студентов, хотя для части современных студентов он довольно сложен.

2. В каждом задании давать четкие методические рекомендации по выполнению, что особенно важно в условиях дистанционного обучения.

3. По каждому заданию следует устанавливать соответствующие критерии оценивания.

4. После окончания курса целесообразно проводить анкетирование студентов, чтобы они не только дали обратную связь, но и осознали себя как полноправного, самостоятельного участника учебного процесса, свои сильные и слабые стороны, свои возможности для дальнейшего развития.

Сауле Удербаета,
кандидат исторических наук, и.о. доцента
кафедры «История Казахстана», Факультет истории,
археологии и этнологии Казахского Национального
Университета имени аль-Фараби,
г. Алматы

**Значимость текстов курсов ПАХЧ
в преподавании в магистратуре
КазНУ им. аль-Фараби**
*(учебные и методические практики и
рекомендации по тиражированию опыта)*

ПАХЧ – Проект Ага Хана «Человековедение» Университета Центральной Азии, проект, который нацелен на повышение качества преподавания и учебных программ в вузах Центральной Азии.

В высоком качестве и богатом содержании семинаров проекта, методических материалах, которые получают участники семинаров, автор статьи убедился лично, пройдя повышение квалификации посредством участия в четырех курсах ПАХЧ.

Получив незабываемый опыт, вдохновение и желание применять инновационные методики на практике в учебном процессе, обретя новых друзей, с которыми мы не прерываем дружеские и научные связи, мне захотелось поделиться своим опытом с коллегами, чтобы они также прониклись атмосферой сотрудничества и новаторства, присущей ПАХЧ.

В результате конструктивных переговоров, при активном участии и содействии координатора проекта

Университета Центральной Азии «Человековедение» Нуржауар Сейлбековны Исаевой в 2017 году были заключены меморандумы о сотрудничестве между историческим факультетом и факультетом журналистики Казахского Национального университета им. аль-Фараби и Проектом Ага-хана «Человековедение», которые действуют и в настоящее время.

На историческом факультете и факультете журналистики были проведены семинары-тренинги для профессорско-преподавательского состава, тренинги по кросс-дебатному формату (КДФ) для магистрантов, также был прочитан целый ряд лидерских лекций.

Здесь хотелось бы отметить, что все программы семинаров проекта, формат КДФ отличает новый инновационный исследовательский потенциал. В частности, в ходе КДФ студенты, магистранты учатся определять актуальные проблемы, приоритет и значимость этих проблем и уже в ходе самих дебатов находить оптимальные, возможные варианты решений. Немаловажно, что КДФ рассматривает дебатные проблемы через призму культуры и истории, экономики и политики, учитывая специфику Центрально-Азиатского региона. ППС исторического факультета, магистранты, прошедшие семинары и тренинги ПАХЧ, были также воодушевлены участием в них, многие продолжают сотрудничество с проектом.

Автору статьи посчастливилось участвовать в конференции, посвященной 20-летию Проекта Ага-хана «Человековедение», которая состоялась 15-16 декабря 2017 года в прекрасном городе Душанбе (Республика Таджикистан).

По нашему мнению, Проект Ага-хана «Человековедение» активно и успешно содействует развитию

критического мышления и навыков академического письма в рамках междисциплинарной системы гуманитарных наук у студентов, пониманию важности и ценности человеческого капитала, необходимости комплексного изучения человеческих ресурсов, в первую очередь, душевных, моральных, психологических, что способствует социализации молодежи, формированию компетентностных навыков.

В этом плане интересны выводы в статье Х. Уруновой «Об особенностях курса «Человековедение» и необходимости его преподавания»¹, в которых автор заключает, что «Курс «Человековедение» пробуждает у студентов большой интерес и желание к изучению гуманитарных предметов, так как студент изучает себя, человеческую природу, общность и различия культур и традиций народов, и другие интересующие его темы»².

К сожалению, в период пандемии в силу понятных обстоятельств не проводились семинары и тренинги, но посредством онлайн формата был проведен целый ряд лидерских лекций, состоялись встречи с интересными личностями Центрально-Азиатского региона и не только, таким образом была продолжена работа ПАХЧ, продолжался диалог культур.

В данной статье хотелось бы поделиться собственным опытом использования текстов курсов ПАХЧ в преподавании в магистратуре КазНУ имени аль-Фараби (учебные и методические практики).

---

¹ Урунова Х. Об особенностях курса «Человековедение» и необходимости его преподавания// Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2010. С. 109-118.

² Там же.

С 2014 года автор статьи читает курс «Теоретические и практические аспекты микроисторического анализа», в настоящее время по новой образовательной программе курс «Микроистория» для магистрантов исторического факультета. По нашему мнению, именно магистранты наиболее подготовлены к пониманию и анализу предлагаемых материалов ПАХЧ.

После прохождения курсов ПАХЧ были внесены изменения в программу курса – syllabus, в частности, предложены в теме «Междисциплинарность микроистории. Этнографический «метод плотного описания» Клиффорда Гирца дается в качестве самостоятельного задания для изучения интерпретации пространства в работах Чарльза Корреа «Городское жилищное строительство в странах третьего мира: роль архитектора», Марта Колбурна «Жилища афганских кочевников», Билла Брайсона «Заметки с маленького острова» и др.

Корреа Чарльз Марк, индийский архитектор, получивший архитектурное образование в США³, в своей архитектурной мастерской в Мумбаи с 1958 года соединявший в своем архитектурном творчестве принципы модернизма в сочетании с элементами традиционной индийской архитектуры.

Билл Брайсон – американский писатель, многие книги которого стали бестселлерами, написал «Заметки с маленького острова», когда решил вернуться в Соединенные Штаты, завершив путешествие по Великобритании, где он прожил двадцать лет.

---

³ Корреа Чарльз Марк// Энциклопедия всемирная история. Режим доступа: https://w.histrf.ru/articles/article/show/korriea_charlz_mark. Дата обращения: 13.12. 2021.

По теме «Новые направления: интеллектуальная история, новая биография. Новая культурная история» магистрантам были предложены для самостоятельного изучения материалы по теме «Социальная история и расширение ее тематики: новые направления. Анализ книг: Р. Киплинг «Бремя белого человека», Л. Африканус «Описание Тимбукту», М. Калам «Там».

«Бремя белых» – стихотворение английского поэта Редьярда Киплинга времён филиппино-американской войны, впервые опубликованное в 1899 году в журнале «McClure's». Его название стало нарицательным обозначением миссии империалистов в колониальных владениях⁴.

Джоаннес Лео Африканус – урожденный аль-Хасан ибн Мухаммад аль-Ваззан аль-Фаси – берберский дипломат, известен своими книгами по описанию Африки, по географии Магриба и долины Нила. Человек интересной судьбы, он перешел из ислама в христианство и изменил свое имя на Иоганнес Лео де Медичи.

По теме «Новые направления микроистории: гендерная история» нами были включены в программу курса материалы ПАХЧ, в частности, книги: Фланнери Оконнор «Хорошие деревенские люди», Виржиния Вулф «Своя комната», Маша Гессен «Моя бабушка цензор».

По теме «Новые направления: урбан-история» включены в рекомендуемые для чтения и анализа материалы ПАХЧ по интерпретации общественного пространства – работы С. Дракулич «О качестве краски на стенах в

---

⁴ Венгерова З. А. Киплинг, Редьярд // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890-1907.

Восточной Европе», Ф. Мансел «Константинополь: город мировой мечты».

Словенка Дракулич – известный хорватский автор, ее эссе и книги переведены на многие языки, ее статьи публиковались в известных мировых СМИ. В числе ее 13 книг, среди которых «Они бы и мухи не обидели» и «Как мы пережили коммунизм и даже смеялись», удивляет ее способность понимать социальную жизнь, а внимание к чужим жизням позволяет увидеть те мелочи повседневной жизни, которые на самом деле определяют наше будущее, считает Юстина Добуш⁵.

Филип Мансел – уроженец Лондона, учился в Итоне, в Баллиол-колледж, Оксфорд. В 1978 году получил докторскую степень в Университетском колледже Лондона. Его первая книга была опубликована в 1981 году. Много путешествовал, читал лекции во многих странах, включая Соединенные Штаты, Францию, Германию, Италию и Турцию, выступал на радио и телевидении. Является членом Королевского исторического общества, Королевского общества литературы, Института исторических исследований (Лондонский университет) и Королевского Азиатского Общества, является членом Совета научного центра де Решерш дю Шато де Версаль. Кавалер Ордена искусств и литературы, в 2012 году получил премию Лондонской библиотеки. В 1995 году начал компанию по спасению башни Clavell Tower. Филипа Мансела называют историком судов и городов⁶.

---

⁵ Добуш Ю. Дракулич: Образование и культура – это опять для элит//Аргумент//Режим доступа:// <http://argumentua.com/stati/drakulich-obrazovanie-i-kultura-eto-opyat-dlya-elit>.

⁶ About Philip Mansel // Режим доступа: <http://www.philipmansel.com/> Дата обращения 16.10. 2021.

Тексты курсов ПАХЧ значимы помимо курса «Микроистория» также и в преподавании других образовательных программ в магистратуре КазНУ имени аль-Фараби.

С 2020 года была введена в образовательный процесс на историческом факультете КазНУ им. аль-Фараби новая инновационная образовательная программа в магистратуре «7М016 – История и география», в процессе обучения магистрантам читают курсы преподаватели исторического факультета и факультета географии и природопользования. В 2021 году состоится первый выпуск по этой ОП магистрантов.

Материалы ПАХЧ, в частности «Интерактивная этнографическая научная карта Центральной Азии», существенно обогатит учебно-методическую базу ряда курсов, а именно – «Картографические исследования Центральной Азии в XIX веке», «Инновационные методы преподавания географии», «Современные проблемы изучения и преподавания исторической географии», «Сакральная география Центральной Азии», «ГИС в историко-географических исследованиях», «География населения и трудовых ресурсов Республики Казахстан».

Нами также была предложена в качестве задания для получения сертификации по окончании курсов ПАХЧ авторская структура силлабуса курса «Введение в человековедение» объемом в 2 кредита полностью основанном на материалах ПАХЧ.

В качестве личных рекомендаций хотелось бы предложить включить в материалы ПАХЧ книгу лауреата Нобелевской премии Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо», по теме гендерных исследований.

Выражаем уверенность в безусловной перспективности и высокой ценности материалов ПАХЧ в учебно-методическом обеспечении образовательного процесса в Центрально-Азиатском регионе на всех уровнях обучения.

Хотелось бы поблагодарить Проект Ага-хана «Человековедение» за открытость, стремление сделать максимально доступными все учебно-методические, дидактические материалы для всех стран Центральной Азии, всего международного сообщества.

Список использованных источников:

1. About Philip Mansel // Режим доступа: <http://www.philipmansel.com/> / Дата обращения 16.10. 2021.
2. Алексиевич С. «У войны не женское лицо». Изд-во:Время. 2015.
3. Венгерова З.А. Киплинг, Редьярд // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890-1907.
4. Добуш Ю. Дракулич: Образование и культура – это опять для элит//Аргумент//Режим доступа:// <http://argumentua.com/stati/drakulich-obrazovanie-i-kultura-eto-opyat-dlya-elit>.
5. Корреа Чарлз Марк.// Энциклопедия всемирная история. Режим доступа: https://w.histrf.ru/articles/article/show/korriea_charlz_mark. Дата обращения: 13.12. 2021.
6. Урунова Х. Об особенностях курса «Человековедение» и необходимости его преподавания// Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2010. С. 109-118.

Зухра Мадамиджанова,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института истории, этнографии и археологии
имени А. Дониша Национальной академии наук
г. Душанбе, Таджикистан

Опыт внедрения магистерского курса ПАХЧ в Институте истории, этнографии и археологии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан

Было очень приятно и полезно участвовать в работе Региональной научно-практической конференции Проекта Ага Хана «Человековедение» Университета Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан) на тему: «Синергия исследования, педагогики и дебатов (на примере курсов ПАХЧ)», встретить коллег, друзей и сердечно приветствовать всех. Так же хочу поздравить весь казахстанский народ с Днем Независимости. День независимости – очень важная дата для любого народа, а для казахского народа особенно. Кроме того, поделиться опытом преподавания курса «Картина мира Центральной Азии: история и современность» магистрантам, услышать мнения других участников было вдвойне приятно.

Сразу же подчеркну эмоциональное восприятие материала, во-первых магистранты с большим интересом воспринимали материал, перед ними открывались двери в культуру соседних народов. Живя рядом, они не были знакомы с их культурами и реальной жизнью. Во-вторых, сопоставительный материал вызывал положительные

эмоции, так, мнения многих магистрантов были таковы: «У нас много общего», «У нас есть отличия», «Почему, живя на территории огромной Центральной Азии, мы не похожи друг на друга? Мы имеем свой язык, свой хозяйственно-культурный тип, свои традиции, свою ментальность». Эти вопросы были озвучены, и они искали ответы в представленных материалах курса.

В рамках активной деятельности программы ПАХЧ/УЦА в трех странах специально был разработан учебный кросс-культурный и кросс-дисциплинарный магистерский курс «Картина мира Центральной Азии: история и современность». Это большой совместный труд ведущих интеллектуалов Центральной Азии из Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана. Предложенный курс охватывает важные стороны жизни этносов трех стран – историю, экономику, экологию, методику преподавания курса с акцентом на академическое письмо.

В Таджикистане лекции Курса ПАХЧ «Картина мира Центральной Азии: история и современность» (в качестве дополнительного курса) проведены Мадамиджановой З.М. (к.и.н.) и Юсуфбековой З. (к.и.н.) в 2019, 2020, 2021 годах. Лекции проводились в 2019 году шести магистрантам института Истории, археологии и этнографии, в 2020 году на лекции были приглашены двенадцать магистрантов из Педагогического университета Таджикистана и шесть магистрантов из Института истории, в 2021 году четыре магистранта из Института и восемь – из Педагогического университета, и общее количество магистрантов составило 32 человека. Такова статистика на сегодняшний день.

Дополнительный курс направлен на изучение магистрантами культурного и духовного наследия предков

таджикского, казахского и кыргызского народов. А также на познание исторических процессов, происходящих в Центральной Азии, их особенностей и определения места народа в мировом сообществе. Занятия были проведены по представленным материалам в четырех блоках – история, экономика, экология. Магистрантам были предложены обзорные материалы по этнологии народов Центральной Азии, а также по экологии и экономике этих народов. Большой интерес вызвали материалы первого раздела курса «История», «Традиционная культура казахского, кыргызского и таджикского этносов».

Основная форма обучения – интерактивная, работа в группах. Такая форма проведения занятий для многих магистрантов была новой. Работая в группах, они определяли проблемы поставленного вопроса, обсуждали его, рисовали таблицы, схемы, диаграммы и выступали перед аудиторией. Они подчеркивали: «Мы научились говорить, правильно выражать свои мысли, научились уважать мнение другого, узнали традиционные и современные практики жизненного цикла у казахов, кыргызов и таджиков».

В дискуссиях магистранты отметили, что практически реально высвечиваются общие тенденции развития народов Центральной Азии, на что влияет соседство территорий, схожесть языков, социальных аспектов, экономического развития. Изучая предложенные материалы, магистранты отметили широкий спектр исторических источников, этнографические материалы, которые открывали непосредственные элементы быта и нравов народов Центральной Азии. Глубокий анализ представленных материалов помог магистрантам увидеть расселение

этносов, их этническую историю, культурно-исторические взаимоотношения.

Занятия проводились в рамках запланированных тем, при этом большой интерес вызвали следующие темы: «Ислам и баптизм», «Ислам и тенгрианство». Обсуждение в группах и презентации показали, что магистрантам очень интересны вопросы современного ислама, его проявление, состояние современного мусульманского общества. Высказывая различные мнения, магистранты показали умение критически мыслить, определять свою личную позицию, умение понять и принять другую точку зрения. Магистранты показали хорошие знания классического ислама, но действия родственников, общины (аула, руководящих структур) вызывали некоторое непонимание. Высказывали мнения о том, что следовало бы сделать, отмечали слабые действия старейшин аула, других структур по предотвращению данной ситуации, которые описаны в тексте. На заданные вопросы находили ответы в текстах, а в случае отсутствия их, высказывали свои мнения. На презентации текста «Ислам и тенгрианство» были показаны особенности тенгрианства, традиции развития. Мнения групп были едиными – это явление сохранилось и относится к доисламскому периоду. Анализируя этот материал, было высказано мнение, что в таджикской традиционной культуре также сохранились похожие доисламские обычаи, ритуалы, обряды, относящиеся к зороастризму.

Магистранты проработали оба текста, представленные в материалах курса, и пришли к умозаключению, что у всех народов Центральной Азии идут процессы отхода от традиционных практик не только в религии, но и других социокультурных традициях. Некоторые магистранты

высказали мнение в поддержку героини одного из текста, что она имела полное право перейти в другую религию – это ее право, другие же считали, что мусульманка этого делать не должна. Такие случаи происходят не только в Кыргызстане, но и других странах Центральной Азии, а именно, в современном Казахстане и Таджикистане.

Магистранты отметили высокий уровень исследования в представленных текстах курса. Молодые специалисты показали, что они могут самостоятельно работать с дополнительной литературой.

Особое мнение у них сложилось вокруг темы «Традиционный родословный институт у народов Центральной Азии». У таджиков это – *авлод*, у казахов – *шежире*. Магистранты проявили большую активность, восхищение и выявили много общего по традиционным институтам.

Предложенные материалы показывают особенные функции *авлода*, присущие таджикам. В обсуждениях высказывали поддержку авторам в том, что значение *авлода* еще долго будет сохраняться, потому что таджикам присуще сильное чувство принадлежности к единому роду, и они не могут воспринимать себя без семейно-родственной группы.

Изучая институт *шежире*, магистранты проявили интерес к генеалогии казахов и отметили важность и необходимость знания казахами своей родословной. Поэтому они приветствовали высказывания Н.А.Назарбаева о том, что генеология для казахов в степи была как компас для моряка в море.

Магистранты проанализировали данный материал и подчеркнули, что как казахи, так и таджики до

настоящего времени не воспринимают себя без семейно-родственной группы, поэтому они сохраняют родовую ментальность.

Магистрантам была предложена литература по теме для их самостоятельной работы. Они должны были собрать этнографический материал по семейно-родственной структуре и составить свою генеалогию рода. С этой задачей они справились и отметили, что никогда не представляли свою генеалогию и не отмечали свое место и место своего рода в ней – это очень их мотивировало на изучение курса.

Таким образом, огромный материал позволяет магистрантам увидеть динамичное развитие центрально-азиатских обществ на фоне полиэтничности и поликонфессиональности, смоделировать решение этнических, религиозных и экологических проблем для обществ с традиционными культурами, а самое главное – данный курс окажет влияние на повышение сознания национальной идентичности в настоящем и будущем.

Работая по всем заявленным темам курса, магистранты отметили талантливость казахского, кыргызского, таджикского народов, их глубокие корни происхождения. Например, для магистрантов были интересны и новы данные по музыкальной культуре, приведенные автором профессором З.Е. Кабульдиновым – одним из разработчиков раздела. Один из магистрантов по специальности «археолог» выразил большой интерес к интерпретации материалов о казахах и их далеких предках, так, ему было интересно, что к далеким предкам казахов относятся – гунны и саки, кипчаки, тюрки. Кстати сказать, если обратиться к материалам по этногенезу таджиков, то саки тоже участвовали в формировании нашего этноса, но

только в конце 1 тыс. до н.э. На территории Казахстана найдены уникальные петроглифы с изображением людей, играющих на музыкальных инструментах, которые были высечены на камнях примерно 2,5 тысяч лет тому назад. В это время Центральная Азия была ираноязычной, и многие ученые тоже интерпретируют эти факты по-разному. Вокруг этого вопроса были различные мнения, и в заключении они пришли к тому, что древнейшая и древняя история Центральной Азии имеет много общего. Так, например, этнические группы были ираноязычными, а формирование в этнические сообщества и этносы проходили позже с формированием единого языка, хозяйственно-культурной классификации, духовной, материальной культуры. Подобный анализ можно провести и по всем другим темам, но из-за ограниченности времени было приведено только это.

В целом, для магистрантов знание культур народов Центральной Азии (таджиков, казахов, кыргызов), в которых преобладает традиционализм в материальной и духовной сферах, повышает сознание национальной идентичности у молодого поколения. Формируется новое видение мира, новое восприятие историко-культурных ценностей, развитие экологических и экономических знаний, мировоззрений. Такой подход является определяющим фактором в формировании национального самосознания каждого народа. Это объясняется тем, что гражданин каждой страны, зная историю своего народа, развитие экономических, экологических наук, формирует в себе чувства гражданственности, нравственности, понимание общенационального единства и патриотизма. Поэтому данный курс очень актуален, востребован и требует дальнейшего развития.

Изучая предложенные материалы, магистранты отметили широкий спектр исторических источников, этнографических материалов, которые открывали непосредственные элементы быта и нравов народов Центральной Азии. Глубокий анализ помог магистрантам увидеть расселение этносов, их этническую историю, культурно-исторические взаимоотношения.

Второй раздел курса «Экология» начинается с кейс-стади Э. Шукурова «Природа в культуре и природа культуры». Многие позиции, выдвинутые автором, вызвали дискуссии, в результате чего магистранты, оценивая создавшиеся ситуации в странах Центральной Азии, отметили необходимость решения экологических вопросов на современном этапе через экологическое образование и соблюдение экологических прав каждого человека.

В разделе «Экономика» определены основные векторы и первоочередные задачи экономической политики стран Центральной Азии, проанализирована связь экономики с системой ценностей. Основной упор в экономическом образовании Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана в условиях применения инновационных технологий сделан на актуальность управления знаниями в аспекте достижения конкурентоспособности и самореализации специалиста-гуманитария новой формации.

Таким образом, изучив данный курс, основанный на методологических и мировоззренческих принципах примордиализма, культурного плюрализма и социального конструктивизма, магистранты получили конкретные знания, которые позволяют проработать огромный массив интересной информации.

Поэтому данный курс очень актуален, востребован и требует дальнейшего внедрения. Магистратура новое

явление в системе образования у государств Центральной Азии, поэтому необходимо разработать совершенно новые подходы на основе междисциплинарного курса. Предложенный Курс ПАХЧ обуславливает новое осмысление этнических, религиозных, экологических проблем в традиционных культурах стран Центральной Азии. Курс развивает аналитическое мышление, позволяет оценить значение развивающейся экономики, плачевное состояние экологии в странах Центральной Азии и увидеть региональные проблемы обществ с переходной экономикой. Магистрант получает глубокие знания в межпредметном синтезе, высокий уровень аналитического мышления, академические и традиционные знания, развивает умение создавать актуальные и эффективные проекты.

Данный курс должен получить дальнейшее развитие материалов по различным аспектам жизнедеятельности этносов Центральной Азии, которые позволят объективно решать вопросы экономического, экологического, исторического характера, а также развивать добрососедские, межгосударственные отношения между народами.

Сейчас перед нами стоит большая задача для развития данной деятельности: институционально внедрить Курс ПАХЧ в систему подготовки студентов, магистрантов. Учитывая тот факт, что данный курс новый, требуется большая кропотливая терпеливая работа. Система образования в Таджикистане перешла от традиционной советской модели к новой, основанной на бакалавриате, модель преподавания магистрантам и докторантам требует новых инновационных подходов. Из опыта преподавания данного курса следует обратить внимание на то, что он является междисциплинарным, и магистранты не только знакомятся с новыми материалами рядом

живущих этносов, но по-новому осмысливают этнические, религиозные, экологические проблемы в традиционных культурах. У магистранта формируется восприятие не только своей идентичности, но и идентичности живущих рядом этносов через трансформацию традиций от прошлого к современности, а также имеется возможность увидеть региональные проблемы обществ с переходной экономикой. Таким образом, данная модель преподавания помогает получить глубокие знания в межпредметном синтезе, развивать высокий уровень аналитического мышления, получать академические и традиционные знания, развивает умения в создании актуальных и эффективных проектов, поэтому считаем, что имеется необходимость попыток дальнейшего реформирования систем образования. Хотя у нас внедрена новая кредитная система в образовании, но тем не менее требуется дальнейшее развитие. Материалы, представленные магистрантам должны постоянно обновляться на основе новых исследований. Исследования могут проводиться самими магистрантами по заранее заданным темам, таким образом, они получают навыки организации, проводят исследования, подводят итоги и анализируют их, при этом должна вестись оценка преподавания и соответствующее оценивание активности магистрантов.

Поэтому данную программу необходимо включить в систему подготовки магистрантов и докторантов, лоббировать данный курс перед Министерством образования Таджикистана.

Какие документы мы имеем на сегодняшний день для лоббирования данного курса перед Министерством образования Таджикистана?

Так, курс включен (как дополнительный) в процесс обучения на основании соответствующих документов:

1. Письмо о сотрудничестве между УЦА – Проектом АГА ХАНА «Человековедение» и Институтом Истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Академии наук Республики Таджикистан.

2. Меморандум о сотрудничестве между УЦА – Проектом АГА ХАНА «Человековедение» и Институтом Истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Академии наук Республики Таджикистан.

3. Имеются подготовленные учебные материалы Курса ПАХЧ «Картина мира Центральной Азии: история и современность» (хрестоматия текстов плюс методическое руководство к нему), которые имеют опыт внедрения в систему магистратуры трех стран.

4. Имеются отзывы магистрантов, в основе которых лежит научное, аналитическое восприятие материала, а самое главное – данный курс предоставляет магистрантам грамотно выражать свои мысли.

Назира Курбанова,
доктор исторических наук, профессор,
декан факультета истории и социально-правового
образования КГУ им. И.Арабаева, Кыргызстан

Опыт внедрения магистерского курса ПАХЧ в университетах Кыргызстана

Дисциплина «Картина мира Центральной Азии: история и современность», подготовленная видными учеными Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана, внедрена в программу магистратуры Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева и Бишкекского государственного университета им. К. Карасаева на протяжении последних трех лет.

В 2021 году в Бишкекском государственном университете им. К. Карасаева и Кыргызском государственном университете им. И. Арабаева продолжалось изучение дисциплины «Картина мира Центральной Азии: история и современность», которая ведется на протяжении последних трех лет в кыргызстанских вузах.

В связи с пандемией COVID-19 в 2020-2021 учебном году дисциплина проводилась в режиме онлайн на платформе Google-Classroom и Zoom. В БГУ в двух группах магистратуры дисциплину прослушали 40 человек, в КГУ – 27 человек, в объеме 4 кредитов.

Содержание дисциплины включает историю, экономику, экологию постсоветских центральноазиатских государств, а также академическое письмо и кросс-дебатный формат.

Внесение курса «Картина мира Центральной Азии: история и современность» в магистерские программы в КГУ им. И. Арабаева в 2019 году было облегчено его совпадением с процессом совершенствования основных образовательных программ. В кыргызстанских вузах он получил положительные отзывы как от преподавателей, так и самих магистрантов. На наш взгляд, у предмета большое будущее в связи с его миссией, нацеленной на оптимизацию и гармонизацию межгосударственных отношений центральноазиатских государств.

В данном курсе освещаются результаты исследований о культуре, традициях, укладе кыргызов, таджиков и казахов, о состоянии экосистем и экономик региона. Изучение данного курса ежегодно вызывает большой интерес у магистрантов в связи с его интегративностью, межпредметностью, широтой хронологии, связывающей историческое прошлое с современностью, динамичностью трансформации центральноазиатских обществ на фоне глобализации.

Его изучение позволило магистрантам искать и находить решение этнических, религиозных и экологических проблем для обществ с традиционными культурами. Важным результатом изучения данного курса является его влияние на осознание национальной идентичности магистрантов. Кроме того, он развивает аналитическое мышление, позволяет оценить значение переходной экономики, проблемы экологии в странах Центральной Азии и увидеть региональные проблемы обществ с традиционной культурой. Осознать не только вопросы исторического прошлого, но также осветить проблемы постсоветских центральноазиатских государств.

В 2020-2022 учебном году, как и ранее, большой интерес магистрантов вызывали вопросы, содержащиеся в учебных материалах, касающихся культуры и традиции, которые существовали с незапамятных времён и сохранились по сегодняшний день. Актуальные проблемы, связанные с миграцией кыргызстанцев, вызвали дискуссии у магистрантов. В частности, детально рассматривался тезис феномена «голландской болезни», приносящего краткосрочные выгоды. После его изучения магистранты пришли к выводу о необходимости создания рабочих мест, поддержки государством молодежной политики, реанимации малых городов, изменения структуры и объёмов импорта в страны региона и т.д. Содержащийся в учебном пособии материал позволил магистрантам постоянно делать страновые анализы, сопоставления, сравнения, выявлять сходство и различия в прошлом, настоящем, прогнозировать будущее.

Интегративный и междисциплинарный характер дисциплины в области истории, экологии, экономики, исследовательской работы содействует развитию плюрализма в идеях, культурах, традициях социальной практики Центральной Азии и мира.

Таким образом, полученные знания на стыке наук, приобретение навыков академического письма и проведения исследований являются важными для будущего учёного, гарантируют профессиональную компетентность выпускников магистерских программ.

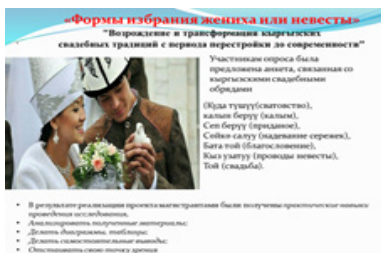
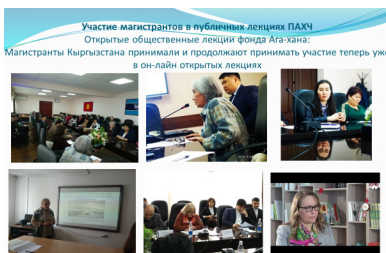
Кроме того, изучение текстов дополнительного чтения западноевропейских ученых (Клиффорд Гирц, Бенедикт Андерсон и др.) позволило магистрантам увидеть связи между национальным, региональным и международным

контекстом рассмотрения ключевых вопросов и проблем Центральной Азии.

Магистранты в течение семестра использовали учебное пособие для магистерского курса Проекта Ага Хана «Человековедение». В прошлом учебном году во время онлайн обучения большую службу сослужили электронный учебник и концептуальный указатель, методические разработки и другие материалы. На лекционных занятиях были прочитаны все материалы курса из учебного пособия, которые включают вопросы взаимосвязи национальных, региональных и межэтнических культур в контексте проблем Центральной Азии.

На первом модуле был рассмотрен раздел: «История о традиционной культуре казахского, кыргызского и таджикского этносов». На практических занятиях разбирали кейс-стади А. Алымбаева «Ислам и национальные традиции», студенты активно участвовали и говорили о религиозных культурах, их значении и роли в жизни современного человека. С особой заинтересованностью прочитали о традиционной культуре казахского этноса и соотнесли общее и особенное с культурой кыргызов. На втором модуле был рассмотрен раздел «Экология. Традиции и природа». Особенно магистрантам понравился кейс-стади Э. Шукурова «Природа в культуре и природа культуры» и Р. Яценко «Связь системы ценностей и экономического сознания через экологическое измерение». Провели дискуссии по двум кейс-стади, студенты увлеченно доказывали свое мнение и соотносили с проблемами экологии в Кыргызстане. В работе по СРС студентам было задано прочитать другие кейс-стади из учебного пособия и написать свои эссе или рефераты.

Также в отчетном году магистранты продолжали принимать участие в открытых общественных лекциях фонда Ага Хана: Магистранты Кыргызстана принимали и продолжают принимать участие теперь уже в онлайн открытых лекциях.

Также магистрантами и преподавателями был проведен небольшой проект по исследованию формы избрания жениха или невесты «Возрождение и трансформация кыргызских свадебных традиций с периода перестройки до современности» в декабре – январе 2020-2021 гг. Участникам опроса была предложена анкета, связанная с кыргызскими свадебными обрядами (куда түшүү(сватовство), калын берүү (калым), сөп берүү (приданое), сөйкө салуу (надевание сережек), бата той (благословение), кыз узатуу (проводы невесты), той (свадьба).

В результате участниками проекта были сделаны следующие выводы о том, что сегодняшние социально-экономические условия вносят свои коррективы во все сферы жизнедеятельности общества, происходят значительные изменения в психологии людей под воздействием новых форм человеческой активности. В настоящее время в соблюдении национальных традиций и обычаев появились определенные трудности экономического характера.

Результатом проведенного исследования явились следующие изменения:

- если раньше инициаторами брака выбора жениха и невесты были родители юноши и девушки, то сейчас молодым людям позволено знакомиться самим;

- заметно увеличился по сравнению с традиционным обществом (9-10 лет в досоветский период, 17-20 – в советский, 28-30 – в постсоветский период возраст потенциальных женихов и невест (социально-экономические факторы способствуют страховке будущего посредством получения образования, достижения карьерных высот как парней, так и девушек);

- заметен значительный социальный разрыв в сумме расходов на проведение свадебных традиций между богатыми и бедными гражданами страны;

- вернулась практика выплаты калыма, которая в советское время была приравнена к «вредным» обычаям и запрещена на официальном уровне;

- если свадьба проводится по традиционному образцу, со сватовством, то тою в доме невесты отводится значительная роль. Этот обряд (кыз узатуу) знаменует собой приезд жениха за невестой.

В результате реализации проекта магистрантами были получены следующие практические навыки проведения исследования:

- анализировать полученные материалы;
- делать диаграммы, таблицы;
- делать самостоятельные выводы;
- отстаивать свою точку зрения.

Таким образом, подводя итоги отчета опыта внедрения магистерского курса ПАХЧ в университетах Кыргызстана резюмируем:

– необходимость поддержки данного курса в части запланированных мероприятий в контексте страновых исследовательских проектов для диссертационных работ;

– проводить онлайн конференции для магистрантов по тематикам предмета «Картина мира Центральной Азии: социальные практики» профессорами из всех государств, участвующих в реализации программы;

– рассмотреть возможность подготовки магистерских диссертаций на базе данного курса;

– изыскать возможности проведения совместных исследовательских проектов для магистрантов государств – участников.

Венера Хайруллаева,
кандидат философских наук,
ассоциированный профессор Казахского
университета международных отношений
и мировых языков имени Абылай Хана,
г. Алматы

**Вклад ПАХЧ в развитие потенциала
педагогов в Казахстане, тенденции
в повышении квалификации педагогов:
связь исторического опыта
с текущими вызовами**

Триггером сегодняшнего выступления стало намерение связать вклад проекта Ага Хана «Человековедение» в развитие казахстанского образования с его историческим опытом в рамках вызовов времени. Конечно, в одном докладе осветить весь вклад ПАХЧ в развитие потенциалов педагогов Республики Казахстан невозможно. Тем не менее, хочу остановиться на самых важных моментах в траектории этого проекта.

Ни для кого не секрет, что в начале 90-х годов, после распада СССР, не только Казахстан, но и все остальные страны СНГ столкнулись с серьезными проблемами формирования новых суверенных государств. После развала в 1991 году Советского Союза ветры политических перемен на его бывших просторах подули с такой силой, что многие главы и граждане новообразованных суверенных государств оказались лицом к лицу с новой реальностью: рынок, свобода, конкуренция, демократия, гласность и т.д. Стремительно росла безработица, цены, на многих

предприятиях не выплачивалась зарплата, платные медицинские услуги оказались основной массой населения не по карману, упала средняя продолжительность жизни. Прежние политические и социально-экономические методы руководства себя исчерпали, а новые ещё не заработали. Все эти явления не просто требовали принятия принципиально новых ценностей и аспектов жизни, также можно считать, что наши республики оказались под тяжестью бремени времени и вынуждены были выбирать свой путь развития. Период с конца 1991 года до конца 90-х был самым сложным в истории суверенного Казахстана.

А какая картина вырисовывалась в пространстве образования Республики Казахстан? После распада СССР все бывшие республики предприняли попытки реформирования образования. Постсоветская система образования была дискредитирована, поэтому значительный упор был сделан на заимствование опыта западных стран. Поскольку образовательный процесс имеет аналогию с живым организмом, который отражает действительность, здесь также уместно будет заметить о вызовах глобализации.

С одной стороны, ушли в прошлое идеологизация духовной жизни, государственная регламентация всех сфер культуры. Были провозглашены принципы ликвидации монополии государства на образование, большего участия местных властей в управлении образованием, самостоятельности учебных заведений при определении направлений учебной деятельности, перехода в педагогических отношениях к системе сотрудничества между учителями, учащимися и родителями. С другой стороны, недостаточное финансирование

государственных образовательных учреждений привело к оттоку из средней и высшей школы квалифицированных преподавательских кадров, к кризису вузовской науки, падению уровня и качества образования. При этом декларации о широкой демократизации образования и воспитания остались во многом благими пожеланиями. По-прежнему были сильны традиции централизованного управления школой, функционирования громоздкого бюрократического аппарата.

Неудивительно, что в такой нелегкий период для Казахстана система образования не смогла сразу перейти на рельсы развития с высокими темпами, скорее 90-е годы можно назвать периодом инерции старой системы. Даже если учесть те факты, что Казахстан присоединился к программе TEMPUS в 1994 году, к программам Фонда Сороса в 1995 году и еще к ряду других международных программ, нельзя не признать, что до конца 90-х годов прошлого столетия обучающие процессы и программы проводились по старым шаблонам, стандартам. Особенно, многочисленная армия преподавателей, которая осуществляла перемены в обществе, работала по старой схеме, показывая свою приверженность советской традиционной системе образования. Проблема здесь не в том, что они сознательно не принимали методов и устои западной системы образования, а в том, что не было достаточной информации о том, как вообще функционируют западные модели образования, из-за изолированности и закрытости СССР. Многие из них даже не имели представления о новых формах и методах обучения. Всемирная сеть Интернета еще полностью не была сформирована, информация доходила очень медленно. Таким образом, возникла критическая ситуация

в образовательном пространстве – по-старому нельзя, а по-новому как?

Вышеупомянутые и другие международные программы, которые начали привлекать ученых и педагогов в разные проекты, в основном требовали знания английского языка. В больших и дорогих проектах возможность участия имели только те преподаватели, которые отлично знали и смогли показать высокие результаты тестов на владение английским языком. Однако это было очевидно, что львиная доля учителей и ППС университетов в те времена не соответствовала этому критерию. В эпоху СССР из-за изоляции и закрытости общества не было необходимости высокого уровня владения иностранными языками, хотя в школах и вузах они изучались. В свете этих анализов можно увидеть особую роль и значение реализации программы Проекта Ага Хана «Человековедение» Университета Центральной Азии в Казахстане.

Вызовы того времени: необходимость кардинальных изменений, новая кредитная система образования. Все это ложилось на плечи педагогов. Проект Ага Хана «Человековедение» вошел в казахстанское образовательное пространство как большая помощь и поддержка, именно в нужное время и именно для педагогов.

Сотрудничество Казахстана с Организацией Ага Хана IV по развитию началось еще раньше, в 1997 году. Именно тогда данная организация оказала финансовую поддержку в проведении в городе Алматы международной конференции по социальным вопросам, также оказала финансовую помощь в реализации реабилитационной программы ООН по Семипалатинскому региону, а также привлечении ведущих педагогов для разработки учебных пособий курсов ПАХЧ.

С начала 2000-х годов начинается новый этап сотрудничества в сфере подготовки специалистов в стране. Первую декаду 21 века можно охарактеризовать как период знакомства и бурного сотрудничества педагогов Казахстана с коллегами из Кыргызстана и Таджикистана через семинары по повышению квалификации педагогов Программы ПАХЧ.

Плодотворная деятельность ПАХЧ в Центральной Азии, в частности в Казахстане, очевидна. Например, благодаря проекту разработаны новые элективные курсы, пересмотрены цели и задачи дисциплин гуманитарных направлений, разработаны новые учебные материалы и внедрены современные технологии для более эффективного преподавания, повышен профессиональный уровень нескольких сотен педагогов из разных вузов страны и налажены их более тесные связи между преподавателями вузов Центральной Азии. Немаловажные аспекты в активностях ПАХЧ – это участие в процессах интеграции образования, прозрачность и открытость в межкультурных диалогах, доступность материалов разного контекста и в разных аудиториях, возможность приобретения и развития разных педагогических компетенций в живых дискуссиях, семинарах и мастер-классах, все это способствовало культурному сближению участников стран Центральной Азии.

Имплементация проекта в рамках организованных курсов, таких как «Введение в Человечествоведение», «Личность и общество», «Традиции и изменения», «Ритм и движение», «Поиск социальной справедливости», «Определение гражданского общества». Курсы «Дискуссии о человеческой природе» и «Понимание искусства» осуществлялись через материалы, подобранные

и сформированные эрудированными участниками проекта на основе трудов известных интеллектуалов. Преподаватели из университетов Казахстана работали с коллегами, консолидируя опыт и модернизируя программы. Таким образом, педагоги Республики Казахстан, поднимали свои квалификации не только в качестве слушателей, а также развивали свои компетенции как активные субъекты.

Траектория реализации программ ПАХЧ в Казахстане имеет многовекторный характер, начиная с мастер-классов, семинаров, тренингов, кросс-дебатов и заканчивая обсуждениями научных докладов видных ученых и политиков, и на основе всего – разработка инновационного магистерского курса «Картина мира Центральной Азии: история и современность», которая успешно изучается магистрантами университетов трех стран.

Семинары-тренинги, проведенные высококомпетентными специалистами-тренерами, пробудили интерес и желание многих педагогов сотрудничать в рамках проекта. В числе первых координаторов и мотиваторов, тренеров, а также активных участников можно назвать такие имена, как Н.Г. Аюпов, Г. К. Билялова, Н. Исаева, Н.Тюрина, В.Х. Хайруллаева, М. Султанова, А. Тулекова, С. Конырбаева, Г. Слонова, Г. Жанузакова и многих других. Также нужно особо отметить заслуги тренеров из соседних стран, таких как С. Джонбобоев, Х. Шамбеталиева, Г. Кочорова, А. Джураев и др. Спектр мероприятий в основном был посвящен проблемам реализации перехода от традиционной системы образования к кредитной системе через развитие методики преподавания. На конференциях, семинарах, тренингах и дебатах всегда насыщено обсуждались актуальные вопросы образования

и культуры. Для аудитории, жаждущей информации о новых интерактивных формах занятий и инновационных методах обучения, этот опыт был своевременным и неоценимым вкладом. Преподаватели получали не только информацию, но и приобретали бесценный опыт погружения в атмосферу настоящего диалога (термин «диалог» здесь используется в первоначальном смысле, с греческого – искусство ведения спора).

Программы семинаров-тренингов были нацелены на обсуждение основных концептов изучения человека и обучение инновационных методик преподавания Проекта Ага Хана «Человековедение» УЦА. Дихотомия организации курсов была построена на основе логики сочетания методики и практики. Методология курсов основывалась на принципах плюрализма, системности, историзма и эмерджентности (функция отдельных элементов приводит к конечному креативному результату, который ранее не наблюдался ни в одном из элементов).

На занятиях применялись методы, являющимися основами критического мышления: метод разработки концептуальных карт и структурно-логических схем баз знаний, написания аргументированного эссе, интервьюирование, AQCI, метод Блюма, дискуссионные методы, разработка силлабуса и т.д. В ходе семинаров различные инновационные интерактивные формы проведения занятий были представлены не только для бурного обсуждения, но и предоставлена возможность каждому участнику в личном опыте «погружаться» в это игровое пространство. Аудитории действительно напоминали игровое поле, в котором все сотрудничали друг с другом для достижения общей цели, для поиска рождения истины и в них царил атмосфера плюрализма, толерантности и

компромисса. Таким образом, эти семинары открывали перед преподавателями мир инновационных технологий обучения, знакомили их с интерактивными методами ведения занятий. Хочется отметить, что для такого эффекта большую роль сыграли подготовленные Проектом Ага Хана «Человековедение» материалы в виде методического руководства по методикам преподавания.

А также ПАХЧ предоставлял преподавателям возможность познакомиться со своими коллегами из разных стран. В результате совместной работы преподаватели вузов получали возможность познакомиться с различными точками зрения и по-новому взглянуть на свою деятельность. Это позволило им работать вместе с ведущими экспертами в своей области, посещать мероприятия в других странах-партнерах и принимать участие в международных мероприятиях программы ПАХЧ с целью изучения опыта и совершенствования своих навыков, знаний. Установленные контакты оказались крайне полезными для проведения дальнейших исследований и расширения списка их публикаций.

Одним из основных направлений программы ПАХЧ является содействие реформированию учебных программ. Эта необходимость обусловлена тем, что в связи с новыми тенденциями развития образования происходят ориентированные на мировой опыт конструктивные преобразования системы. Требование времени обусловило необходимость перехода на новую образовательную парадигму, философской основой которой является антропоцентрический подход, в центре которого находится сам Человек.

Философский подход с позиций антропоцентризма ориентирует образовательную систему на

многостороннее интеллектуально-духовное развитие личности обучаемого, вооруженной фундаментальными знаниями, способной к поиску и творческому решению профессионально-жизненных проблем, обладающей высокой выживаемостью в современном мире. Новая философия образования позволяет разработать концепцию обновления и развития национальной образовательной системы на основе принципов демократизации и гуманизации. В этой связи лишним не будет напомнить, что во «Всемирной Декларации о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры», принятой в октябре 1998 года на Международной конференции по высшему образованию, которая проходила в Париже под эгидой ЮНЕСКО, рекомендовалось поощрять трансдисциплинарность программ учебного процесса и учить будущих специалистов использовать трансдисциплинарный подход для решения сложных проблем природы и общества. Поэтому актуальность интегрированных курсов ПАХЧ не вызывает сомнения и нацелены на формирование теоретического мировоззрения, основанного на холистическом (целостном) видении проблем взаимоотношения человека с миром и обществом, а также формирование и повышение уровня культуры мышления и речи студентов через призму интеграции гуманитарных дисциплин. На основе вышесказанного в определенных университетах Казахстана были внедрены в учебный процесс некоторые курсы ПАХЧ, а также новые интегрированные курсы, на основе материалов ПАХЧ. Например, в Университете «Нархоз» в течение последних 3-х лет вместо автономных социальных дисциплин (социология, культурология, политология, религиоведение, психология) внедрены курсы «Человек и мир», «Социум и общество» для

преподавания которых используются учебники и раздаточные материалы ПАХЧ. Программы интегрированных курсов нацелены на обсуждение основных концептов изучения человека и его места в мире, взаимосвязь культуры, общества и политики из разных фокусов. Таким образом, проект также показал себя эффективным инструментом обновления существующих учебных курсов и мотивировал педагогов к изменениям в преподавании своих дисциплин.

Важно обратить внимание на то, что ПАХЧ пополнил университетские библиотеки учебными материалами – учебниками курсов ПАХЧ и методическими пособиями в них. Так, например, библиотеки университетов «Нархоз», КазУМОиМЯ имени Абылай хана получили полные комплекты учебных материалов по всем курсам ПАХЧ, знаю, что и другие вузы получали такие учебные материалы.

Мероприятия в рамках ПАХЧ также имеют влияние на решение вопросов университетского управления. Благодаря проведенным дебатам по новому – Кросс-дебатному формату (тренер Махмадов Шокирджон), студенты и педагоги получали идеи задуматься о совершенствовании в системе образования и затем возможности активнее участвовать в структурах управления вузами, а также способствовали усовершенствованию административной структуры вузов, отвечающих за организацию международных обменов. Программы ПАХЧ помогли преподавателям и студентам повысить осведомленность об альтернативных путях организации своей деятельности и продемонстрировать важность участия в органах управления. Например, в Казахском университете международных отношений и мировых языков имени Абылай

хана большую познавательную нагрузку несут в себе конференции «Модель ООН», в которых участвуют студенты, «примеряющие на себя» роли работников ООН, что в дальнейшем является подспорьем при устройстве в международные организации. Так, в 2020 году впервые студенты прошли практику в Представительстве ООН в Департаменте глобальной коммуникации в рамках подписанного меморандума, в 2021 году успешно продолжается данная традиция. Кросс-дебатный формат помогает студентам в реальном времени перевоплощаться в дипломатов, выступать в роли представителей ООН, действовать как настоящие субъекты международной политики. Модель ООН – это не просто возможность обсудить проблемы демократии, но и научиться публичным выступлениям, получить навыки системного мышления и приобрести контакты на международном уровне.

В свете вышепредставленного можно с уверенностью резюмировать неоценимый вклад ПАХЧ в формирование и развитие необходимых современных компетенций у педагогов Республики Казахстан. Однако мир меняется, появляются новые требования к специалистам образовательной системы. Образование как живой организм отражает все стороны общественной жизни, и система должна соответствовать новым реалиям, даже опережать их, чтобы подготовить востребованное будущее поколение. Какими новыми качествами должен обладать современный педагог, чтобы достойно встречать новые изменения реальности и уметь релевантно дать ответ новым вызовам современности? Нам кажется, что именно исходя из этих соображений, проект должен продвигать свою дальнейшую деятельность.

Современный мир характеризуется непредсказуемостью. И новые вызовы для ПАХЧ имеют тесную связь с потребностями рынка труда для подготовки кадров, с изучением и усвоением английского языка, техническими проблемами Интернета в отдаленных местностях, психологическими проблемами воспитания молодежи в условиях тотальной пандемии и т.д.

Для дальнейшего улучшения работы проекта хотелось бы дать следующие рекомендации:

1. Запустить проекты для мониторинга рынка образовательных услуг в условиях пандемии. Здесь должны быть привлечены специалисты из разных направлений для проведения исследования, касающегося выявления и решения проблем образования в новых условиях.

2. Стимулирование и поддержка преподавателей для изучения английского языка и получения зарубежного опыта (организовать курсы по изучению английского языка и направить активных участников на стажировку в зарубежные страны).

3. Расширение границ (установить контакты и взаимосвязь с другими международными организациями, которые могут стать потенциальными партнерами ПАХЧ).

4. Создание ассоциации участников ПАХЧ (наладить контакты с участниками, которые показали себя с активной стороны в предыдущих семинарах-тренингах).

5. Разработка новых курсов Майноров (Minors) и организация проведения этих курсов в университетах. Экспертами было замечено, что Майноры в казахстанских университетах в основном по содержанию слишком теоретизированы, абстрагированы и далеки от прагматических ожиданий работодателей. Программа Minors, которая реализуется в университетах, ведет к расширению

опыта студентов бакалавриата и знаменует собой отход от сверхспециализации, свойственной традиционному высшему образованию. В долгосрочной перспективе она позволит студентам продвинуться на рынке труда в XXI веке. По крайней мере, Majors и Minors заставляют расширить представления о некоторых областях знания и содействует развитию междисциплинарных подходов. В перспективе они дают шанс выпускникам трудоустроиться по основным или дополнительным специальностям.

Подводя итог, можно с уверенностью отметить, что программы ПАХЧ, реализованные в Казахстане, внесли значительный вклад в подготовку компетентных педагогов, отвечающих требованиям современной системы образования.

От своего имени и от имени всех преподавателей Республики Казахстан, которые получили стимул и поддержку со стороны ПАХЧ, выражаю огромную благодарность господину Ага Хану, и.о. Главы ПАХЧ господину Шозимову П.Д. и всем сотрудникам проекта и желаю процветания!

Венера Сабирова,
доктор филологических наук, профессор,
Ошский государственный университет,
город Ош, Кыргызская Республика

Возможности и способы большей включенности преподавателей ПАХЧ в Кыргызстане: связь исторического опыта с текущими вызовами

Курсы ПАХЧ: начало процесса в городе Ош и южному региону Кыргызстана

Проект Ага Хана «Человековедение» (далее – ПАХЧ) начал работу с самых первых дней, когда еще не было ни разработчиков экспериментального курса, ни 8 курсов, ни Головного офиса в Душанбе, ни 68 вузов-партнеров с ПАХЧ, ни КДФ и ШПНО. Просто приехал в ОшГУ весной 1997 года инициатор создания такого гуманитарного междисциплинарного курса в Фонде Ага Хана доктор Рафик Кешавджи и по рапорту ректора Бакыта Бешимова отобрал Байболота Абытова в качестве разработчика курса ПАХЧ в Центральной Азии, а через 2 года в Душанбе поехали работать Арстан Кулназаров, Абдимиталип Мурзакметов и Жомарт Сулайманов.

Никто из эдвайзеров так и не смог взять в толк, зачем измученным людям знания и культура, ведь в режиме чрезвычайного положения, когда люди считают потери родных и погибших во время гражданской войны с 1992 по 1997 годы. А доктор Кешавджи говорил о духовной пище. Затем с сентября 1999 года мы в ОшГУ раз в

неделю вели уже занятия по факультативному кружку с одноименным названием. Для этого мы с сентября объявили по факультетам ОшГУ, в частности, на историческом факультете, физико-математическом и иностранных языков, где мы вели занятия, было отобрано 25 человек, которые 1 раз в неделю приходили в центр «Человековедение», открытый приказом ректора вуза, доктора химических наук, профессора Мурзубраимова Бектемира. В течение 1999-2000 года вели занятия вышеназванные коллеги, а с 2001 года в команду тренеров вошли стажировавшиеся 2-4 месяца в Головном офисе ПАХЧ города Душанбе двое молодых тогда еще преподавателя ОшГУ Тажиматов Санжар и Эргешев Заир, ныне работающие в Администрации Президента КР.

Также, хотелось бы сказать о занятиях английского языка, которые проводили коллеги по проекту Ага Хана “Человековедение” по курсам для учителей английского языка, которыми руководил доцент ОшГУ, кандидат филологических наук Мараш-Оглы Шукри Вазирович и его коллега Жеенбекова Гульмира Токтомаматовна. Она два раза ездила в город Душанбе и участвовала в Летней и Осенней школах ПАХЧ 2004 и 2005 годах, где в ту пору работала руководителем линии по связям с вузами КР и РК Доолбекова Жылдыз Бекболотовна. Она защитила кандидатскую диссертацию в 2016 году по научному исследованию жизни мургабских кыргызов и с 2005 года работала в Фонде Кристенсена до 2018 года.

Курсы ПАХЧ успешно проводились в ОшГУ в том же режиме в качестве факультативных курсов для студентов продвинутых факультетов, которые хотели развить навыки критического мышления, академического чтения и

письма, компетенции оценки до конца 2004 года, с углублением по курсу “Человековедение” в глубь, то есть мы отправляли ежемесячные и ежеквартальные отчеты в Головной офис в город Душанбе. Мы отправляли самые разные отчеты по экспериментальному изучению тех или иных текстов, которые менялись в общем контенте вузовского компонента.

Очень хорошим был момент создания этических ситуаций группой кино во главе с С. Рахимовым в головном офисе ПАХЧ. А также ректорские встречи раскрывали глаза руководства вузов на судьбу Проекта. Поездки в Душанбе проректора А.Р. Асанова, А.К. Токтомаматова, замминистра К. Сманалиева давали огромный эффект в плане продвижения волевых решений руководства образовательными структурами.

Еще один прекрасный момент ПАХЧ – проектные технологии, в 2003 году мы со студентами продвигали проект “Бездомные дети в городе Ош”, в 2004 году – “Молодежь – за жизнь без конфликтов”, сами студенты снимали видеоролики, интервью, проводили среди учащихся средних классов тренинги по конфликтологии. Мы даже получили 1 место и памятный коврик – сюзанае. Также студенты приезжали на Летние и Осенние школы в Душанбе и повышали свой профессиональный и личностный уровень.

Примерно, в это же время мы узнали, что из Проекта ПАХЧ ушел Рафик Кешавджи в другой проект по линии университета Гарварда, выпускником которого он был. А в это время в Головном офисе шла работа по разделению курсов на 8 отдельных курсов, поскольку фокусировка менялась, когда шло углубление ПАХЧ. По рекомендации

Нормы Джо Бейкер и Чарльза Томсона, которых сменила на посту директоров ПАХЧ Ясмин Лоди из Индии, курс решили направить на расширение. И он разделился на нынешние 8 курсов: “Введение в Человековедение”, “Личность и общество”, “Традиции и изменения”, “Ритм и движение”, “Поиск социальной справедливости”, “Определение гражданского общества”, “Дискуссии о человеческой природе”, “Понимание искусства”.

Если кратко прокомментировать основную суть этих отчетов, они показывают пути решения проблем при выявлении, осмыслении и размышлении над содержательной стороной этих учебников, которые имели смысл углублять и с каждым новым годом подводить студентов к выработке навыков чтения, осмысления и обобщения теоретических трудов ученых древности и современности, стран Запада и Востока, в чем и состоит основная суть подобранных для изучения в семинарах преподавания курсов ПАХЧ в любом вузе, независимо от его профиля – гуманитарного или технического.

Связь двух исторических этапов развития ПАХЧ: 2005-2012 гг. и 2013 – 2021 гг.

В мае 2005 года в городе Бишкек состоялись курсы для преподавателей вузов КР и РК, которые провела преподаватель АУЦА Мадлен Ривз по “Введению в Человековедение” и “Личность и общество”, она дала новые инструменты по развитию критического мышления студентов, например, комментированный аргумент, виды эссе, кластеров, диаграмм и методов обобщения. Начинается активная фаза для тренерства моими партнерами Шамбеталиевой Хадичой и Тажиматовым

Санжарбеком, которые могут больше дать сведений о проводимых ими тренингах в Алматы, Нарыне и Бишкеке на базе КПУ им Абая, НарынГУ и КРСУ. Проведены ряд семинаров ПАХЧ, приобретен большой инновационный педагогический опыт, который и у меня есть в наличии, в частности, вместе с Жеенбековой Г. и Асламшоевой Ш., мы провели тренинг в школе Ага Хана в 2007 году, и с тех пор учителя очень хорошо отзываются о ПАХЧ.

В 2008 и 2009 годах нами проведены два семинара с Алымовой Динарой, которая побывала в Летней и Осенней школах ПАХЧ в г. Душанбе на базе ОшГУ, где также были привлечены участники со всех южных вузов: БатГУ, ЖАГУ, ЮЮРИИ, ОППИ, ОшТУ, КУУ, Филиал РГСУ в городе Ош. Причем семинары были, кроме “Введения в Человековедение” и “Личности и общества”, на темы “Искусство и человеческое состояние” и “Ритм и движение”, в период семинаров были посещения местных музеев, театров и парков города Ош.

Также, в апреле 2012 года проведен семинар на базе филиала РГСУ в городе Ош в паре с Шамбеталиевой Х.М. Очень радостно, что в этот период был визит руководителя ПАХЧ, профессора Шозимова П.Д. в Ош для заключения Меморандума о сотрудничестве с РГСУ, на семинаре разноликая и поликультурная среда участников очень активно участвовали в повышении своих квалификаций, все они дали высокую оценку в вопросниках ПАХЧ в апреле 2020 года.

С приходом в проект Курманбаевой Чолпон, которая сменила на этом посту Кочорову Гульзат с 2010 по 2013 годы и сопровождала меня на семинарах в Алматы и Душанбе в мае и октябре 2011 года, было очень много

позитивного содержательного – в плане обмена опытом и повышения тренерского мастерства. По преподаванию курсов «Определение гражданского общества» и «Поиск социальной справедливости» в 2008 году совместно с Тажиматовым С.К. и Шамбеталиевой Х.М. нами проведен очередной семинар на базе Ошского государственного университета. В процессе проведения семинара по учебным курсам «Определение гражданского общества» и «Поиск социальной справедливости» в ОшГУ написали общий отчет, где по отлаженной привычке отвечали на стандартные вопросы:

- Сколько учителей было привлечено, кто успешно закончил, кто не ходил до конца, почему?

- Эффективность, полезность и четкость материалов по методике преподавания курса.

- Качество командной работы тренеров.

- Качество и полезность раздаточных материалов (с точки зрения участников).

- Какие ваши ожидания не оправдались в ходе работы?

- Что следует добавить в программу для улучшения работы?

- С какими трудностями вы столкнулись в ходе работы? Смогли ли тренеры их преодолеть и как?

- С кем из тренеров было легко и интересно работать, с кем трудно и почему?

Однако, 13 апреля 2013 года я получила от Шамбеталиевой Хадичи телефонограмму, где она сообщила, что Богдан Кравченко решил закрыть этот проект без объяснения причин. Чолпон была вне зоны доступа, у

меня на носу была через 2 дня защита докторской диссертации, и мы никуда не пошли ничего доказывать.

Было новостью для меня, что осенью 2016 года в Бишкеке, а в марте-феврале 2017 года в Оше прошли семинары по курсам “Введение в Человечествоведение” и “Определение гражданского общества”, которые опять же проводили мы в паре с Шамбеталиевой Х.М. Я не отслеживала причины кризиса проекта, ходили слухи, что он не рентабелен, не приносит денег, как курсы ШНО – школа непрерывного обучения, или курсы английского языка.

Надо понимать, что культура никогда не будет прибыльна. Известная фраза академика Сергея Капицы, стоявшего у основания создания советской культуры, он говорил, что “культуру надо насаждать в людях, иногда даже силой и может быть в ущерб экономике”. Но времена военного коммунизма, коммунистического тоталитаризма в нашей тогда единой стране прошли. Тем не менее, успехи коммунистического Китая в млрд. 400 млн. (где карантин отменен после 3,5 месячного карантина в провинции Хубэй и изоляции 11-миллионного города Ухань) и 93-миллионного Вьетнама (успешно справившегося с коронавирусом весной 2020 года) говорят о том, что коммунистическая идеология не виновата, что ее использовали и измарали недобросовестные люди. В этом смысле великий Ли Куань Ю в крошечном, по сравнению со странами-гигантами Сингапуре, за счет авторитаризма поднявший из руин страну в государство с минимальным уровнем коррупции, абсолютно прав: жесткая дисциплина, аскетичные порядки и старания людей спасут мир в стране.

Публичные лекции, Курсы ПАХЧ по повышению квалификации – FDP: начало, процесс, кризис или трансформация – причины, факторы, рекомендации.

Относительно публичных лекций, мне удалось прослушать лекцию о Николае Тесле, будучи в Душанбе во время процесса предзащиты своей докторской диссертации в самом здании Исмаилитского центра, где была уже трижды (когда директором его была Шарофат Мамадамбарова, потом на публичной лекции и во время фестиваля народных промыслов в декабре 2017 года, когда проходила 20-летняя юбилейная конференция ПАХЧ). Н. Исаева присылала лекции Е. Есенгараева и О. Сабдена в октябре 2019 года, а также лекции П. Д. Шозимова и Э. Дж. Шукурова в УЦА. Могу сказать, что это очень высокого уровня культурные мероприятия, где все участники представляют собой самые верхние слои научной интеллигенции, я от таких мероприятий получаю высшее удовольствие как от классической музыки, оперы или балета. Есть огромные плюсы от таких мероприятий, нужно такие лекции записывать и рассылать во все вузы, особенно сейчас, когда карантин нас вынуждает быть активными в режиме онлайн.

Магистерский курс ПАХЧ: начало, процесс, кризис или трансформация – причины, факторы, рекомендации.

Магистерский курс ПАХЧ под названием «Картина мира ЦА: история и современность» у нас еще не состоялся, хотя отдельные тексты, касающиеся литературы всех народов и художественной культуры у магистрантов трех основных образовательных программ (ООП):

531000 – Филология, 550300 – Филологическое образование и 531100 – Лингвистика у нас обязательно используются, причем в течение многих лет. ОшГУ в этом году исполняется 80 лет, а филологический факультет в его составе был всегда, с первых дней существования, причем это только одна из 32 структур ОшГУ – самого крупного в Кыргызстане и входящего в тройку крупнейших в Центральной Азии вузе есть эти программы, а еще 2 программы на бакалавриате и 1 в колледже. Основные тексты Платона, Аристотеля, Ленина, Бакунина, Галена, М. Горчакова, М. Булгакова, Дж.Руми, о юрте, чиде, архитектуре, скульптуре, музыке, живописи – мы на всех трех языках – кыргызском, русском и английском используем, с разных сторон рассматриваем, устраиваем дебаты, снимаем ролики, пишем и анализируем эссе.

Так, постаралась представить небольшой экскурс моего отношения и участия в активностях ПАХЧ, мое личностное отношение и видение, которые накопились за все годы совместного труда.

В заключение хочу сказать, что не люди выбирают судьбу, а судьба выбирает людей. Для меня стало откровением судьбы то, что моя первая неудачная защита докторской диссертации по публицистике кыргызского зарубежья в Бишкеке, как раз в дни кризиса ПАХЧ в марте 2013 года, стала знаком судьбы для успешной защиты диссертации в Диссовете РТСУ в Душанбе в конце апреля 2015 года. Наверное, мои 5 приездов в этот город науки оказали благоприятный исход на мою научную карьеру, и через 2 месяца ВАК РФ утвердил диплом доктора филологических наук, который ровно через год именно в этот день – 27 октября нострифицировал и ВАК КР. А в июне

2019 года я уже получила и ученое звание профессора по специальности “Литературоведение”.

Поистине Душанбе стал для меня городом счастья и успеха, у меня там много друзей и хороших знакомых. Я поняла, почему наш великий полубогемный предок Манас был счастлив в браке с дочерью бухарского хана Темурхана – Санира-бийгой, которую так и прозвали Каныкей, т.е. от видоизмененного “Хан никох”. Поистине братья по материнской линии, тайкешки и таженешки, помогли мне понять одну простую человеческую истину – надо идти и не бояться, жить и верить, и тогда все в жизни случится так, как хочет человек!

Абдурахим Джураев,
кандидат философских наук, доцент
Таджикского университета права, бизнеса и политики,
советник ректора по международным связям,
г. Худжанд

Человековедение – новое веяние на пути к повышению качества образования

Сегодня все чаще заходит речь о необходимости реорганизации системы образования для повышения качества обучения. Действительно, как ни прискорбно отмечать этот факт, что мы год за годом выпускаем специалистов, недостаточно отвечающих требованиям времени. Тысячи молодых людей мечутся в поисках работы, но большинству работодателей выгоднее нанять квалифицированно-го пенсионера, чем молодого неумеху.

Время не стоит на месте. Новые технологии предъявляют новые требования к работникам. Но могут ли наши молодые люди отвечать этим требованиям? И кто будет работать, когда уйдет «старая гвардия», плохо ли хорошо адаптировавшаяся и приспособившаяся к новым условиям?

Реформа образования необходима. Но надо помнить, что, по сути, это – реформа людских судеб, а значит мы не имеем права ошибаться или проводить долгие эксперименты. Мы должны найти тот путь, который действительно приведет к улучшению преподавания и повышению качества обучения.

Для этого, прежде всего, следовало бы определить: что есть качество обучения; как оценить его уровень.

Сегодня мы применяем критерии, которые позволяют дать относительную оценку. Безусловно, посещаемость занятий может дать хорошую характеристику популярности преподавателя, а, следовательно, в какой-то мере и качеству представляемых им знаний. Но каким способом можно определить, отвечают ли занятия того или иного преподавателя требованиям предмета и времени, руководствуясь количеством студентов, посещающих их?

Можно проверить записи студентов. Но этот процесс, довольно трудоемкий, требует обязательного присутствия квалифицированного специалиста по соответствующему предмету. Кроме того, необходимо учесть еще один момент. Мы сами были студентами. И можно сказать наверняка, что сегодня, вспоминая свои лекционные тетради, многие из нас придут в ужас (чего в них только не было). Но это не помешало им прекрасно закончить вузы и получить отличное образование.

Да, тетрадь скажет, насколько аккуратен студент. Но скажет ли она, насколько хорошо он знает предмет, может ли он мыслить?

Сложно выбрать правильную методику оценки. Но еще сложнее правильно выбрать методику ведения занятий, способную привлечь, заинтересовать студентов (ведь действительно хорошо может быть изучено лишь то, что действительно интересно).

Очень многое зависит от учителя, от его действий и решений. Но оценку истинную всегда дает студент. Только он может сказать: мне нравится предмет. Поэтому, не лучше ли было бы спросить самих студентов: чего они

хотят? Какими они видят занятия, и чего им не хватает на занятиях сегодня?

Я, моя коллега преподаватель нашего университета Н. Ю. Блиничкина, к.э.н., доцент провели небольшой опрос. Вот что думают студенты о том, какими должны быть занятия:

«Очень важен материал, который мы изучаем».

«И уважение, и внимание к мнению студента в процессе урока дает ему понять, что его мысль важна, и он на нее имеет право».

«У каждого предмета есть свой метод изучения, у учителя – тоже... Я думаю, метод изучения очень тесно связан с предметом, и каждый преподаватель должен найти самый правильный метод для своего предмета».

Емко, не правда ли? Но мы постоянно забываем эти простые истины. Занятия все больше приобретают формальный характер. Цель учителя – быстрее отчитать лекции, студента – быстрее уйти с занятий.

На этом фоне новые интерактивные методы преподавания вызывают искренний восторг у студентов. Хотелось бы отметить, что так работать можно и нужно.

В ТГУПБП по нашей инициативе и при поддержке ректора в экспериментальном порядке для ряда специальностей в качестве элективного (выборного) предмета был введен предмет «Человековедение». Этот предмет не ставит своей целью заставить студентов заучить прописные истины. Он направлен на то, чтобы студенты, не теряя связи с собственной национальной культурой и традициями, приобщались к сокровищнице мировых идей, учились понимать иные традиции и уважать чужую культуру. Но, прежде всего, этот предмет нацелен на то, чтобы научить людей мыслить, отбрасывая стереотипы,

разбить их скорлупу и показать, насколько многообразен мир и насколько он прекрасен и удивителен в своем многообразии.

«Человековедение» затрагивает самые разнообразные вопросы: от общечеловеческих до глубоко личностных. Отрывки из чудеснейших произведений самых разных авторов заставляют радоваться, грустить и сопереживать. Но, главное, они заставляют по-новому смотреть на жизнь, на мир и видеть то, чего бы и не заметили прежде.

Особый интерес вызывает оценка предмета, данная студентами:

«В этом семестре для меня открылся не только предмет «Человековедение», но и новый способ преподавания, взаимосвязи студента и преподавателя, а также взаимодействия студентов между собой».

««Человековедение» помогает нам изучить себя, понять смысл отношений людей друг с другом».

«...Этот предмет очень многому научил нас за короткое время...».

«Нам никогда не скучно по той простой причине, что нам всегда интересно».

«Мы обнаружили множество интересных вопросов, которыми раньше не интересовались».

После таких высказываний можно сказать только одно: эксперимент удался. Однако в чем причина успеха? Почему студентам нравится то, что они получают в ходе изучения?

«Предмет дает нам больше возможностей, чтобы ориентироваться в обществе, найти себя, определить свою позицию».

Любой предмет должен быть нацелен именно на то, чтобы помочь человеку найти свое место в этом мире,

научить его жить и работать. Конечно, учеба и практика разные вещи. Но, все же, забывая о практической реализации, невозможно добиться эффективности предмета.

В вопросе обучения студентов сегодня возникает еще одна далеко не самая привлекательная сторона. Наши студенты перестают мыслить самостоятельно. А ведь корнем таджикского слова «донишчу» является «ищущий», «требующий». Значит студенты, прежде всего, должны искать и требовать новых знаний. «Человековедение», имея своей задачей развитие критического мышления, указало им, как это делать.

«Преподаватель нам дает ниточку, чтобы мы сами нашли основную цель и суть темы». «...Подталкивает к независимым исследованиям и идеям».

То есть делает то, что должен делать любой педагог: вести ищущих знаний и помогать им найти искомое.

«...Активное обучение помогает нам прийти к собственному критическому и глубокому пониманию основных фактов».

«Учитывается мнение всех студентов».

«Учитель заставляет учеников быть самостоятельными, дает возможность высказывать свое мнение».

Студенты сами ощутили необходимость мыслить!

«Мы тренируем наше сознание, воображение и умения... мы учимся понимать своих соратников и приходить к единому мнению, находить компромиссы». «Наш предмет изучается в других странах и вузах, это создает нам площадку для обмена мнениями», – говорят студенты.

И это действительно важно. Если мы не можем понять и принять наших соседей, то мы не сможем и сотрудничать с ними. Однако эпоха интеграции и глобализации

предъявляет свои собственные требования к государству и обществу. Мы уже просто не можем жить в изоляции, а, значит, найти точки соприкосновения – наш долг. То, что студенты осознают этот факт сегодня, вселяет надежду.

То, что сегодня «Человековедение» дает студентам, направит их, поможет найти себя. «Я думаю, что изучение этого предмета изменит наше развитие, культуру», – отмечает один из студентов.

«Нам становится интересно, потому что мы жаждем знаний, хотим узнать больше».

«Хотелось бы, чтобы и другие предметы, в основном психология и философия, велись бы также, как проводится Человековедение», – вот та оценка, к которой стремится каждый преподаватель. Значит, есть в методике преподавания «Человековедения» что-то, что нам следовало бы взять на вооружение. Читая отзывы студентов, анализируя, Н. Ю. Блиничкина, отметила: «Я поняла, какие ошибки допускала в процессе ведения занятий и что я могла бы сделать, чтобы мои занятия были интереснее и, главное, полезнее для студентов».

Мы начали реформу образования. Но хорошо ли мы понимаем, что именно мы хотим изменить, и как эти перемены отразятся на будущем поколении?

Наш многолетний опыт (а это достаточно большой промежуток времени – с 1999 года по сегодняшний день) преподавания Человековедения в Худжандском государственном университете им. Б. Гафурова, затем в Таджикском государственном университете права, бизнеса и политики (а это более 4100 студентов) и проведение мною как регионального тренера семинаров по повышению квалификации преподавателей, вместе с казахскими, киргизскими и таджикскими коллегами в университетах

Казахстана, Киргизстана, Таджикистана (около 40 семинаров для более, чем 800 преподавателей) говорит об уникальности этой программы и ее неисчерпанных возможностях по адекватному приобщению молодого поколения к гуманитарным знаниям и исполнению ее человекотворческой миссии. Об этом говорит бесчисленное множество позитивных отзывов студентов и преподавателей о содержании и методике преподавания всех курсов Человековедения. К месту сказать, одна из моих студенток, участница семинаров по Человековедению, Урунова Хамидахон после окончания университета под моим научным руководством подготовила диссертацию на тему: «Развитие критического мышления в процессе преподавания Человековедения» и стала кандидатом педагогических наук.

А это я считаю большим успехом. В чем же секрет такого успеха?

Во-первых, следует отметить, что процесс формирования Человековедения как междисциплинарной дисциплины, по существу, это сближение педагогики к реальной жизни. Инновационный подход к подготовке материалов отражался в том, что процесс подготовки и совершенствования происходил не в кабинете ученого, а в результате сотрудничества ученого, преподавателя и студента. В этом процессе идеи внедрялись в педагогическую практику, либо становились частью педагогического материала или игнорировались из-за того, что они не работали для достижения педагогической цели. В то же время апробировались педагогические приемы и методы представления материала, они проверялись на эффективность. Другими словами, работа выполнялась на базе трех измерений: идея, педагогика и оценка (Р. Кешавджи).

Во-вторых, проект поставил перед собой цель разработать междисциплинарную учебную программу с учетом потребностей современного мира и использованием достижений гуманитарных знаний Востока и Запада. Это использование их работ с учетом культурного и образовательного контекста Центральной Азии. Если обратите внимание на географию авторов и разработчиков программы, вы увидите эту особенность, основной костяк разработчиков составляла все-таки группа местных интеллектуалов, преподавателей, непосредственно занимающихся обучением в местных учебных заведениях.

В-третьих, проект не только подготовил учебники, но и подготовил педагогов-новаторов посредством эффективного обучения гуманитарным наукам.

В-четвертых, в проект внедрены инновационные технологии обучения – новые методы и приемы.

В-пятых, программа Человековедения не ограничена рамками каких-то идеологий, специальных учений, религиозных конфессий. Ее цель изучение природы человека, приобщение студентов к общечеловеческим ценностям, возрождение национальных традиций, знакомство и критический анализ образцов мировой литературы, привитие в студентах высоких нравственных идей и ценностей, понимание сути гражданского общества.

Все преподаватели и студенты, приобщившиеся к содержанию данной программы, благодаря знаниям и навыкам, полученным по инновационному предмету Человековедение, получили возможность продолжить образование за рубежом и работать в престижных отечественных и международных организациях, повысить престиж наших университетов не только в Таджикистане, но и за рубежом.

Не будем говорить о других достоинствах программы, нам необходимо говорить о том, в каком состоянии находится Человечество сегодня, в плане стратегии главного Офиса ПАХЧ по совершенствованию этой программы, по проблемам сотрудничества с университетами – партнерами и целенаправленной работы по ее внедрению в учебный процесс. Во всяком случае, в течение многих лет, почти непрерывно, я продолжаю вести этот курс в 3-4 –х таджикских и английских группах, как курс по выбору с разрешения ученого Совета ТГУПБП.

Хочу сказать об одной проблеме, которая может быть типичной для многих университетов. Сегодня количество русских групп становится все меньше и меньше. Даже если это русские группы, знание русского языка оставляет желать лучшего. Я, как один из разработчиков программы, помню, что этот вопрос всегда ставился – о переводе программы на национальные языки, но он не решался.

Поэтому нам необходимо работать над тремя вопросами:

1. Разработать стратегию совершенствования программы с включением задачи по развитию технического мышления и цифровизации в рамках этой программы.

2. Работать в направлении внедрения Человечества в учебные процессы университетов – партнеров.

3. Ставить вопрос о переводе программы на национальные языки.

Таким образом, мы продлим жизнь этой уникальной программы и увеличим количество молодого поколения, которое получит несомненную пользу от приобщения к ней.

Нуржауар Исаева,
кандидат биологических наук, профессор,
Координатор FDP-АКНР в Казахстане,
Университет Центральной Азии
г. Алматы

Контенты интерактивной этнографической научной карты Проекта Ага Хана “Человековедение” Университета Центральной Азии

Интерактивная этнографическая научная карта ПАХЧ является цифровой базой данных по тематическим направлениям магистерского курса ПАХЧ трех стран (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан), на базе которых будут выстраиваться исследовательские материалы магистрантов, педагогов по различным направлениям взаимоотношений стран Центральной Азии. Карта является интерактивной и имеет потенциал для дополнения, изменения и совершенствования по необходимости.

Для разработки контентной части данной карты были привлечены ученые, педагоги, специалисты из университетов, научно-исследовательских институтов трех стран в период с 2018 года по настоящее время.

Но прежде следовало провести картографические работы в создании данной карты, со всей скрупулёзностью и точностью картографических данных с лицензированными программами. АО «Институт географии и водной безопасности» – единственное учреждение в Центральной Азии, обладающее лицензированными программами в этом направлении, и потому нашли

возможности и заинтересованности для привлечения в эту работу их сотрудников. Среди них – Медеу Ахметкал Рахметоллаевич, Академик НАН РК, Председатель правления АО «Институт географии и водной безопасности»; Оразбекова Куралай Сатыбалдиновна, старший научный сотрудник лаборатории географии туризма и рекреации, Доктор PhD; Егембердиева Камшат Баратовна, руководитель лаборатории географии туризма и рекреации, кандидат географических наук.

Основной целью данной работы было: создание цифровой основы масштаба 1:5 000 000 на основе ГИС-технологий с единой базой данных исторических карт в разрезе стран Центральной Азии (ЦА): (Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Республика Таджикистан) и составление этнографической карты стран Центральной Азии (из отчета АО «Институт географии и водной безопасности» по проекту «Интерактивная этнографическая карта Центральной Азии» на основе договора с Университетом Центральной Азии от 30 сентября 2019 года). Для выполнения данных работ применены методы обработки картографической информации, типологический, сравнительный анализы, ГИС-технологии для обработки исходной и создания цифровой информации. В результате чего получены следующие результаты:

- сформирована база геоданных для создания цифровой основы Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Таджикистан;

- разработана структура, дизайн, форматы ввода и вывода геоданных по цифровой основе Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Таджикистан;

– разработана компоновка и дизайн цифровой основы масштабов 1:5 000 000 Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Таджикистан;

– составлена этнографическая карта стран Центральной Азии.

«Цифровая картографическая основа стран Центральной Азии – Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Таджикистан, разработана как важнейшее звено географической информационной системы, в содержании которой отображены современные знания и информация о географических объектах и исторических данных. Внутреннее единство векторной основы обеспечит унифицированную картографическую проекцию, согласованные масштабы, оптимизацию соотношения карт разного типа». Цифровая основа создана в географических информационных системах на основе применения лицензионных программных продуктов ESRI: ArcGIS 10, для которой сформирована информационная база по природным, административно-территориальным объектам, историческим данным. Этнографические тематические карты созданы с учетом многих нюансов подготовки карт с точки зрения географической науки. ГИС-технологии все больше закрепляются в исторической науке как полноценная технология исторического исследования.

База геоданных (БГД) в ArcGIS позволяет также задавать наборы топологических правил, которые определяют пространственные отношения между объектами. Топология базы геоданных помогает обеспечивать пространственную целостность данных и позволяет моделировать объекты и их пространственные отношения более точно.

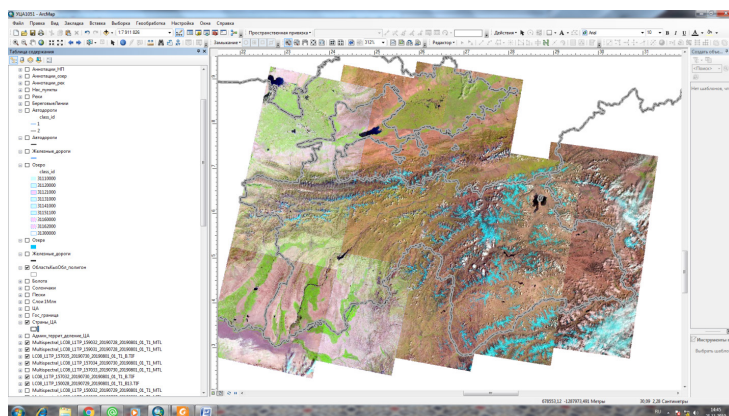
Редактирование объектов ГИС

- Создание полигональных, линейных и точечных пространственных объектов
- Редактирование пространственных объектов
- Создание и редактирование аннотаций
- Редактирование объектов с использованием топологии карт
- Применение топологии базы геоданных для устранения ошибок в данных

Построение базы геоданных

- Организация данных в ArcCatalog
- Импорт данных в базу геоданных
- Создание подтипов и атрибутивных доменов
- Создание отношений между объектами
- Построение геометрической сети
- Создание аннотаций
- Создание слоев данных в базе геоданных
- Создание топологии
- Загрузка данных покрытия в топологию базы геоданных

Использование инструментов ГИС при создании баз геоданных

Скриншот использования космических снимков Landsat-8 (на примере территории Республики Таджикистан)

При создании топографических основ опирались на методику геоинформационного картографирования, международный и отечественный опыт комплексного картографирования. Основу компьютерного обеспечения составил лицензионный программный продукт ArcGIS 10.6.1, предназначенный для создания и обработки картографических материалов.

Создание единой базы исторических данных Республики Казахстан, Республики Кыргызстан и Республики Таджикистан дает возможность объединить и систематизировать разрозненные информации в единую справочную и аналитическую систему, интегрировать готовый продукт с другими историческими и геоинформационными проектами, облегчить статистическую обработку данных.

База геоданных населенных пунктов для Республики Казахстан создана на основе материалов, которые ведет Агентство Республики Казахстан по статистике. Аннотации к населенным пунктам и их актуализация осуществлялась согласно Каталогу Государственных названий Республики Казахстан 2012-2016 гг., по обновленному Электронному каталогу географических названий Республики Казахстан на 2018 г., предоставленные Картографо-геодезическим фондом, по политико-административной карте Республики Таджикистан м-ба 1:1 800 000 (2019 г.), по политико-административной карте Кыргызской Республики м-ба 1:550 000 (изд-во «Госкартография», 2007 г.), а также по данным Википедии.

Этнографическая цифровая карта состоит из двух больших частей: географической основы и фактографического содержания. При создании исторических карт были задействованы разнообразные по происхождению

и носителям источники (картографические, текстовые, материалы дистанционного зондирования) и создана нужная для указанных целей географическая основа, которая была не только подготовлена, но и верифицирована на основе имеющихся источниковых баз.

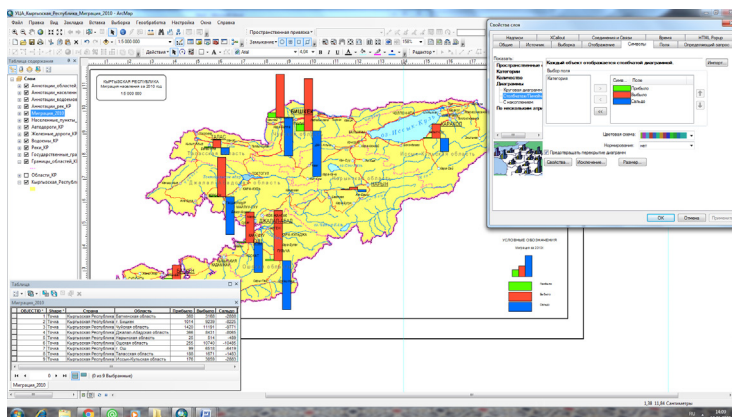
Специфика электронной картографии и геоинформационных систем этническо-миграционной направленности состоит в том, что их содержание отражает не только определенную ситуацию в картируемом регионе, но и её развитие на протяжении некоторого промежутка времени. Таким образом, графическая часть этнографической карты обобщенно состоит из общей векторной основы и фактографических данных.

Для отображения национального состава рассматриваемых стран в программе ArcGIS 10.6.1 в атрибутивную таблицу «Национальный состав» было введено процентное соотношение народностей, населяющих ту или иную страну. В слое «Национальный состав», нажимая правую кнопку, через свойства слоя выбрана в «Символах» «Круговая диаграмма». Далее для каждой нации/национальности выбрана цветовая гамма.

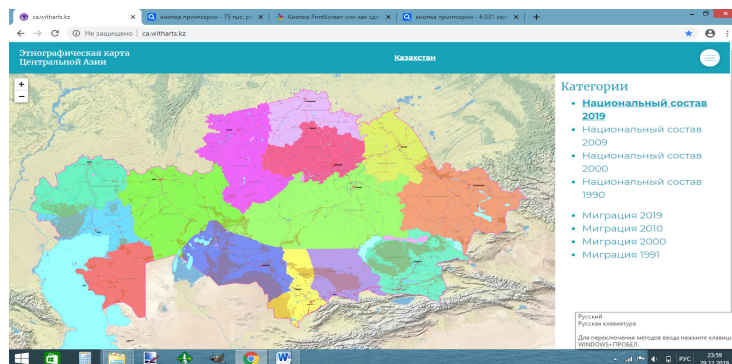
Аналогично и для слоя «Миграция населения» по Республике Казахстан, Кыргызской Республике и Республике Таджикистан были построены столбчатые диаграммы, показывающие прибытие и выбытие населения внутри каждой области, а также сальдо миграций населения.

Карты «Национальный состав» и «Миграция населения» Республики Казахстан составлены на основе статистических данных Комитета по статистике Республики Казахстан Министерства национальной экономики за 1990, 2000, 2009 и 2019 годы.

Скриншот карты «Кыргызская Республика. Миграция населения за 2010 год»

Скриншот отображения этнографической карты Центральной Азии (на примере Республики Казахстан)

Главная страница Интерактивной карты представляет общую информацию о Проекте «Этнографическая научная карта Центральной Азии»; общую информацию об активностях Школ Университета Центральной Азии, в том числе и о Школе развития (магистратура), к которой относится Проект Ага Хана «Человековедение»; о целях

Проекта; материалы «Проект в лицах», которые включают данные членов всех исследовательских групп из трех стран – группа специалистов по цифровой точности этнографической карты страны, группа специалистов по контентно-содержательным этнографическим материалам страны.

В настоящее время карта включает данные по трем странам: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан по следующим разделам:

- *Обзор* – здесь размещены материалы по каждой из стран в отдельности: общие информационно-статистические данные, история, демография;

- *Гимн* – аудиовоспроизведение гимна каждой из стран;

- *Национальный состав* – на карте отображается национальный состав по регионам стран и по четырем периодам с 1990 по 2019 гг. (графический, в процентном и количественном соотношении);

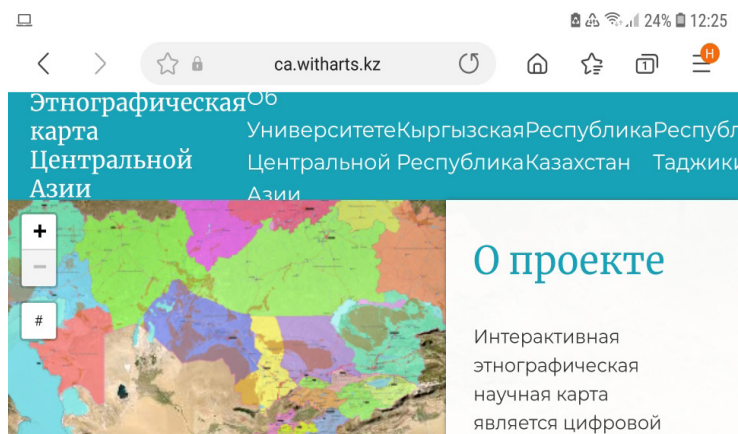
- *Миграция* – на карте отображается число прибывших людей, выбывших и сальдо по регионам страны и по четырем периодам с 1990 по 2019 гг. (графически и количественное соотношение);

- *Экономические показатели* – на карте отображается объем продукции (товаров, услуг) в действующих ценах в разрезе регионов стран по периодам с 1990 по 2019 гг. (графически и количественное соотношение; Данные – это статистические данные объемов продукции по регионам стран в отдельности, по отраслям промышленности, по годам; Структура ВВП (2010-2019 гг.); Основные социально-экономические показатели (1991-2019 гг.); Демография и рынок труда на 2020 год по регионам; Экономическая модель развития стран (на декабрь 2020);

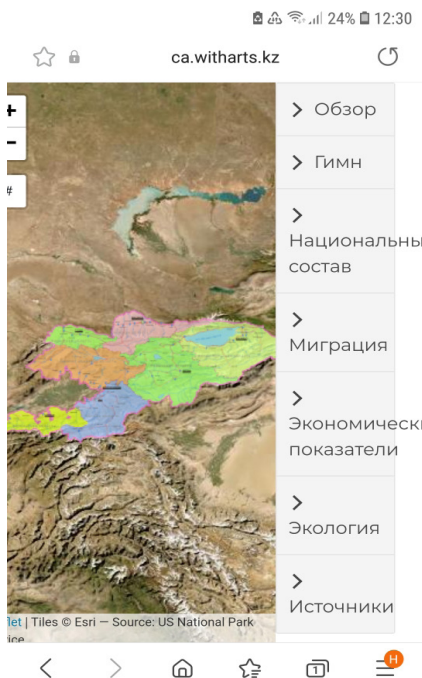
Динамики ВВП (2010-2018гг.); Индекс производительности труда в целом по экономике по годам (2002-2019 гг.).

– *Экология* – на карте (на примере Казахстана) отображается (графически и количественные показатели): Загрязнение воздуха (объемы выбросов загрязняющих атмосферу веществ от стационарных источников по регионам и по годам 1995-2020 гг.); Распределение основных лесообразующих пород государственного фонда (площади произрастания хвойных, твердолиственных, мягколиственных, саксаулов по регионам и по годам 2003-2010 гг.); Лесовосстановление по территории (площадь по регионам и по годам 2001-20018 гг.); Водные ресурсы (объемы забора воды из природных источников, объемы потери воды при транспортировке по территории по регионам и по годам 1990-2017 гг.); Пастбища (площадь пастбищ по регионам и по годам 2010-2020 гг.).

– *Источники* – ссылки использованных источников, использованной литературы

Скриншот отображения этнографической карты Центральной Азии, главная страница

Скриншот отображения Интерактивной карты
Центральной Азии, разделы карты

Список использованных источников

1. Отчет АО «Институт географии и водной безопасности» по проекту «Интерактивная этнографическая карта Центральной Азии». – 2019. – С. 2-31.
2. Гришин Е.С. Фонд историко-картографических материалов как средство унификации исторических ГИС и цифровой картографии // Историческая информатика. – 2019. – № 1. – С. 133 – 142.
3. Демографическая статистика. Регионы. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/6>. (Дата обращения 5.12. 2019).
4. Этнографическая карта Центральной Азии. [Электронный ресурс]. URL: ca.witharts.kz. (Дата обращения 10.12. 2021).

Турсункул Базарбаева,
кандидат географических наук, доцент,
заведующая кафедрой ЮНЕСКО
по устойчивому развитию Казахского
Национального Университета имени аль-Фараби,
г. Алматы

Планируемые практики использования возможностей интерактивной научной этнокарты ПАХЧ в работе кафедры ЮНЕСКО по устойчивому развитию КазНУ имени аль-Фараби

Кафедра ЮНЕСКО по устойчивому развитию является уникальной международной кафедрой на пространстве СНГ. Ее главная цель – подготовка специалистов в области устойчивого инновационного развития, обладающих профессиональными компетенциями на уровне международных стандартов. Кафедра является уникальной по своему профессорско-преподавательскому составу. В ней сосредоточены специалисты различных направлений, в частности, доктора и кандидаты географических, биологических, технических и химических наук, деятельность которых направлена на решение практических задач в области охраны окружающей среды и сохранения геосистем, а также реализация программ в рамках ЦУР – образование для устойчивого развития и др. [1-2]. Кафедра ЮНЕСКО по устойчивому развитию продвигает интегрированную систему исследований, обучения, информации и документации по экологии и устойчивому развитию. Кафедра выпускает и готовит

высококвалифицированных специалистов в области экологии, безопасности жизнедеятельности и устойчивого развития, имеющих фундаментальную подготовку по основам охраны окружающей среды, владеющих современными методами исследования, моделирования и прогнозирования экологических процессов и способных решать сложные экологические проблемы.

В целом, на кафедре ЮНЕСКО по устойчивому развитию ведется подготовка специалистов по направлению: окружающая среда, включающая группу образовательных программ по окружающей среде (уровни бакалавра, магистра и доктора философии):

- 6B05202 – Экология
- 6B05201 – Геоэкология
- 7M05211 – Экология
- 7M05212 – Экология (с Китаем)
- 7M05213 – Экология и природопользование (с Белгу двойной диплом)
- 7M05216 – Экологическое почвоведение
- 7m05209 – Геоэкология и управление природопользованием
- 8D05207 – Экология
- 8D05205 – Геоэкология и управление природопользованием.

По направлению подготовки: Гигиена и охрана труда на производстве.

Группа образовательных программ. Санитарно-профилактические мероприятия.

- 6B11201 – Безопасность жизнедеятельности и защита окружающей среды
- 6B11202 – Экологический инжиниринг(новая)
- «7M11201 – Безопасность жизнедеятельности и защита окружающей среды

– «7М11202 – Комплексный менеджмент и аудит безопасности в промышленности»

– «7М11203 – Техносферная безопасность».

Также имеются и международные образовательные программы: Университет Шанхайской организации сотрудничества (РУДН, БелГНИУ, ЮУрГУ, АлГУ (Россия), Серево-восточный педагогический университет (Китай)); магистратура по устойчивому развитию (MDP) совместно с Колумбийским университетом, интегрированное управление водными ресурсами в рамках проекта Темпус.

Более подробно остановимся на образовательной программе 7М05209 – Геоэкология и управление природопользованием. Необходимость в подготовке специалистов-геоэкологов на основе углубленной теоретической и педагогической подготовки, обладающих системным пониманием, знающих геоэкологические принципы проектирования, обеспечивающих целостное восприятие научной картины мира, владеющих навыками разработки методов для анализа альтернативных проектов с учетом экологических, экономических и социальных оценок возможных изменений окружающей среды и последствий от негативного воздействия опасных природных явлений, не вызывает сомнений. Такая подготовка ведется на факультете географии и природопользования КазНУ им. аль-Фараби на кафедре ЮНЕСКО по устойчивому развитию с 2011-2012 учебного года. Срок обучения в магистратуре 2 года, профиль – научно-педагогический. Освоение образовательной программы 7М05209 – «Геоэкология и управление природопользованием» позволит осуществлять научные исследования в сфере оказания услуг по направлениям: выявление состава, структуры, закономерностей функционирования и эволюции естественных

и антропогенно-преобразованных геоэкосистем высокого уровня организации; воспроизводство окружающей человека среды, включающее комплекс мероприятий и их научное обеспечение по возобновлению природных ресурсов, поддержание параметров среды жизни в пределах благоприятных для существования человека и его социально-экономического развития и т.п.

Магистратура, являясь наукоемким образовательным институтом, требует интеграции учебного процесса с фундаментальными научными исследованиями [1].

Исходя из вышеизложенного, при подготовке специалистов кафедра руководствуется самыми разнообразными инновационными методами и инструментами, одним из которых является разработанная Университетом Центральной Азии **Интерактивная этнографическая научная карта ПАХЧ**. Это карта начата в применении именно в образовательной программе 7M05209 – «Геоэкология и управление природопользованием». Так как для усиления качества подготовки в условиях пандемии эта карта стала для магистрантов и преподавателей нашей кафедры очень полезным и своевременным инновационным инструментом, помогающим раскрыть и расширить преподаваемый материал.

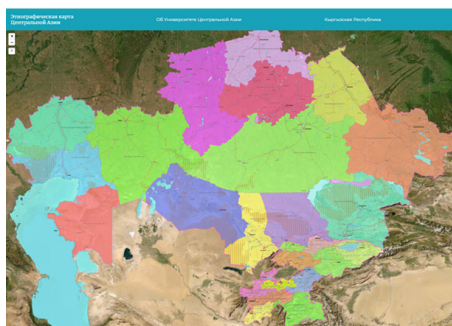
Интерактивная этнографическая научная карта является цифровой базой в изучении дисциплин по следующим разделам:

- Национальный состав
- Миграция
- Экономические показатели
- Экология.

Ниже приведем примеры-скрины использования данной карты магистрантами в различных дисциплинах.

1) Дисциплина: «Межгосударственные проблемы водопользования в Центральной Азии». Раздел Экология. Карта широко используется при изучении нижеследующих вопросов, позволяет сделать сравнительный анализ водных ресурсов трех стран, и в зависимости от поставленной цели данные карты интерпретируются магистрантами для решения более серьезных задач магистерской диссертации:

– Водные ресурсы стран ЦА (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан);

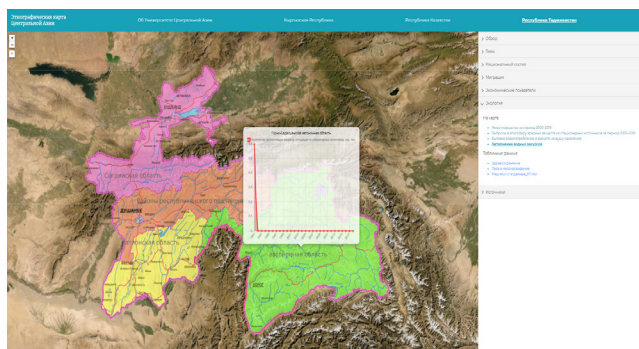

Г10	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	
1	Водные ресурсы														
2	Общие показатели водных ресурсов Кыргызстана *														
3	Объем водозбора (в км³)	380	(-70% к 2000 году объем водозбора уменьшился примерно на 15%)												
4	количество озер	1523													
5	Запасы воды в озерах (в км³)	1745													
6	Запасы воды в озерах Иссык-Куль (в км³)	3725	98,2 % от объема всех озер												
7	Суммарный водосток (средний год)	47,8	млн 10310 т												
8	Потребительские водохранилища	33													
9															
10	* Третье национальное сообщение Кыргызской Республики по Трансграничным водам ООН об изменении климата. – С. 10000 «Эко. Эконом. 2016. – 274 с.														
11															
12															
13															
14															
15															
16	Запасы воды на природных водных источниках по территории (млн, куб. метры)														
17		1996	2000	2005	2009	2010	2011	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	
18	Кыргызская Республика	11122	9508	8024	10590	8665	7553	7951	2888	8007	+ в млн * 10000 ** 10000				
19	Баткенская область*	683	709	905	825	635	625	621		888	998	977			
20	Чуйская область	1438	1255	792	1290	711	625	700	577	644		845	863	892	
21	Нарынская область	188	1135	645	821	763	688	584	574	530		453	818	1013	
22	Талаская область	665	665	784	728	676	691	645	524	620		678	668	903	
23	Ошская область	2738	2576	783	1289	1522	1402	1302	1489	1365		1170	1162	1263	
24	Талаская область	398	799	812	153	674	697	567	385	467		1103	1018	1281	
25	Чуйская область	3553	2680	3469	3771	3078	2791	3038	3026	3253		1411	1303	1406	
26	г. Бишкек	168	198	149	130	119	116	117	117	117		121	143	119	
27	г. Ош											81,7	62,9	82,2	
28	* Баткенская область в 1995г. вошла в состав Ошской области.														

Водные ресурсы КР

– Трансграничные реки (Аму-Дарья и Сыр-Дарья);
 – Загрязнение поверхностных вод трансграничных рек ЦА;

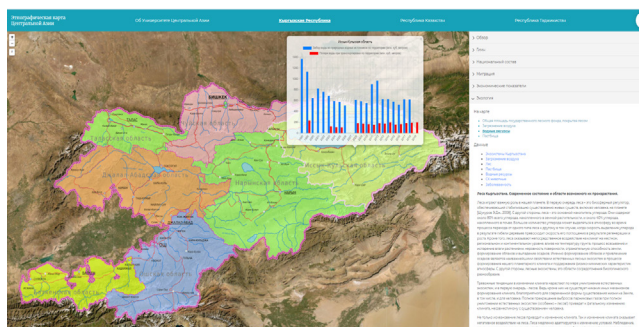

Горно-Бадахшанская автономная область, загрязнение рек

- Забор воды из природных водных источников;
- Водопотребление (особенность ведения сельского хозяйства в Центральной Азии).

В условиях климатических изменений, нехватки воды в Центральной Азии обостряются проблемы водопотребления, также качество воды вопрос один из наиболее актуальных. Интерактивная карта позволяет построить графики, диаграммы и попытаться посмотреть на ситуацию в динамике.

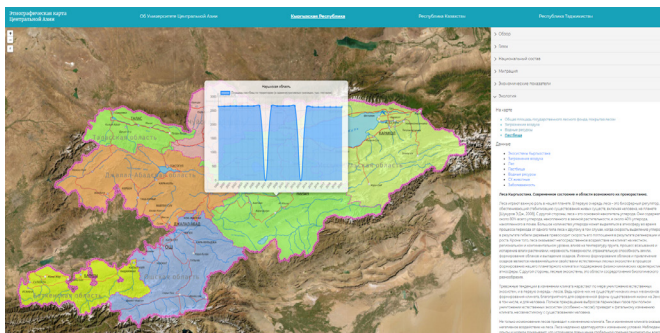

Иссык-Кульская область, забор воды

2) Дисциплина: «**Мониторинг земель с применением ГИС технологий**».

Раздел «Экология». Рассматриваемые вопросы:

- Современное состояние пастбищ стран ЦА
- Деградация пастбищных экосистем.

Нарынская область, пастбища

Состояние и деградацию пастбищных экосистем очень удобно рассматривать в сравнении и взаимосвязи, такой подход подталкивает магистрантов на более глубокие изыскания и попытки построения прогнозных сценариев. Достоинства и полезность данной интерактивной карты оценила не только кафедра ЮНЕСКО по устойчивому развитию но и ППС, магистранты кафедры географии, землеустройства и кадастра нашего факультета географии и природопользования.

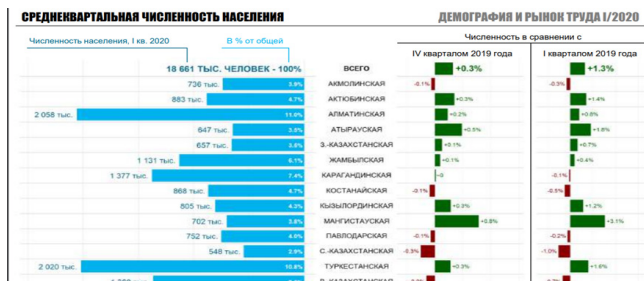
Дисциплина: «География населения с основами демографии».

Раздел «Миграция»:

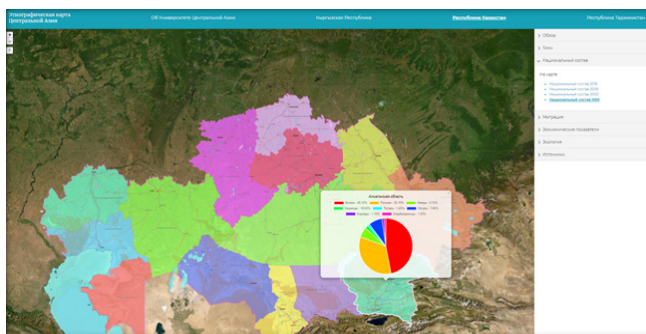
- Естественное движение населения (смертность и рождаемость)
- Механическое движение населения (въезд и выезд)

– Сальдо миграции (прибывшие и убывшие).

Молодежь всегда интересуют вопросы миграции за рубеж, тем более этот процесс актуализировался в последние годы.

Раздел «Национальный состав»

Магистранты с большим интересом применяют все данные, заложенные в интерактивной карте, видят перспективу ее использования в своих магистерских работах. Карта является отправной точкой, которая служит им для прогнозирования, сравнения, более глубокого изучения причин экологических проблем антропогенного характера. Данная карта стала своевременным современным инструментом

пандемийного периода, магистранты с удовольствием используют ее в своих работах. Тематика магистерских диссертаций разнообразна, охватывает практически все аспекты геоэкологии и природопользования, например, геоэкологическая оценка процессов опустынивания степной зоны Казахстана; геоэкологическое проектирование оросительных систем в Алматинской области; экологические методы восстановления территорий, измененных за счет антропогенных факторов; геоэкологические аспекты в проектах ликвидации горнорудных предприятий. Работа с интерактивной этнокартой позволяет магистрантам овладевать навыками самостоятельного творческого мышления, новыми знаниями и разработкой методов для анализа альтернативных проектов с учетом экологических, экономических и социальных оценок возможных изменений окружающей среды и последствий от негативного воздействия опасных природных и антропогенных явлений.

Список использованных источников

1. Торегожина Ж.Р., Мажренова Н.Р., Минжанова Г.М. Междисциплинарная подготовка специалистов – экологов в КазНУ им. Аль-Фараби/ Алматы, Қазақ университеті, 2004
2. Шалгимбаев С.Т. Тенденции развития экологического образования на современном этапе/ Под редакцией А.Г. Сармурзиной – Алматы, Қазақ университеті, 2005 – 234 стр.

Глава II

ТРАДИЦИИ И ИЗМЕНЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
(КРОСС-ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД)

Лариса Додхудоева,
доктор исторических наук, профессор,
Заведующая отделом этнографии Института истории,
археологии этнографии им. А. Дониша
Национальной академии наук Таджикистана,
г. Душанбе

История и конструирование национальных традиций: на примере Таджикистана

Настоящий доклад построен на конкретных материалах, архивных фотодокументах и произведениях современного искусства Таджикистана, которые позволяют сделать рассматриваемую проблему более видимой и наглядной.

Национальные традиции в эпоху перемен подвергаются органичной переработке в процессе формирования культурного синтеза. В новой ситуации возникает распад сложившейся системы, происходит смена идеологических воззрений и наслаивание на сохраняющееся старое нового, пришедшего на смену прежде господствующим и традиционным понятиям и вкусам. Ретроспекция данного процесса позволяет изучить эволюцию различных инноваций, которая происходила не только путем их полной замены, но постепенного включения набора старых символов, феноменов, отдельных характеристик в новую политическую и смысловую среду.

В Новой и Новейшей истории Таджикистана временем изобретения новых традиций стали, на наш взгляд, три периода:

1. конец XIX в. – начало XX в. – эпоха просвещения и модернизма, связанного с мусульманским реформизмом и оксидентализмом;

2. 30-е гг. – 80-е гг. XX в. – советский период;

3. 1991г. – по настоящее время – эра политического суверенитета Республики Таджикистан.

В такие периоды этнокультура таджиков была вовлечена в разнообразные мощные кросс-культурные процессы, находилась в системе пропаганды ценностей чужих цивилизаций, что и провоцировало создание новых традиций.

Новые традиции в эпоху перемен, как правило, изобретались, формировались посредством однотипных практик: экспорта в страну новых технологий и образцов, путем копирования нормативов и обучения приезжими мастерами местного населения или же получения им образования в центрах за рубежом.

Исторические подвижки происходили в силу разных причин, но в основном по единой модели, которую отметил В.М. Василенко. Как правило, сначала менялась уже устаревшая малоподвижная основа, которая веками служила почвой для традиционной этнокультуры. Постепенно исчезал быт, ее создавший, менялись представления, отраженные в ней. Техногенный уровень новой жизни каждый раз определял функциональную ненужность многих объектов и традиций в производстве, общественной и домашней жизни, других сферах. С потерей обрядового назначения отдельные объекты утрачивали свою эстетическую ценность, наблюдалось стремление к

развитию новых видов и средств, сильно подверженных воздействиям моды¹.

Однако весь этот процесс тесно взаимосвязан с принципом преемственности, сохранением и развитием национальной культуры, ее ценностей в условиях модернизации и унификации уклада и стиля социума. Одновременно происходит процесс трансформации менталитета, и изначально традиционное мышление с течением исторического времени претерпевало значительные социокультурные и духовно-этнические метаморфозы, что отражалось в модели развития национальной культуры, специфике ее художественных форм, самого «образа» таджикской культуры.

Согласно утверждению З.Г. Минца, символы этнокультуры, а также те или иные их значения в перспективе дальнейшей истории оказываются, как правило, лишь переведёнными из разряда ее актуальных компонентов в разряд «потенциальных»². Мы склонны считать, что подобные процессы происходили и в культуре таджиков. Более того в отдельные периоды в процессе поиска средств стабилизации актуализировалось и становилось востребованным совершенно противоположное направление – так называемая рекультурация, т.е. возобновление традиций, но уже в более современных формах, что будет рассмотрено на конкретных примерах.

Особенностью первого указанного выше периода конструкции новых традиций в эпоху просвещения и

---

¹ Василенко В.М. Народное искусство. //Избранные труды о народном творчестве X-XXвв. – Москва., 1974.- С. 23.

² Минц З.Г. Несколько дополнительных замечаний к проблеме: «Символ в культуре» // Актуальные проблемы семиотики культуры.- Тарту, 1987. -С. 96.

модернизма в конце XIX – начале XX вв. отдельные исследователи считают трансформацию культуры ислама, которая, как традиция прошлого, перестала быть творческой силой с наступлением в конце XVIII в. колониализма и двух сопутствующих ему явлений: европеизации и модернизации³.

Запад, включая Россию, для просвещенной интеллигенции Центральной Азии с конца XIX в. выступал как культурный, идеологический и социополитический феномен, некий ориентир в реализации своей деятельности. В силу этих причин возник оксидентализм, который представлял собой изучение западной цивилизации как наиболее эффективной и успешной в истории человечества через призму ее ценностей, принципов и подходов.

Оксидентализм в культуре ислама значительно укрепил транскультурный процесс между Востоком и Западом, положил начало формированию новой эстетики. К этому можно добавить ряд положительных моментов встречи восточных культур с Западом: конструирование собственной национальной идентичности и обретение дистанции для оценки собственной традиции, начало ее изучения, исследования⁴.

Что же касается интереса Запада к Востоку, породивший имперскую колониальную экспансию в геополитическом плане и стиль идеологизированного мышления в виде ориентализма в культуре, то он вызвал к жизни

---

³ Раббат Н. Что такое исламская архитектура? // Архитектура в исламском искусстве. Сокровища Ага-хана. Каталог выставки. – СПб: Государственный Эрмитаж, 2011. – С.19.

⁴ Лысенко В. Ориентализм и проблема чужого: ксенологический подход // Ориентализм / Оксидентализм: языки культур и языки их описания. Редактор-составитель Е.Штейнер.- Москва, 2012.-С.39.

особую форму его интеллектуального доминирования и осуществления власти над ним. Европейское сообщество выстраивало свое представление о Востоке в соответствии с собственными представлениями, в согласии с теми конструктами и опытом, которые оно само сформировало. С одной стороны, Восток ему представлялся экзотическим, диковинным, с другой – варварским, развратным, неподвижным, статичным и фанатичным. Установилась определенная точка зрения, свидетельствующая о том, что европейцы являются познающими субъектами, в то время как неевропейцы – молчаливыми объектами. Они пассивны, неавтономны и несuverенны⁵.

Какими бы отрицательными характеристиками не награждали «вестернизацию» исламской культуры сторонники критической концепции оксидентализма, следует отметить, что эффективность экономического развития, парламентской демократии, культурный либерализм, идея свободы и прав человека, особый тип городского развития Запада были весьма привлекательны для просветителей и модернистов Центральной Азии. Возрождение исламских стран представлялось им в виде транскультурализма, т.е. выхода за пределы своей собственной традиционной культуры, посредством интеллектуального подъема, социального и политического движения⁶. Но в целом эволюция интереса Запада к Востоку и Востока к Западу может служить свидетельством интенсификации межкультурного взаимодействия различных ареалов, а вместе с тем и интеграционных, кросскультурных процессов.

---

⁵ Andel Malek A.. Orientalism in Crisis.//Diogenes.1963.# 44. – P. 107.

⁶ Лысенко В. Ук. соч. – С. 30.

Ярким примером влияния оксидентализма может служить миниатюра знаменитого просветителя Центральной Азии, энциклопедиста Ахмада Дониша. Его двойной портрет в жанре воображаемой беседы с индийским поэтом и философом Бедилем, 1880 г., (Институт востоковедения Академии наук Узбекистана) первоначально носил название «Индийский художник Атуб Чату и Бедиль»⁷. В композиции несомненно читается конфликт между европейским видением, основанном на мимезисе, и восточной «спиритуалистической» перспективой. Художник в поисках более натуралистического отображения мира ввёл в каноническую изобразительную систему средневекового искусства новые элементы -портретность, жанровость, линейную и воздушную перспективы, свойственные европейской живописи, отказавшись от декоративного решения колорита. Дониш попытался представить человека не как типизированную модель, а как реальную индивидуальность с конкретным обликом. Художник не всегда последователен в соблюдении принципов перспективного сокращения, но он стремится добиться объемного решения и панорамного изображения. Сам факт воспроизведения процесса позирования модели художнику является совершенно инновационным в традиционной живописи Центральной Азии.

Как мы знаем, в последующем основой всего художественного образования и изобразительного искусства Таджикистана стали именно принципы европейской школы, которые включают в себя мимезис, перспективу,

---

⁷ Ашрафи М.М. Миниатюры Средней Азии XVIII – XIX вв. // Очерки истории и теории культуры таджикского народа. – Душанбе, 2001.- С. 175-181.

работу натуры, позирование и масляную живопись. Словом, принципы визуальной культуры академического направления Запада стали со временем традиционными в этнокультуре таджиков с конца XIX века.

Второй важный этап формирования новых традиций в 30-80 гг. XX века был наиболее сложным и многоуровневым. В силу происходивших революционных событий, как никогда, обострилась проблема преемственности этнокультурных ценностей в связи с урбанизацией общества, усилением влияния чужой культуры. В контексте новой социалистической цивилизации культура таджиков утратила многие традиции из-за негативного к ней отношения со стороны государства, так как приоритет сохранялся за интернациональной культурой, советской обрядностью, идеологией этноплюрализма.

После вхождения Таджикистана в состав СССР (1924, 1929 гг.) значительно изменился традиционный вектор его этнокультуры, что способствовало возникновению нового мировидения, политических, художественных понятий. Культура стала отождествляться с политикой и рассматриваться как важный инструмент в борьбе за новое мышление.

В этом смысле достаточно показателен фотодокумент из собрания этнографического архива Академии наук Таджикистана «Труженики колхоза им. Берия идут на выборы в Верховный совет СССР 10 февраля 1946 года» (фотограф О. Кузьмин). В ней запечатлен момент конструирования новой традиции – участие местного населения в выборах, т.е. процесс смены идеологических догм ислама социалистическими, коммунистическими принципами и наслаивание на сохраняющееся старое нового политического контекста.

На фото запечатлен чрезвычайно противоречивый момент акции. Не осознавая смысла и значения самой выборной кампании, согнанные на демонстрацию таджички-колхозницы, закрывая лица, бредут за солдатом в шинели, несущим красный флаг. Кто будет отрицать, что эта традиция не стала основой внутривнутриполитической жизни Таджикистана и существует до сих пор. Таджикское общество ныне принимает участие во многих выборных политических кампаниях, в полной мере осознавая их значение.

Изобретательность в создании фьюжн, «выгрузке» чужих элементов в собственные эстетические и смысловые структуры послужила началом зарождения так называемого «гибридного стиля» в культуре ислама, в котором переплелись особенности, например, национальной и западноевропейской моды. Это ясно выражено в эволюции таджикского национального костюма. Костюм сам по себе конечно не является конструктом эпохи, но он, несомненно, – иллюстрация той цивилизации, которая его сформировала.

Национальные привычки в области внешнего вида у современных таджиков свои особые. И многие, очень многие им гордятся, а иностранцы всегда немного завидуют, что таджички до сих пор носят, как им кажется, свои традиционные платья, т.е. сохраняют национальное своеобразие, тогда как на Западе об этом и не помышляют.

Однако так называемое «национальное» платье на кокетке не является истинно таджикским, а было сконструировано в первой половине XX в. российскими дизайнерами как женский символ Советского Красного Востока. Оно родилось под влиянием русского сарафана и татарского женского костюма эпохи модернизма. Это была

первая ступень модернизации традиционного женского костюма Таджикистана, который до этого периода в каждом регионе был уникален и отличался особым своеобразием в Худжанде и Бухаре, Хатлоне и на Памире.

В 20-е годы XX века в стране советов сменился общественный строй, перед лидерами новой обширной страны встал вопрос поиска новых культурных кодов. Авторами одних из них, способных выразить собой суть революционных процессов в новой политизированной эстетике, стали конструктивисты. Основными тезисами конструктивизма, идеологами которого были мастера Владимир Татлин и Александр Родченко, являлись строгость линии, лаконизм и монолитность композиции.

Дизайнеры Варвара Степанова и Любовь Попова проводили идеи конструктивизма в костюме и моде того времени и по сути отвечали за выполнение ответственной задачи – дать пролетариату одежду нового образного строя, кроя и функциональности. Она должна была отвечать духу времени, производственным интересам и всем запросам покупателя нового статуса. Основным правилом в работе двух дизайнеров стала максимальная утилитарность: искусство ради одежды, а не наоборот. На волне увлечения всем миром прямыми линиями и изучением взаимодействия геометрических форм, эти художницы предложили совершенные с точки зрения композиции и ритма геометрические принты, составленные из самых простых фигур, а главное – минимализм и четкость силуэта, строгие формы, выверенные до миллиметра пропорции.

В советское время вместо Т-образного кроя с широкими рукавами в таджикском женском платье появились кокетка, втачные рукава, отложной воротник и собранная

в сборку центральная часть платья. Такой тип покроя одновременно рабочего, домашнего и выходного с различными вариациями стал знаменем новой морали и идеологической принадлежности. Уже более полувека он внесен в десятку must-have основной части женского населения страны. Таким образом, в XX веке произошла модернизация женского таджикского костюма, которая была ориентирована на публичный образ таджикской женщины (работа в офисе или же на производстве), а не как прежде, на домашний очаг. Новый Советский стиль национального костюма, как символ прогресса и свободы, остается актуальным и в настоящее время, хотя для городских женщин, стремящихся к самоидентификации, есть доступ к готовой европейской одежде.

Третий период обогащений национальных традиций в этнокультуре Таджикистана наступил после обретения страной политической независимости в 1991 году. В это время происходит демократизация и либерализация культуры, что потребовало изменения существующего стиля, поисков национальной идентичности. К 90-м годам XX века потенциал т.н. «государственной культуры» в СССР, в том числе в Таджикистане, в принципе был исчерпан. Ныне в таджикской культуре постепенно возникают новые тенденции в противовес авторитарному стилю социалистического реализма 30-80-х годов.

Рискну сказать, что в годы независимости самые кардинальные изменения произошли именно в изобразительном искусстве Таджикистана, поскольку в этой области сформировался совершенно новый вид искусства – актуальное, т.н. «contemporary art», а, следовательно, и нового мышления.

К сожалению, данные метаморфозы состоялись благодаря иностранным спонсорам. Именно поэтому один из российских мастеров как-то заметил, что все художники визуальной культуры постсоветского пространства – это «дети Соровских центров современного искусства».

В период имплементации принципов нового по контенту и задачам искусства известного американского критика Владимира Булата терзали сомнения относительно необходимости и органичности прививки авангарда к постсоветской среде. Он считал, что «мультинациональный империализм» (термин известного философа Ф. Джемисона) просто экспортирует в страны, находящиеся под его контролем, свои формы культуры, институциональные дискурсы, что приводит к «гегемонии капитала». В актуальном искусстве постсоветского периода, по его утверждению, традиция как изначальная точка, должна иметь статус конфликта, напряжения, динамики, а сам западный авангард непременно должен быть «посажен» на традицию, взрасти на ней, поскольку она развита многими поколениями, воплотивших в ней свою этническую и культурную самоидентификацию⁸.

По мнению В.Булата, проблема состоит в самом художнике, его внутренней проблематике. В начале миллениума было совершенно неясно сможет ли советский художник, которого обучали академическим методам работы с мольбертом и кистью, решиться использовать новые формы выражения. Западная научная мысль особо требовала привязки культурного развития «пост-периферийных стран» к собственным, изначальным присущим

---

⁸ Bulat V. Different kinds of invasion // Invasion.-Orheiul Vechi.-Moldova, 2002.-P.47.

им ценностям и наследию. В противном случае искусство постсоветских стран может быть воспринято как подражание западной культуре.

В. Булату казалось, что только эмигранты и люди без корней способны активно работать в современном искусстве, не заботясь о своем зрителе и публике. В отличие от советских мастеров западные художники свои идеологические проекты воплощали без поддержки фонда Сороса, который организовывал центры современного искусства повсюду на обширном пространстве СНГ. Собственно, В. Булата мучил единственный вопрос, которым он и закончил свою статью: как будет выглядеть в скором будущем интеллектуальный гибрид традиционной культуры восточных стран после инвазии «мультинационального империализма»? Представляется, что дальнейшее развитие актуального искусства на всем постсоветском пространстве, в том числе в Таджикистане, является лучшим ответом на его вопрос.

Если всплеск творческой активности, связанный с формированием актуального искусства, в других странах СНГ произошел в 80-90 годах XX века, то в Таджикистане в силу непреодолимых обстоятельств, связанных с военным конфликтом, восстановлением страны, оно появилось почти на пятнадцать лет позже. Однако проблемы оставались одни и те же, а опыт, приобретенный в процессе становления нового искусства, во многом тождественным. Волновало то, что выразил один из московских мастеров: «Все мы были устремлены на Запад, все мы, перепрыгивая через границы друг друга, т.е. преодолевая Восток, осваивали западный контекст. Именно там искали мы культурных партнеров, именно там рассчитывали

получить ответ на собственные вопросы, именно там рассчитывали обрести перспективу»⁹.

До настоящего времени актуальное искусство Таджикистана находится в определенной изоляции: о нем мало знают, оно лишь в незначительной степени имплементировано в мировой культурный поток. Да и отряд представителей нового искусства достаточно малочисленен, отсутствует и динамизм в выставочной деятельности, художественной жизни, интенсивность в процессе культурного обмена.

Нововведения значительно повлияли на ментальность, художественный язык, дизайн, а главное – на отношение к самой традиции. К пересмотру устоявшихся концепций художников побуждал ряд причин, например, накопленный к началу XXI века совершенно новый материал по актуальному искусству, знакомство с которым не допускала старая идеологическая доктрина. Одновременно в каждом новом независимом государстве возникла потребность и необходимость в определении национальной культурной идентичности, что было напрямую связано с историей страны.

В 2012 году был создан центр «Душанбе Арт Граунд» (ДАГ), миссия которого виделась в пропаганде и развитии практик современного искусства в Таджикистане. Стратегия ДАГ была направлена на достижение долгосрочного устойчивого развития для искусств новых медиа и новых платформ, где творческие и гражданские сообщества могли бы совместно творить.

---

⁹ Художественный журнал. Moscowartmagazine.- №22,1998 : <<http://xz.gif.ru/numbers/22/intro/>>

Местным мастерам порой было трудно понять искусство европейских стран, в котором нет ничего глубоко «национального» в визуальном ряде. Вживание нового видения в традиционный контекст происходило в Центральной Азии посредством его «ориентализации», примером чему может служить картина Озара и Сулеймана Шарифи «Утраченная тайна». В ней художник интерпретировал известный шедевр Леонардо да Винчи «Мона Лиза», которую до сего воспринимают как великую тайну итальянского гения. В картине О.и С. Шарифи, согласно реалиям повседневной жизни женщин Таджикистана, за спиной героини сушится белье, в руках у нее фигуры многочисленных детей- младенцев. Весь ее облик соответствует народным представлениям о женской красоте: ее лицо украшает родинка на щеке и единый рисунок соболиных бровей в виде «моноброви». Более суровый приговор гендерному дисбалансу в Таджикистане трудно представить.

Таким образом, тайна произведения Леонардо да Винчи утрачена, и в контекст классического европейского искусства внедрены новые идеи и местные реалии, которые легко могут быть прочитаны таджикским социумом. О. и С. Шарифи удалось использовать знаки другого художественного языка для того, чтобы достичь коммуникативности собственного творения.

В современном искусстве Таджикистана практически не найти художника, который не был бы укоренен в национальной художественной традиции. Мастера, независимо от того работают ли они в ремеслах, академическом или же актуальном искусстве, творят в музыке, активно воплощают архитектурные проекты, используют возможности классического наследия таджиков. Исключения из

правил найти трудно, хотя они и имеются во фрагментированном виде.

В силу этих причин рекультивация, возобновление традиций, остается постоянной доминантой современной жизни таджикского социума. Достаточно посмотреть один из номеров журнала «Пои мехр» («У подножия солнца»), который был выпущен в Хороге на таджикском и шугнанском языках в феврале 2010 года. На его первой обложке представлен весьма уважаемый редактор Кудрат Ша Чавлихон в европейском пиджаке с модной стрижкой. Весь его облик, как и его статьи, свидетельствуют о том, что он один из ярких представителей современного таджикского интеллектуального сообщества.

На последней обложке журнала представлена красивая девушка, которая участвует в конкурсе «Маликаи мох» (Принцесса месяца), проводимом редакцией совместно с комитетом по работе с женщинами при Хукумате ГБАО. Цель конкурса – сохранить традиции национального костюма, чем, по мнению организаторов, должны заниматься девушки и женщины, но никак не мужчины. Среди многочисленных условий конкурса, которые приводятся здесь же, указано, что участницы должны обязательно иметь длинные волосы и быть одеты в национальное платье, т.е. девушки обязаны соответствовать национальным представлениям о красоте.

В журнале выразительно отражен гендерный дисбаланс, существующий в стране. Сама идея представлять в журнале красавицу месяца, несомненно, заимствована из практики западных стран. Широко известно, что в международном журнале «Плейбой» ежемесячно выбирается «девушка месяца», портрет которой украшает его первую обложку, но никак не последнюю, как это мы

видим в издании «Пои мехр». Вероятно, редакция намерена была представить традиции Памира в процессе модернизации, ввести некую долю гламура, но главная роль хранительницы старины по традиции отведена женщине, как в патриархальном обществе, тогда как носителем прогресса и новых веяний по-прежнему остается мужчина¹⁰. В итоге «женская культура» Памира, как и всего Таджикистана, несмотря на все инновационные тренды, в большей своей части остается альтернативной, «анти-мужской культурой».

Одновременно в культуре Таджикистана пробиваются ростки совершенно новой, нарождающейся уникальной культуры, свидетельством чему может служить творчество ансамбля «Памирский рэп». Данный коллектив пытается создать инновационные культурные продукты на основе синтеза традиционного и современного музыкального искусства. Лингвистическая модель его песнопений основана на таджикском и на одних из самых древних, но живых языках мира: шугнанском и рушанском языках Бадахшана.

Ансамбль «Памирский рэп» как бы доказывает, что творчество любого народа способно к самореализации в разных художественных формах, сохраняя своеобразие своей природы. Что особенно привлекает в таком решении, это интерпретация базовых традиций и придание им нового современного контента и звучания, что делает его творчество поистине уникальным. Есть надежда, что этот ансамбль, как и другие, которые, возможно, существуют, но мы о них не знаем, сможет создать или хотя

---

¹⁰ Туйчиева С. История гендера в культуре Памира (конец XIX-начало XX вв.). - Душанбе, 2011.-С. 123-124.

бы наметить контуры адаптации таджикского социума к разного рода музыкальным и техническим достижениям и его интеграции в глобальную культурную среду.

Неисчерпаемая историческая проблематика кросс-культурных влияний, диалога и межцивилизационного взаимодействия, как уже отмечено исследователями, имеет свои закономерности. В личных судьбах конфигурация этих закономерностей прослеживается не столь явно и складывается из сложных переплетений судеб, политических и социальных вызовов времени, случайного совпадения различных интересов, новых творческих замыслов и даже непредвиденных или ординарных событий повседневной жизни. В любом случае через конфликты традиционного и современного, догматического и либерального, местного и интернационального, рекультурация цепи времен в этнокультуре таджиков никогда не прерывалась, а развитие принимало разнообразные формы.

Пулат Шозимов,
доктор философских наук, профессор,
Старший научный сотрудник Проекта Ага Хана
«Человековедение» Высшей школы развития
Университета Центральной Азии,
г. Душанбе, Таджикистан

«Социальный капитал как система ценностей в контексте образования, науки и социокультурной практики на примере Таджикистана»

Сегодня стоит отметить все более возрастающую роль социального капитала в развитии современных сообществ Центральной Азии, как стабилизирующего фактора и базовой основы для последующего формирования человеческого и институционального капитала в регионе.

Социальный капитал есть понятие, которое отражает уровень социальной сплоченности людей, основанной на доверии и готовности следовать социальному долгу. Понимать и уважать свою историческую память, традицию, культуру и религию главным образом через принятие на веру этой системы ценностей на бессознательном уровне.

Стоит заметить, что социальный капитал – это первичная основа общества, на которой далее формируются другие социальные, экономические и политические «этажи» государственности.

В этой связи возникает ряд исследовательских вопросов относительно источников формирования социального капитала в ЦА, в частности, в Таджикистане. К ним

можно отнести следующие вопросы: есть ли какая-либо философская концептуальная база, на которой функционирует социальный капитал? Что есть социальный капитал в контексте Центральной Азии? Является ли он общим для всей Центральной Азии, или он имеет свои национальные особенности? И, наконец, насколько и как социальный капитал влияет на формирование эффективных моделей образования и науки в ЦА?

Безусловно, эта тема является широкой, поэтому мы сконцентрируемся главным образом на Таджикистане.

При рассмотрении понятия социального капитала стоит отметить три основных концептуальных подхода.

Согласно первому подходу, социальный капитал рассматривается с точки зрения экономических параметров, а именно, капитал – это инвестиция во что-либо, в бизнес, в социальную сеть или другое с тем, чтобы впоследствии получить прибыль. Этой позиции придерживается Нан Лин¹. Данная позиция опирается на методологический индивидуализм, который непосредственно связан с рационально-инструментальным подходом, а значит и концепцией человеческого капитала. Система координат Нан Лина базируется на принципах свободы воли и рационального выбора человека, основанного на своих индивидуальных интересах. Близко к данной позиции можно отнести также и Марка Грановеттера, Джеймса Колемана, Роберта Патнэма². В этом подходе

---

¹ Nan Lin. *Social Capital. A Theory of Social Structure and Action*. – Cambridge University Press, 2004.

² James S. Coleman *Social Theory, Social Research, and a Theory of Action*. – *The American Journal of Sociology*, Vol. 91, No. 6. (May, 1986), pp. 1309-1335); Putnam, Robert D. (1994). *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, New Jersey, USA: Princeton

экономический фактор играет доминирующую роль по формированию социального капитала.

Второй подход к проблеме социального капитала отражен в концептуальной позиции Пьера Бурдьё, который первым, в 1980 году, обозначил данное понятие. Социальный капитал может выступать ресурсом получения выгод, но данный капитал является ресурсом прежде всего самой социальной группы, а не индивидуальностей. То есть целое определяет сумму его частей, а не наоборот. Бурдьё выделяет три вида капитала – культурный, экономический и политический, при этом политический капитал предопределяет два других капитала³.

В этом контексте социальный и культурный капитал может конвертироваться как в экономический, так и политический капитал. Но интерпретация социального и культурного капитала, согласно Бурдьё, зависит во многом от политических институтов, и таким образом система культурных и социальных нормативов (т.е. то, что мы обозначаем как социальный капитал) является скорее сконструированной, нежели примордиальной системой социальных и культурных связей. Во втором подходе социальный и культурный капитал зависит от политической конструкции, и их система связей детерминирована этой конструкцией. Слабостью этого подхода является абсолютизация политического принципа в формировании социального капитала.

В этой связи стоит отметить третий подход к социальному капиталу Ф. Фукуямы, который в своей

University Press. p. 122. Granovetter, Mark. 1973. "The Strength of Weak Ties." *American Journal of Sociology* 78:1360–1380.

³ Pierre Bourdieu Richardson, J., *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* (1986), Westport, CT: Greenwood, pp. 241–58.

работе «Доверие»⁴ показал связь социального капитала и его конвертацию в экономический капитал, как например, трансформация конфуцианской системы ценностей на язык современной экономической модели бизнеса и менеджмента в Китае.

Полагаю, что третий подход Ф. Фукуямы наиболее эффективен для понимания природы социального капитала и его влияния на формирование человеческого капитала. Политический капитал также фундирован на культурных и философских границах определения легитимности власти, а не наоборот.

В этом контексте наш методологический подход позволяет комбинировать пространство и время социального капитала в зависимости от структурных изменений исследуемого общества и при этом создает условие для работы с вышеизложенными тремя подходами в зависимости от того, в какой концептуальной конфигурации находится объект исследования⁵.

Факторы, повлиявшие на формирование социального капитала в таджикском сообществе

При рассмотрении социального капитала таджикского сообщества можно выделить следующие факторы, которые оказали существенное влияние на его формирование:

---

⁴ См.: Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.

⁵ Shozimov P. The Creation of an Innovative Cross-Disciplinary Methodology as a Result of a Dialogue between Western European and Central Asian Systems of Philosophical Thought. \ \ Europe and the Orient: Past Encounters, Heritage and Present-Day Interactions. Eds. N. Vukov, G. Lozanova, E. Troeva-Grigorova. Sofia: Cultural Arcs Foundation, 2023, pp. 67-93.

Зороастризм (Авеста). Базовый принцип: благая мысль/намерение – благое слово – благой поступок. В этом контексте намерение и слово определяют действие.

Реальность: ориентирование на подавление негативных намерений, где мораль и этика играют ключевую роль в жизни таджиков, и действия ограничены системой норм морали. Развитие данной теории зороастризма можно увидеть во взглядах Ф. Фирдоуси, особенно в его тезисе: если чувствуешь неуверенность и растерянность в душе, то действуй, и это укрепит твою решимость, волю и душу. В этом контексте действие является приоритетным компонентом укрепления души и исполнения своего индивидуального долга, но действия при этом должны быть основаны на разуме.

В этой культурной парадигме легитимность власти зависит от «фарра» (божественной благодати в персидской традиции). Таким образом, если шах (как Джемшид в произведении «Шахнаме») отходит от социальной справедливости и неумеренно возносит свои дела, божественный фарр уходит от него, и как результат его власть находится в опасности. Согласно Шахнаме, персы отвергли Джемшеда – своего шаха несмотря на то, что он много сделал для них, и привели к власти Захока (линия Ахримана – силы зла) из аравийского царства на 1000 лет, который правил еще более жестко, нежели Джемшид. Последний правитель правил без божественного фарра и был свергнут также из-за несправедливости. Данный социальный код политического правления важен в персидско-таджикской литературе и философии.

Влияние конфуцианства на формирование социального капитала таджикского народа

После государственного гонения на конфуцианство в империи Цинь, когда основалась китайская империя (221 век до н.э), данное учение получило государственный статус во второй династии империи Хань (202 до н.э – 220 в. н.э.). Благодаря шелковому пути, многие идеи и ценности Китая имели влияние на Центральную Азию. К примеру, трактат Бэн Джао, китайского историка-женщины, которая также известна как Пэн Чао (примерно 45-115гг. н.э.), является одним из показательных примеров. Династия Хан широко провозглашала принципы конфуцианства, отстаивая строгое соблюдение традиционных социальных ролей мужчины и женщины. Ее известная работа «Уроки для женщин»⁶ по своим положениям относительно семьи, социальным нормам во взаимоотношениях между мужем и женой, порой неотличимы в большей своей части с социальными нормами семьи современного Таджикистана, в особенности, в сельской местности. Данные установки ее книги базировались на основных принципах конфуцианства: абсолютной власти государства над подданными, отца над сыном, мужа над женой, включая принципы уважения к старшим, следования человечности, долгу и семейным ритуалам⁷.

---

⁶ Ban, Zhao. "Lessons for Women." Translated by Nancy Lee Swan. *The Human Record: Sources of Global History*. Edited by Alfred. Andrea and James H. Overfield, vol.1,2nd ed. Boston: Houghton Mifflin, 1994, pp. 150 – 153.

⁷ Шозимов П. Этнографический обзор. Картографирование социальных норм и мобилизация общин по запрещению насилия в отношении женщин и девочек в Таджикистане // Душанбе, «Ирфон», 2023.

Влияние буддизма на формирование социального капитала таджикского народа

Не последнюю роль в формировании социального капитала таджикского народа сыграл буддизм, особенно, в период Кушанского царства (1-3 вв. н.э.). Данная система ценностей замыкается на абстрактном понятии «пустота», где социальная жизнь рассматривается как иллюзия. Разнообразие есть не философский концепт, а индикатор иллюзорности мира, что усиливает намерение ухода от социальной и политической жизни. Важно при этом также иметь ввиду, что ислам проник и адаптировался в Центральной Азии через суфийские сети, которые концептуально имели связь с буддизмом, – от разрушения своего «эго» к просветлению и растворению в божественной субстанции (суфизм) или шуны /пустоты (буддизм).

Ислам

В Центральной Азии Мусульманский ренессанс приходится на IX-XI века, когда расцветали естественные науки, философия, география, история, поэзия и т.д. Этому способствовало развитие плюрализма в идеях и культурах, которое активно распространялось в мусульманской цивилизации. В последующем этот ренессанс был заменен концепцией «таклида» или традицией, где инновация уже признавалась грехом. И с XII века эта тенденция особенно усилилась. В системе политических институтов это отразилось в форме султанатства, как синтез общины (примордиальный уровень) и государства с радикальным усечением гражданских институтов.

Лишь суфийские сети, где аккумулировались свободные интеллектуальные умы, посредством скрытых

метафор и символов смогли донести идеи до большинства, но с одним условием, – отказа от социальной и политической активности.

Однако многие газели и касыды великих суфийских поэтов стали моделью для социального поведения в современном Таджикистане. До сих пор знание этих произведений является эталоном учености и человечности. Концепция «инсонни комил» (совершенный человек) является одной из таких канонов суфийского мировоззрения, которая стала частью социального капитала таджикского народа.

К сожалению, интеллектуалы Центральной Азии периода Мусульманского ренессанса не смогли предложить жизнеспособную и устойчивую социально-политическую модель развития государства в отличие, например, от создания ими же мировых научных и художественных открытий и шедевров, которые до сих пор востребованы мировым сообществом и странами Центральной Азии. Все созданные ими социально-политические системы предлагают людям либо уходить (бежать) из государств, где не востребованы добродетели и интеллектуалы, как это отражено в философии Аль-Фараби, либо уходить в «интеллектуальный изолированный остров», как в философии Ибн Сино. Причиной этому была неспособность средневековых мусульманских мыслителей осуществить трансмиссию социального капитала в человеческий капитал и оттуда к формированию устойчивого институционального капитала. Небывалый расцвет человеческого капитала в период мусульманского подъема так и не закрепился на уровне общественного гражданского дискурса, а если и остался, то только в формах суфийских

сетей и социальных норм, которые до сих пор востребованы в жизни современного общества Таджикистана. Интеллектуальная традиция периода Мусульманского ренессанса безусловно отразилась в структуре социального капитала таджикского народа, но она занимает, к сожалению, маргинальное положение в обществе в силу ее абстрактности и теоретичности.

Влияние советского периода на формирование социального капитала таджикского народа

В данный период в Таджикистане была заново сконструирована национальная идентичность, в которой преобладали светская и этническая часть самосознания таджикского народа, но последняя была подчинена интернациональному сознанию, основанному на социалистических принципах. В этот период в социальный капитал Таджикистана прочно вошли такие понятия, как социальная справедливость, приоритет общего дела над индивидуальным, бесплатное образование, здравоохранение, социальное равенство, сконструированный отдых, социальная защита и т.д.

Период независимости Республики Таджикистан: вопрос о природе социального капитала

Подытоживая все вышеназванные факторы, стоит выделить основные моменты, которые серьезно повлияли на формирование социального капитала таджикского народа среди различных социальных групп, а именно: ритуализм в этикете, ценность семьи, безразличие к политике, уважение к учителю, старшим, мудрости и знанию, доверие к знаниям и учености в период расцвета

Просвещения в мусульманской культуре (9-11 вв.), недоверие к новшествам (с 12 в.), неверие силе знания, способного изменить социальный и политический ландшафт, – знание в этом случае есть лишь средство для достижения лишь внутреннего совершенства человека (суфизм), сокрытие знания как ухода от ясного рационального дискурса в сторону метафор и символов (после 12 века), легитимность власти связана с социальной справедливостью (А.Фирдоуси – «Шахнаме»), разрыв идентификационных полей таджикского сознания между культурой и религией, уход от социальной реальности (суфизм), высокий уровень терпимости к политической системе как результат недоверия к военным инструментариям в решении проблемы, любовь к своей «малой родине» (регионализм).

Положительным социальным ресурсом таджикского народа является способность к формированию устойчивых государственных и институциональных символов и учреждений, но они недостаточно устойчивы из-за слабости доверия к различиям и плюрализму в силу того, что с 12 века этот уровень подвергся маргинализации и изоляции от политических институтов другими политическими группами.

Также к позитивным ресурсам социального капитала можно отнести высокую мораль, человечность, доверие к семье, старшим, знаниям, мудрости, тягу к образованию и к самообразованию. Полагаю, что эти ресурсы доверия к этим ценностям важны и могут быть положительно переведены в человеческий ресурс и далее институциональный.

На сегодняшний момент не существует единой доминирующей философской или религиозной традиции, которая бы определяла стержень социального капитала таджикского народа, скорее всего он построен на сосуществующей системе ценностей, а не исключающей, поэтому в зависимости от социальных обстоятельств он может достаточно быстро адаптироваться к новым реалиям. При этом история успеха таджикского народа показывает, что Ренессанс в истории, культуре и науке связан с синергетическим эффектом различных сосуществующих систем ценностей и идей, что приводило на выходе к новым инновационным идеям, которые носили как национальный, так и международный характер. Все это также является существенной частью социального капитала современного Таджикистана.

Согласно социологическим результатам компании «Гэллэп» за 2022 год, радиус социального доверия в Таджикистане по отношению к «другим/чужим» социальным и культурным группам достаточно низок, хотя эмоциональная связь играет важную роль относительно взаимоотношений людей друг к другу. Чувство социального одиночества и тревоги достаточно высокое и проявляется в большей мере у городских жителей нежели сельских. Но при этом социальная связь людей со своими соседями по частоте встреч в неделю стоит на достаточно высоком уровне⁸.

---

⁸ Всемирный опрос социологической компании «Гэллэп», проведенный Центром социальных и культурных исследований «Чашмандоз». Выборка Республиканская, №1000. Душанбе, 2022 г.

**Связь трех подходов социального капитала
с некоторыми моделями развития образования
и науки в Таджикистане**

Подходы	Метод	Способ выхода к социальному капиталу	Образовательная модель
№1	Радиально-инструментальный подход (Н. Лин, М. Грановеттер, Р. Патнам)	От человеческого капитала к социальному капиталу (слабость: игнорирование институционального капитала)	Экономическая модель развития (опора на эпоху Мусульманского ренессанса IX-XI вв.)
№2	Социальный конструктивизм (П. Бурдьё)	От политических институтов к социальному/культурному капиталу и далее к человеческому капиталу	Политическая модель развития (опора на советский период развития – знание как конструкт)
№3	Примордиализм (Ф. Фукуяма)	От социального капитала к человеческому капиталу и далее к институциональному капиталу	Культурная/историческая или ценностная модель развития (опора на конфуцианскую модель развития)

Выводы. Исходя из вышеизложенного анализа можно сказать, что Таджикистан использует неполную конфигурацию второго и третьего подхода. В этом контексте мы наблюдаем модель развития, связанную с примордиальным и институциональным подходом при некоторой ослабленности развития человеческого капитала.

Полагаю, что системе образования в Таджикистане придется пройти путь от третьей модели к первой, а от

нее ко второй, где социальный капитал будет менять свое место и назначение от статус-кво, как начала (3 подход); как создание новой системы ценностей (социального капитала) в форме результата или итога (1 подход), и, наконец, как элемента связи между институциональным и рационально-инструментальным уровнями (2 подход).

Рекомендация. На данном этапе необходимо усилить уровень развития человеческого капитала с целью завершения модели развития третьего подхода.

Бахринисо Кабилова,
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Отдела истории искусств Института истории,
археологии и этнографии им. А. Дониша
Национальной академии наук Таджикистана,
г. Душанбе

Музыкальное искусство Памира: от истоков к современности

Тема настоящей статьи продиктована переменами, которые в настоящее время происходят в различных сферах культуры и быта центрально-азиатского, в частности, таджикского общества, казалось бы ориентированных преимущественно на традиционные ценности, затрагивают многие устоявшиеся тысячелетиями нормы и принципы бытия местного населения. Постепенно начинают разрушаться стереотипы, устойчивость которых еще недавно не вызвала сомнений. И здесь возникает проблема, состоящая в необходимости изучения характера реагирования элементов традиционных стереотипов на процессы, происходящие под воздействием потока внешних раздражителей. При этом, в одном случае культура сохраняет устойчивые элементы, в другом – постепенно приспособляясь к новым условиям окружающего мира, начинает выходить на качественно новый уровень. Это говорит о том, что существует проблема изначальной и приобретенной культуры. В этом плане интерес вызывает нематериальное культурное наследие Памира, в частности музыкальное искусство, богатое, самобытное и многообразное, имеющее древнее происхождение. Оно

отличается от наследия других регионов Таджикистана ярко выраженным своеобразием, проявляющимся в широком охвате различных уникальных жанров, как в прошлом, так и в наши дни. И это обусловлено, в первую очередь, географической замкнутостью, изолированностью региона, а также малочисленностью народа, который сохранил то типическое, что позволяет говорить о специфике музыкального искусства Памира.

Искусство памирцев, в основе которого лежат глубинные традиции, складывавшиеся столетиями и отражавшие повседневный быт, мировоззрение, психологию жителей высокогорного края, прошло длительную историческую эволюцию и аккумулировало в течение всего времени своеобразные и специфические жанрово-стилистические признаки. Вместе с тем, изменение общественной формации в XX веке не могло не привести к новым процессам, воздействовавшим на отмирание некоторых обрядов, обычаев и появление новых. Отдельные традиционные формы быта и обусловленные ими музыкально-зрелищные явления, хотя и продолжали существовать, но уже в измененном виде. Все эти процессы и явления достаточно подробно освещены этнографами, историками и филологами, такими как Бобринской А.А., Андреев М.С., Кисляков Н.А., Искандаров Б.И., Моногарова Л.Ф., Писарчик А.К., Розенфельд А.З., Юсуфбекова З., Шакармамадов Н., Давыдов А.С. и другие¹.

---

¹ Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа. – М., 1908.; Андреев М.С., Половцов А.А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан //Сб. музея антропологии и этнографии при Императорской Академии наук, вып. IX. – Спб., 1911.; Андреев М.С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарья). – Вып. I. – Сталинабад: Изд. АН Тадж. ССР, 1953.; Вып. II, 1958.; Искандаров Б.

Памир, привлекавший внимание учёных-исследователей не только оригинальностью древних языков, своеобразием быта и обрядов, а также самобытной культурой и народным искусством, требовал специального изучения. Так, планомерное изучение народного музыкального искусства Памира началось в конце 50-х годов XX века по инициативе Сектора истории искусств Института истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша Академии наук Таджикистана, который возглавлял в то время Н.Х.Нурджанов. Нужно отметить огромный вклад этого видного ученого в изучение музыкального, театрального и танцевального искусства Памира. И сегодня мы вполне осознанно можем говорить о новом рождении памироведения, в решающей степени предопределенного неутомимой деятельностью Низома Нурджанова и его

Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. – Душанбе, 1960.; Его же. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. – Ч.1. – Душанбе, 1962; Ч.2.- 1963.; Моногарова Л.Ф. Язгулемцы Западного Памира. – Советская этнография, 1949. – №3.; Ее же. Язгулемцы (опыт этнографического описания). Автореф. дисс канд. ист. н. – М., 1951.; Ее же. Материалы по этнографии язгулемцев. – Среднеазиатский этнографический сб. 11. Труды ИЭ АН СССР. – Т. XLVII. – М., 1959.; Писарчик А.К. Припамирские таджики. – В кн. Народы Средней Азии и Казахстана. – Т.1. – М., 1962.; Мухитдинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима. – М.: Наука, 1975.; Юсуфбекова З. Семья и семейный быт шугнанцев (конец XIX-начало XX вв.). – Душанбе: Шарки озод, 2001.; Народное искусство Памира. – Душанбе, 2009; Кисляков Н.А. Семья и брак у таджиков. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1953.; Намунаи фольклори Дарвоз. Нашри 2 бо иловаҳо. Тартибдиҳанда Розенфельд А.З. – Душанбе: Нашрдавтоҷ, 1962. – С.165-166.; Рӯбобиёт ва сурудҳои халқии Бадахшон. Ҷамкунанда ва тартибдиҳанда Н.Шакармамадов. – Душанбе: Ирфон, 1965. – С. 81, 105.; Ҷамон муаллиф. Назми халқии Бадахшон. – Душанбе: Дониш, 1975.; Розенфельд А.З. Свадебный фольклор припамирских таджиков //Фольклор и этнография. – Л.: Наука, 1970. – С. 202-211.

единомышленника Файзулло Кароматова. Это были ученые, которые смогли максимально зафиксировать и показать наличие у горцев Бадахшана достойных исторических и культурных традиций, в частности музыкальных.

Летом 1959 года была организована первая искусствоведческая экспедиция в Горно-Бадахшанскую автономную область. С этого периода здесь начался серьёзный планомерный сбор музыкального фольклора. И так продолжалось до 1983 года. К счастью, почти вся территория ГБАО была своевременно обследована, удалось зафиксировать основную часть музыкального наследия, её жителей, сумевших сохранить и донести до наших дней традиции своего древнего искусства, так как новое поколение все больше стало увлекаться современным музыкальным творчеством, пропагандируемое радио и телевидением. И, тем не менее, необходимо отметить: то, что живет в поколениях, то, что неотделимо от исторического, культурного, национального сознания современников, не поддается спряжению в прошедшем времени. Известные постулаты гласят: «Без памяти исторической – нет традиций, без традиций – нет культуры, без культуры – нет воспитания, без воспитания – нет духовности, без духовности – нет личности, без личности – нет народа как исторической личности». Эта до предела сжатая «формула» состоит из нескольких аксиом, в каждой из которых заложен очень глубокий смысл. Как видно, необходимым условием нормального этнического духа являются традиции, ибо традиции – это иммунная система этноса. Нет традиций – нет народа, так как все его этническое своеобразие закодировано в национальных традициях едва ли не так же, как и в языке. Этим и объясняется то, почему

понятие «традиция» наряду с исторической памятью занимает лидирующее положение на Памире, где обязательным условием существования традиций является неразрывная связь поколений. Эту неразрывность мы можем наблюдать на примере музыкального искусства бадахшанцев, где существуют целые династии музыкантов, передающие из поколения в поколение свой талант, свои культурные ценности, что вселяет надежду на сохранение и дальнейшее развитие музыкального наследия Памира. Безусловно, в процессе смены поколений происходит трансформация жанров, ведь каждое поколение вносит новое содержание и новые мотивы, и ритмы в те или иные песни, что в свою очередь приводит к изменениям их формы.

Как и у многих народов, у бадахшанцев в картине мира присутствует осознание таких явлений и процессов, как происхождение мира, строение Вселенной, пространство и время, Родина, родная земля, народ, человек и его место в мире, законы мира, добро и зло и т.д. Многие обряды, связанные с древними религиозными представлениями и ритуалами, имели свое содержание, отражающее события истории того или иного времени. Однако в настоящее время от них либо сохранилась неполная часть, либо изменилась функциональная сторона самого обряда. Так, например, обряд, связанный с эпосом о происхождении земледелия – «Дехқоннома» («Поэма о дехканине»), давно забыт, исчезла его функциональная нагрузка, но осталось напоминание о нем, как памятнике исторической культуры прошлого. Не случайно теперь этот эпос исполняют в повседневном быту, в часы отдыха в кругу друзей и гостей.

Возникло это сказание, по-видимому, в связи с древним представлением о существовании мифического «Бобои дехқон», что означает «Дед-земледелец», считавшийся покровителем земледелия и земледельцев. Текст сказания принадлежит таджикскому поэту XVIII века Шохзиё (родом из Шутнана, но жившего в Балхе). Записанные Н.Нурджановым и Ф.Кароматовым фольклорные варианты «Дехқоннома» имеют незначительные отличия от одноименного оригинала мухаммаса Шохзиё. В своем произведении «Дехқоннома», или «Панҷ ихвон» («Пять братьев»), он воспевал труд дехкана и высмеивал пустое бессмысленное времяпрепровождение. Мухаммас Шохзиё возник на основе древнего представления о дед-земледельце. Согласно преданиям, он – благодетель, сотворивший все сельскохозяйственные культуры.

«Дехқоннома» исполнялся в сопровождении рубоба и дафа. В интонационно-мелодическом плане тяготеет к музыкальным сказкам, преимущественно лирического содержания. Для этого жанра характерна эпическая неторопливость, повествовательная строгость и сдержанность. Поэтому такие произведения исполняют длительное время. Форма исполнения – напевно-речитативного склада с небольшим диапазоном, поскольку главная цель – донести до слушателя текст, в котором заложен основной смысл. При этом повторяющееся ритмическое сопровождение памирского рубоба, обладающего мягким, теплым звуком, близким к человеческому голосу, звучащего между куплетами, а также во вступлении и заключении придает «Дехқоннома» структурную завершенность.

Сказание «Дехқоннома» включен в третью книгу многотомника «Музыкальное искусство Памира»² с учетом былой его функциональной обусловленности. К аналогичным примерам можно отнести «Султончамчама» и «Исмоилнома» («Поэма об Исмаиле»), обусловленные определенными традициями религиозных верований и потерявшие сегодня свое функциональное предназначение. Исполняются они по желанию самого певца в любое неприуроченное время³.

Другим примером, активно функционирующем и сегодня на Памире, является Фалак – один из древнейших жанров монодийного наследия горных таджиков. Существовая в двух разновидностях – народно-бытовой и народно-профессиональной, Фалак сформировался в процессе длительного исторического развития художественного мышления, как своеобразная форма видения и осмысления определенных сторон жизни. Фалак характеризуется развитой системой музыкального языка, имея в своих истоках народную и классическую поэзию лирико-философского и религиозного содержания. Фалак в переводе означает «Рок», «Судьба», а также «Небо», «Космос», «Вселенная». Такое толкование может указывать на связь земного и небесного, проблему единства двух начал – духовного и материального. Видимо поэтому Фалак является универсальным жанром и исполняется в различных жизненных ситуациях. Истоки жанра Фалак уходят в глубокую древность, когда люди поклонялись

---

² Кароматов Ф., Нурджанов Н., Кабилова Б. Музыкальное искусство Памира. – Бишкек, 2010. – С.561-574.

³ Там же.

небесным светилам, по круговращению которых вели полевые работы.

Фалак на Памире поют и женщины, и мужчины. Женщины исполняют его в минуты одиночества, во время полевых работ: на пастбище, во время сбора тутовника, абрикоса, а также в период прополки, жатвы и в часы отдыха. В прошлом женщины коллективно пропальвали свои земли, устанавливая очередность, и в отсутствии мужчин пели на летовках. Это пение носило коллективный характер в условиях совместной работы.

Известны два основных вида Фалака – дашти и роги. Первый исполняется без инструментального сопровождения, представляя собой сольную песню, носящую характер напевной речи. Это преимущественно призывные возгласы на высоких тонах, как обращение к Богу. Крайние проявления сильных чувств и аффектов, беспредельная радость, невыносимые муки – все это обретает форму крика, выплескивающегося из человека, переполненного чувством. Отсюда – экспрессивная окраска мелодии с характерным узким диапазоном, построенной на варьировании начальной интонации, порождающей модель, по которой выстраивается вся система музыкального мышления Фалака. Здесь удивительна ритмическая изобретательность с четкой организованностью, бесконечным многообразием взаимосочетающихся тонов одной интонации. Особенность такой регламентированной импровизационности заключается в способности передавать в процессе всего временного отрезка одно эмоциональное состояние. Таким образом, на протяжении песни устанавливается единый уровень психологической напряженности.

В местности от Андароба до центра Ишкашимского района ГБАО женщины называют Фалак Фарёд (букв. вопль). Они поют его вдали от дома, от мужчин, часто на пастбище – айлоке. Иногда посвящают Фарёд ушедшему на учебу сыну, утраченному супругу и т.п. Во время исполнения певицы кладут правую руку на правое ухо или держат обе руки крестом под мышку, сидя с горестным видом. Иногда затыкают себе уши пальцами, чтобы не слышать своего душераздирающе оглушительного голоса. Фалак, как и другие бадахшанские женские лирические песни «Даргилик», «Даргилмодик», «Булбулик», «Лалайик» – это своего рода исповедь женщины. Через слова, узкообъемные мелодии, характерные для этих жанров, женщина дает простор своим чувствам и тем самым в какой-то степени освобождает душу от горьких переживаний. В каждой песне заключается та правда жизни, из которой складывается картина дней.

Мужчины исполняют Фарёд или Фалак большей частью в пути, на жатве, молотье или ночью во время полива посевов, а часто и на хирмане. Днем петь не принято, поэтому стараются делать это вдали от жилищ. Мужчины поют в сопровождении музыкальных инструментов, как правило, памирского рубоба и дафа. Женщины ограничиваются только голосом в очень высоком регистре.

Жанр «Фалак» в контексте культово-ритуальной практики приобретает иные черты, о чем свидетельствует традиция исполнения «Фалак» в период траурных и поминальных церемоний (марсияви). Почти во всех районах Бадахшана во время сопровождения усопшего на кладбище исполняют «Фалак» (фалакзани). Обычно его исполняют с надрывом до хрипоты женщины – близкие

родственницы. В случае их отсутствия эту функцию исполняют женщины – знатоки «фалакгу» из этого селения или же из другой местности. Этот вид исполнения «фалак» без инструментального сопровождения обозначают терминами «бепарво фалак» (беспечный фалак) или «пиёда фалак» (букв. пеший фалак).

В наши дни в Бадахшане, либо в памирских семьях, живущих в других городах и селениях республики, жанр фалака активно исполняется как в обрядовой среде – на свадьбах и похоронах, так и в концертном исполнении. Заметим, что характер его исполнения не изменился, и число его исполнителей не уменьшилось, а скорее увеличилось. Безусловно, это связано и с присвоением жанру Фалака в 2002 г. Государственного статуса.

Социально-политические и экономические условия развития общества привели к исчезновению из музыкального быта памирцев отдельных музыкальных инструментов, утрате обрядовых пластов вокально-инструментального и инструментального фольклора. Тем не менее, инструментальная музыка памирцев и по сей день занимает одно из приоритетных положений в музыкальной культуре Таджикистана. Кроме того, в последнее время намечаются процессы возрождения инструментализма в новых формах. К примеру, замечательные обработки памирских народных мелодий и песен, высоко профессионально выполненные известным музыкантом Далером Назаровым, получили высокую оценку не только у нас в республике, но и за рубежом. Вслед за ним один за другим стали появляться аналогичные обработки и аранжировки, прочно вошедшие в репертуар таких

вокально-инструментальных ансамблей, как «Шамс», «Парем», «Авесто» и других, ставшие хитами.

Древние традиции музыкального фольклора бадахшанцев явились богатейшим источником, как для самодеятельных коллективов, так и Хорогского музыкально-драматического театра, созданного в 1936 году. В театре исполнялись народные произведения, как в подлинном виде, так и в своеобразном преломлении – на концертах, спектаклях, – с использованием памирских танцев и мелодий. И в наши дни театр в Хороге продолжает осваивать и профессионально развивать богатейшие народно-музыкальные и поэтические традиции своего края.

Следует отметить влияние памирской народной музыки и на профессиональное композиторское творчество. Так, начиная с 30-х годов XX века, большое количество обработок памирского музыкального фольклора было сделано русскими композиторами, которые приехали в Таджикистан с целью строительства новой музыкальной культуры. Среди них: С.Баласаян, Л.Книппер, И.Рогальский, А.Ленский, С.Урбах и др. В 60-70-е годы, с появлением первых композиторов-таджиков, получивших профессиональное образование в Москве, Ленинграде и Ташкенте, стали создаваться произведения другого плана – не прямое цитирование фольклорного материала, а стилизация звучания древних памирских инструментов, приемы музицирования на струнно-щипковых хордофонах (памирском рубобе, сеторе), традиционном дафе. Например, первая женщина-композитор Таджикистана Заррина Миршакар широко и разнообразно использовала импровизационную природу жанра

фалак в «Трех памирских фресках» для скрипки и фортепиано. Образный строй этого произведения включает три жанровые сферы – патетический речитатив, песенную и танец в народном стиле – объединенные в духе приемов музицирования, характерного для цикла фалак.

Таким образом, нынешнее состояние народного музыкального искусства Памира можно определить следующим образом: 1) активно функционирующие традиционные музыкальные жанры в обрядах и ритуалах, семейных и народных праздниках; 2) музыкальные жанры, находящиеся на грани исчезновения, ввиду потери ценности и общественной значимости; 3) старинные песни, исчезнувшие в настоящее время из обихода, но сохранившиеся в памяти людей старшего поколения; 4) появление народных песен в обработке и аранжировке, носителями которых является молодое поколение; 5) композиторы, чье творчество обращено к памирской музыке.

В современных условиях становится весьма актуальным изучение музыкального искусства Памира, как с позиции отдельного региона, так и в контексте музыкальной культуры Таджикистана с применением таких методов, как аналогия, типология, синтез, обобщение. Все это позволит в будущем изучить происходящие изменения как в структурной части процесса развития музыкального искусства, так и выявить общие и отличительные черты его в районах, где были собраны образцы музыкального наследия.

Известно, что в 2010-2014 годы при финансовой поддержке Университета Центральной Азии и Фонда Кристенсена были изданы три книги и переизданы первые две книги «Музыкальное искусство Памира»,

авторами которых являются Низом Нурджанов, Файзулло Кароматов и Бахринисо Кабилова. Целью этого уникального проекта было сохранение архивного материала искусствоведческих экспедиций в ГБАО в виде нотации, а также объединение в рамках одной серии всего самого лучшего, что было создано народом в области музыкального искусства. Серия дает возможность получить цельное представление о проявлении человеческого гения во всех жанрах музыкального искусства этого края. Каждая книга отличается наличием десятков образцов народного музыкального искусства того или иного жанра. На сегодняшний день в серии «Музыкальное искусство Памира» издано пять книг, и они составляют научную базу для дальнейшего изучения.

Зухра Мадамиджанова,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института истории,
археологии и этнографии им. А. Дониша
Национальной академии наук Таджикистана,
г. Душанбе

Этнографические исследования в Таджикистане: от традиции к современности

Разрешите поблагодарить организаторов конференции за предоставленную возможность представить свои наработки по очень интересному и важному вопросу не только для таджикского общества, но и других обществ с переходной экономикой. Перед нами вчера и сегодня выступали видные ученые, которые в своих докладах акцентировали внимание на традицию – традицию во многих сферах жизни деятельности социума, выделяя знания полученные через определенный опыт, набор ценностей, доверительные отношения и т. д. Накапливание опыта, впускание инноваций в жизнь общества позволит подойти к процессу сохранности ценностей гуманности и толерантности. А это самое главное для существования любого общества, пусть оно будет традиционным или обществом модерна. В своем докладе я хочу остановиться на роли традиционной обрядовой системы в таджикском обществе, готово ли оно к инновациям, изменениям. Итак, традиция – это предание, обычай, множество представлений, обрядов, привычек, навыков практической и общественной деятельности, передаваемых из поколения

в поколение, выступающих одним из регуляторов общественных отношений.

Но, надо отметить, что в разные времена, по разному воспринимали ее, наблюдается прямое противопоставление традиции и современности, ее считали не современной, и только в эпоху Модерна наблюдается позитивное изменение понимания этого явления. Имеется другое мнение – традиция это порядок, движение, это огромный опыт народа, это набор ценностей. И то, и другое может быть принято, ибо оно соответствует действительности.

Рассматривая традиционные черты, в настоящее время мы видим, что они перестают оцениваться как всецело негативные, препятствующие социальным изменениям и экономическому росту и все чаще рассматриваются как ресурс прогрессивных изменений. Для Таджикистана, с его глубокой культурной традицией, сложившейся на протяжении большого пласта истории, изменения возможны лишь в случае, если инновации вырастают из традиций. Традиция это движение, которое дает этносу преодолевать трудности. Размышляя над проблемой сочетания традиции и инновации в Таджикистане, а Таджикистан имеет характерные черты традиционного общества, можно сказать, что в традиционных обществах, воспроизводящих себя на основе традиции, имеются инновации, но их действие поддерживается в обществе лишь до тех пор, пока они не ломают традиции. История здесь всегда берет свое, не допуская чрезмерного уклонения от ее сложившегося хода. В современных же обществах решающую роль играет инновация, допускающая традицию до тех пор, пока последняя не вредит инновации. Отвечая на вопрос, как традиции существуют в современном обществе, допустимо выделить возможности

обсуждаться и выбираться, либо действовать по схеме фундаментализма – как шаблон истины безотносительно к последствиям. Поэтому возможно акцентировать внимание на первом способе, ведущем к диалогу традиций, второй же относится к социальной архаике, который функционирует совсем в другой плоскости. Давайте хотя бы немного окунемся в нашу традицию. Следовательно, рассматривать традицию и инновацию в Таджикистане нельзя без показа огромного пласта традиционной культуры, обычаев, обрядов, ритуалов, хозяйственно-культурного типа таджиков, их быта и т.д. Что бы облегчить восприятие материала, мне кажется, необходимо поэтапно представить его, тем более это соответствует действительности. Таким образом, этнографические исследования в Таджикистане можно разделить на три исторических этапа.

1. Первый этап – изучение народов Средней Азии, в том числе и таджиков, русскими путешественниками, чиновниками, военными, учеными после присоединения ее к России.

2. Второй – сплошное этнографическое изучение таджиков и представителей других этносов в Таджикистане в годы Советской власти. Я бы назвала его – золотым веком этнографии.

3. Третий этап – этнографическое изучение таджиков после приобретения независимости и образование Таджикиского суверенного государства – Республики Таджикистан.

Все три этапа аккумулировали чрезвычайно богатое наследие традиций, обрядов, обычаев и ритуалов, материалы по языку, традиций хозяйственно – культурного типа, общественных отношений, собранные не только

русскими дореволюционными исследователями, но и этнографами Советского, постсоветского времени.

Первый этап

Русские дореволюционные исследователи составили сводные обобщающие труды по этнографии таджиков, которые отличаются тем, что являются самыми достоверными и незаменимыми источниками, ибо они написаны преимущественно на основе личных наблюдений.

Второй этап

Отдел этнографии с 1948 года приступил к разработке большой темы «Сплошное этнографическое обследование Таджикистана». Перед этнографами ставилась задача начать последовательное разностороннее этнографическое обследование Таджикистана по единой программе для того, чтобы получить массовый полевой материал – первоисточник по культуре и быту таджиков и других народов, живущих в республике. Сейчас мы можем говорить о сложении в Таджикистане своей таджикской школы среднеазиатской этнографии, в основе лежит деятельность ученого, учителя почти всех этнографов Таджикистана – Антонины Константиновны Писарчик. В составе большого отряда таджикских этнографов работали Н. Нурджанов, М. Рахимов, Н. Турсунов, О. Муродов, А. Давыдов, З. Широкова, М. Хамиджанова, Л. Бахтоваршоева, Н. Бабаева, работают в настоящее время А. Мардонова, З. Юсуфбекова, З. Мадамиджанова, М. Шовалиева, Л. Додхудоева.

Третий этап

Этап возрождения и определения новых научных направлений, сбора этнографических материалов и работа над этнографическим архивом. Необходимо отметить, что уровень этнографических исследований очень высок.

Шло постоянное изучение и выявление конкретных этнографических характеристик отдельных групп населения. Традиция и инновация становились объектом исследования. Традиция существовала и существует в категориях пространства и времени, что позволяет нам увидеть не только территорию существования определенной традиции, но проследить ее во времени с инновациями. Исследования позволяют это сделать. Период Советской власти дает нам широкий диапазон процессов (советизация, модернизация) где присутствуют старые традиции и внедрение новых обрядов и обычаев. Новая традиция возникала, внедрялась и развивалась независимо от существующей.

Например, как известно, урбанизация – это неоднозначный процесс, он происходит на разных уровнях, и в обществе наблюдаются изменения, инновации – социальные, экономические, но, самое главное, культурные. За годы Советской Власти шел активный процесс моделирования или конструирования нового советского образа жизни, особенно изменения происходили в городе. Село сохраняло традиционную систему выживания через приверженность к ХКТ (хозяйственно-культурному типу оседлых земледельцев) через обрядовую традицию, через поддержание семейно-родственной структуры (авло – род), через институт «чураги», «гап», через религию. Но нельзя не отметить, что традиционное общество таджиков все же впустило признаки «современности» в политику и экономику, социальную сферу, культуру, а также в повседневную жизнь, но вхождение современности все же было поверхностным, не глубоким. На первых этапах урбанизация шла успешно. Появился класс интеллигенции, который в основном воспринял процесс

«советизации», принял новшества в культуре (новые советские праздники), наблюдался некоторый отход от религии городского населения, но несмотря на это, успехи развития, которые поколебали бы устои традиционного общества оказались недостаточными, чтобы создать новую равновесную структуру. Но самое главное, в менталитете народа не нашлось места новой советской идеологии, идеологии без религии. Повседневный быт таджиков продолжал сохранять религиозное наследие, в силу объективной действительности оно находилось за «вуалью социализма»¹. Таджики сохранили традиции в рамках семьи, и вся традиционная культура – обычаи, обряды, ритуалы проходили через призму ислама. Исследования показывают, что изменения в основном наблюдаются в городской среде, горожане стали терять свою традиционную религиозность. В Таджикистане идеал мусульманской религии нередко уживался с коммунистической моралью, царившей в светской среде. Несмотря на жесткий контроль со стороны партийной бюрократии, этот идеал существовал, что создавало определенную раздвоенность, довольно сложную организацию всего таджикского общества. Сельское население очень медленно с большими трудностями переходило на рельсы новой советской идеологии. В семейном быту сохранялись все традиции и обычаи с незначительными инновациями, связанные с важными событиями, – это свадьба сына, внука, мероприятия по поводу рождения ребенка

---

¹ Zukhra Madamidznova (Tajikistan) with Ildar Mukhtarov (Uzbekistan). *The Fergana Valley in the Eras of Khrushchev and Brezhnev \ Fergana Valley. The Heart of Central Asia*. Edited by S. Frederick Starr with Baktybek Beshimov, Inomjon I. Bobokulov, and Pulat Shozimov. – M.E. Sharpe Armok, New York London, England, 2011. – 140 -164pp.

и последующие действия, связанные с особыми датами в жизни ребенка и, наконец, похоронно-поминальные мероприятия. Здесь ярко проявляется память народа. Она выпускает инновации, но только те, которые не идут вразрез традиции. Сегодня уже мы можем утверждать, что ни одно, даже самое ультрамодернистское течение не может избавиться от влияния традиционной шкалы ценностей, все еще играющих значительную роль в культуре. Так как таджикское общество в основном было сельским, и процессы урбанизации не слишком глубоко затронули его, можно говорить о некотором устойчивом ядре признаков, которые, однако, эволюционируют и постоянно дополняются другими.

Итак, процесс «советизации» оказался незавершенным, процесс урбанизации не смог расшатать традиционное общество таджиков, он впустил в традиционную систему инновационные моменты, которые, в целом, развивали общество. Здесь большую роль играла особенность таджикского менталитета, это толерантность и умение вести диалог. Особенность ведения диалога на разных ступенях социальности характеризуется древними социальными институтами – во-первых, роль и авторитет главы авлода или большой патриархальной семьи, которые могли решать любые вопросы внутри авлода, семьи или общины. В этом случае диалог формировал межличностные и общественные отношения, впуская новые понимания ценностей.

Далее. Возьмем семейно-родственную группу – авлод². На протяжении нескольких тысячелетий, институт авлода

---

² Бушков В.И. Таджикский авлод тысячелетия спустя // Восток, 2001, №5.

сложился и функционирует до настоящего времени, где большую роль играет статус главы авлода, глав больших патриархальных семей, где проявляется групповая солидарность и особенности внутрисемейных отношений. Исторически сложилось так, что в дореволюционном и Советском Таджикистане были сильны патриархальные воззрения. Это был патриархальный мир традиционного житейского уклада, который включал в себя веками отработанный механизм социализации, воспитание детей, подчиненность детей и женщин главе семьи – мужчине. Исследования таджикских ученых показывают незначительную степень инновации. Инновация наблюдается лишь в изменении формы и структуры семьи, происходит уменьшение числа больших патриархальных семей и увеличение малых, нуклеарных семей. Инновации происходят больше в городских семьях, происходит изменение внутрисемейных отношений, в статусе и роли женщины в семье. В сельской местности таджики более привержены традициям и слабо воспринимают изменения. Однако, институт семьи у таджиков очень силен и вряд ли произойдут глобальные изменения. Традиции по семье не находятся в застывшем состоянии, они движутся к инновации, не ломая традиции. Вполне возможно, что на изменения влияют различные факторы – экономические, политические, военные. Например, институт авлода в годы гражданской войны смог создать систему выживания таджикского этноса. Для этого института существует тысячелетняя традиция – сохранение семейно-родственных отношений, традиции памяти предков и т.д. В новых условиях члены авлода проявляют консолидацию восприятия себя как члена единой большой семьи с общим

предком. Таким образом, авлод существовал и существует во времени, в пространстве, и его традиция воспринимает изменения, инновации и развивается в новых условиях социально-экономического порядка.

Ментальность таджиков отвечает тому, что она очень быстро адаптируется, быстрое нахождение близких, родных в любом месте не только Таджикистана, но во многих государствах говорит о том, что таджик не может себя представить вне своей общины или семьи³. Налицо простые социальные формы, которые зафиксировала традиция таджиков, соответствуют уровню восприятия себя через общину, через авлод. Далее, наблюдаются в этом направлении инновации, идет усложнение социальных форм и традиций, которые требуют более глубокой культурной проработки. Адаптация таджика сегодня к мировому сообществу позволяет переоценить себя как личность и как таджика. Но простые формы психической жизни не могут исчезнуть совсем, они лишь окультуриваются, застраиваются более высокими слоями и направлены на конструктивную перестройку культурного сознания.

Другой пример. Свадьба и свадебные традиции.

Исследования этого института велось с 1901 года, затем в 1943 году Андреевым М.С.⁴ и Писарчик А.К. – таджиков долины Хуф, далее, свадьба таджиков Каратегина

---

³ Сухарева О.А. Традиции семейно-родственных браков у народов Средней Азии (в порядке дискуссии) // Семья и семейные обряды народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1978.

⁴ Андреев М.С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи) Стр. 96. Изд-во Академии наук Вып-1 Таджикской ССР. 1953г.

и Дарваза⁵, свадьба таджиков Ходжента⁶, свадьба таджиков Гиссара⁷, свадьба Истравшана⁸, свадьба Шугнана⁹ и т.д. Этнографический полевой материал четко фиксирует по всему Таджикистану единую свадебную обрядность. Сохранен традиционный подход к свадебному событию. Свадьба – это официальный акт создания новой семьи и издавна пользовалась вниманием общества. Смысл всего свадебного комплекса обрядов и ритуалов заключается в стремлении обеспечить благополучие брачного союза, создание продолжателей семьи и рода в целом. Свадьба состоит из нескольких этапов празднеств в доме невесты, и жениха, куда входят – сватовство, переговоры об экономических условиях брака (приданое, затраты на свадьбу и т.д.), помолвка, церемонии перевоза невесты в дом мужа и празднества в его доме. Большое значение имеет выполнение обрядовых действий с мифологическим смыслом. Анализ обрядовых действий позволяет определить традиционный смысл каждого обычая и обряда. Смысл

---

⁵ Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 3. – Душанбе: «Дониш», 1976.;

⁶ Ишанкулов Г.И. Семья и брак в Худжанде в новое время. – Душанбе, 1976.

⁷ Марданова А. Свадебное торжество у таджиков Файзабада. // История и этнография народов Средней Азии. – Душанбе: «Дониш», 1981. – С. 106-122., Моногарова Л.Ф. Семья и семейный быт // Этнографические очерки узбекского сельского населения. – М., 1969. Она же: Проявление этнических процессов в семейно-брачных отношениях в городской семье таджиков // Семья: традиция и современность. – М., 1990.

⁸ Тошматов Н.Э. Традиционная свадебная обрядность населения г.Ура-Тюбе и его сельской округи (конец XIX – первая половина XX вв.). -Душанбе; Бухара. 2016.

⁹ Юсуфбекова З. Семья и семейный быт шугнанцев (конец XIX – начало XX вв.). – Душанбе, 2001.

обряда заключен не в самих составляющих его движениях, а в том, что они обозначают или символизируют.

Так, у таджиков во время свадьбы для обеспечения счастья, многочисленного потомства, хороших взаимоотношений и ограждения от «злых сил» в обрядовых действиях изобиловали символы древнеземледельческих до-мусульманских ритуалов.

Символом плодородия считались плоды граната – атрибут богини плодородия Анахиты, несущей идею множественности, другие фрукты и ягоды (тут), зерна фисташек, орехи, пророщенная пшеница для обрядового блюда суманак, вареные яйца и т.д., которыми угощают, осыпают, одаривают брачующихся.

Символом счастья и богатства, согласия, увеличения плодovitости и вообще жизненных сил, а также и охранительной магии выступало зеркало, в которое смотрят-ся перед брачной ночью жених и невеста. В том же значении известны сладости: виноградный сок, мед, белый сахар, мука, деньги, иногда масло и молоко.

Большое значение отдается магии чисел и цвета. При дарообмене, закрепляющем родственные взаимоотношения, полагается определенное число лепешек, слоенных пирожков и других предметов. Обязательно белого цвета должны быть «пояндос», рубашка у жениха и нижнее платье у невесты.

Для ограждения от вредоносных сил окуривают дымом руты (испанд), проводят через очистительный огонь, зажигают светильники, организовывают факельное шествие, скачки вокруг свадебного поезда, стрельбу, прошивают иглой одежды жениха и невесты. Символика земледельческого комплекса в виде осыпания сладостями, обрядовым печенем имеет особый смысловой текст. В

доме молодого обычно выполнялись обряды приобщения новобрачной к роду, дому мужа через принесение жертвы очагу, поклонение предкам. Таким образом, в свадебной символике таджиков обычаи, обряды, ритуалы несли определенную смысловую нагрузку, выражались символами и всегда были ответственны за благополучие человека.

Как мы видим, свадьба включает в себя своеобразное сочетание обрядовой символики. Например, самое яркое сочетание обрядовой символики магии плодородия является обряд «рубинон». Этот обряд устраивался на следующий день после приезда новобрачной в дом мужа. К новобрачной подходил мальчик и веточкой плодового дерева, подняв лицевую занавеску, открывал ей лицо. На эту церемонию приходили все родственники новобрачного с подарками¹⁰. Необходимо отметить, что все этапы свадьбы исполнялись в основном в кругу ближайших родственников в доме невесты или жениха. Материальные компоненты свадьбы составляли затраты на исполнение свадебных обрядов и всегда присутствовали на всех этапах (предсвадебном, свадебном и послесвадебном) традиционной свадьбы. Эти мероприятия не требовали больших финансовых затрат.

Сегодня мы воспринимаем это как традиция или дань памяти прошлому. Свадебные торжества, проведение которых по традиции считается обязательным, сегодня

---

¹⁰ Мадамиджанова З.М. Этнокультурный взгляд на наследие таджиков. Сборник статей «Центральная Азия: Собственный взгляд». Изд-во «Принтхаус», г.Бишкек, 2006. С. 247-273, на англ.яз. С. 258-291; она же: Таджикская семья, как фактор этнокультурной безопасности // Вестник ЦСИ при Президенте РТ «Таджикистан и современный мир», 2003г., № 2.

включают множество инноваций¹¹. В чем же наблюдается трансформация или инновация? Таджики в последнее время уходят от традиционных форм обрядности, теряют роль древних по происхождению институтов, причастных к жизни семьи и так или иначе участвующих в подготовке брака и свадебного празднества. Если мы хотя бы бегло остановимся на этапах свадебного торжества, то увидим, что каждый этап имеет что-то новое.

Предсвадебные обряды в настоящее время сохранили форму брачного выбора – кузенные и кросскузенные. Такая форма была самой предпочтительной, браки устраивались между двоюродными братьями и сестрами по отцовской линии, и объясняется это причинами экономического характера (приданое, подарки, отдарки, расходы для новой семьи остаются внутри авлода) и обеспечением благополучия всех членов авлода. Такая форма остается предпочтительной сегодня и сохранится видимо надолго. Сохраняется весь цикл сватовства, но появились новые явления: такие как частые визиты брачующихся сторон, увеличение расходов на приобретение приданого невесте, подарков и отдарков родственникам брачующихся сторон.

Увеличиваются расходы на организацию и проведение всех мероприятий. Во-первых, стало участвовать большое число родственников и друзей родителей брачующихся. Во-вторых, начали практиковать проведение мероприятия «оши нахор». Раньше его проводили только на севере Таджикистана, как угощение для жителей махали, сегодня это мероприятие превратилось в большое угощение

---

¹¹ Литвинский Б.А. Семантика древних верований и обрядов памирцев // Средняя Азия и её соседи в древности и средневековье (история и культура). – М.: «Наука», 1981.

не только для жителей махали, но и друзей, родственников, сослуживцев и т.д. «Оши-нахор» последнее время исполняется на юге республики и принял такие же формы как на севере. Поэтому, один человек может пять или шесть раз посетить свадебные мероприятия, проводимые одной семьей.

Вопросы организации свадьбы, приданого и т.д. являются вопросами только двух семей, и это должно сохраниться. Другой важный момент – «чойгаштак» или «девичник», мероприятие, которое появилось у таджиков только в 60-ых годах XX века. В начале его возникновения он проводился в доме невесты, куда приглашались близкие ее подружки, одноклассницы, их было не больше 10. В настоящее время «чойгаштак» превратился в большое событие в доме невесты, приглашается большое количество гостей как со стороны невесты, так и со стороны жениха. Иногда некоторые семьи объединяют «чойгаштак» с «туи-фотиха» (помолвкой). В современной свадьбе таджиков прослеживаются инновации, которые появились в советское время. Например, невеста при регистрации брака бывает в белом платье, а жених – в черном костюме, на свадьбах много цветов, звучит музыка, гости поздравляют молодых. Обряд сформировался очень красивый, много национальной музыки, песен, стихов известных таджикских поэтов. Сама жизнь сформировала подход к сохранению традиционной свадебной одежды невесты. После основного свадебного мероприятия невесту привозят в традиционной свадебной одежде в дом жениха. Итак, вся свадебная церемония таджиков сопровождается символами и символикой плодородия, ритуальной чистоты, благополучия. Такая последовательность наблюдается до сих пор. Но имеются инновации, которые не

противоречат в целом традиционной обрядности таджиков. Инновации в основном несут организационно-экономический характер. Если посмотреть на свадебный церемониал сегодня, то те инновации, которые наблюдаются, связаны с экономическими и социальными причинами. Народ их принял, и совершает как предписание рациональное. Но инновация может быть не только рациональной, но и выступать как лакмусовая бумажка в выявлении более ранней традиции в определении, например, этнической истории народа. Например, исследователь семейных традиций хорезмских узбеков русский этнограф Н.П. Лобачева, исследуя свадебный обряд хорезмских узбеков, приходит к выводу, что не у всех узбеков Хорезма одинаково проявляется символика свадебной обрядности. Лобачева выявила два свадебных комплекса – северный и южный, которые существенно отличаются друг от друга¹².

Северный комплекс имеет общие черты со свадебным обрядом даштикипчакских узбеков, каракалпаков, казахов – народов, в этногенезе которых в разной степени присутствует кипчакский элемент. Лакмусовыми бумажками будут следующие традиции.

Лобачева зафиксировала в северном свадебном комплексе обряд, где мать жениха участвует в сватовстве и даже в переговорах о калыме, мать провожает невесту в свадебном поезде, для этого комплекса обрядов обязательно наличие таких персонажей, как посаженная мать и посаженный отец. Эти персонажи выбираются из близких родственников. Для этого комплекса характерно

---

¹² Лобачева Н. П. Свадебный обряд как историко-этнографический источник (на примере хорезмских узбеков), СЭ № 2, 1981, с.40.

ритуальное угощение жениха и его друзей бараньей грудинкой, выбирается арбакеш свадебного поезда, который не должен быть родственником, обязательное нечетное число в подношениях. Обряд набрасывания на невесту хомута перед отъездом в дом жениха. Лобачева считает, что в северном комплексе объединены свадебные обряды тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана, помнящих свою родовую принадлежность с кипчакским компонентом в этногенезе. В прошлом это кочевые или полукочевые, с ведущей ролью скотоводческого хозяйства народы, что наложило определенный отпечаток на их обрядовую символику¹³.

В южном свадебном комплексе хорезмийских узбеков при наличии общехорезмийских черт отсутствуют элементы северного комплекса. Как пишет Лобачева, в южных районах Хорезма велика роль общины, ее руководителей, уважаемых людей общины в переговорах о браке, в подборке брачных пар и проведении свадьбы. Арбакешем свадебного поезда выбирается всегда родственник невесты. Лобачева считает, что это связано с семейно-родственными браками. Невеста или ее янга при переезде в дом жениха держат в руках зажженный чирог (светильник или лампу). Родители в свадебном тоге не участвуют. Когда жених едет в дом невесты на никох, мать ему дает в руки курицу. Курицу получает и невеста от своей матери, когда после свадьбы посещает своих родителей. Жениха и его друзей угощают яичницей, а не грудинкой, как в северном комплексе. Здесь отводится особая роль петуху, яйцам, как символам плодородия и хорошего здоровья. Свадебный поезд с женихом встречают

---

¹³ Там же.

музыкой. При свидании жениха и невесты перед брачной ночью янга дает им посмотреть в зеркало. Так же очень интересные обряды, где ярко выражены символы оберега, символы благополучия. Например, при церемонии сватовства на дастархане от сватов должно быть четное количество лепешек. В предсвадебный период окрашивают невесте руки хной, прошивают халат жениха иглой на свадьбе. Таким образом, южный свадебный комплекс представляет собой смесь элементов свадебных обрядов оседло-земледельческого населения и кипчакского. Обрядовая традиция южного комплекса узбеков Хорезма широко распространена и у других узбеков без родового деления Центральной Азии.

Если сравнить обряды узбеков южного комплекса Хорезма со свадебным комплексом таджиков¹⁴, то увидим, что данное сравнение свадебного комплекса узбеков Хорезма имеет значительное сходство со свадебным обрядом узбеков-сартов других районов Узбекистана, таджиков, персов. Это свидетельствует о том, что в этом районе сильнее сохранились обрядовые традиции древнего земледельческого ираноязычного населения Хорезма. В прошлом на этой территории проживал народ с единой оседло-земледельческой культурой. Инновации были

---

¹⁴ Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Вып.1, Сталинабад, 1953; Ишпанкулов Х.Г. Брак и свадьба у населения Ходжента в новое время. Душанбе, 1972; Моногарова Л.Ф. Материалы по этнографии язгулемцев// Среднеазиатский этнографический сборник //Труды Института Этнографии АН СССР, новая серия, т.47, М.1959; она же: Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М., 1972; Моногарова Л.Ф., Мухиддинов И.М. Современная сельская семья таджиков/ М.,1972; Моногарова Л.Ф., Мухиддинов И.М. Современная сельская семья таджиков/ Материалы к серии «Народы содружества независимых государств» Вып. VIII. Таджики. Часть 1, М., 1992.

внесены намного позже, в результате антропологической ассимиляции местного оседло-земледельческого населения с кипчаками, в результате чего произошло взаимовлияние даштикипчакских элементов на оседло-земледельческие, а также постепенно происходил процесс изменения самоидентификации. Такую подборку традиционной обрядовой культуры таджиков через лакмусовые бумажки можно продолжить для определения не только этнической истории народа, но и для определения единого территориального происхождения. Видимо, по всей вероятности, традиционная обрядовая культура таджиков оседло-земледельческих племен возникла именно в то время, когда их мировоззрение было полностью подчинено поклонению стихийным силам природы, и можно отнести к кон. III – нач. II тыс. до н.э. В этом и заключается главное явление между традицией и инновацией, это процесс, который обладает конкретностью и живостью.

Именно поэтому наша традиция представляет обширный комплекс обрядовых действий, исполнявшихся с целью обеспечения благополучия, здоровья, ритуальной чистоты и т.д. Так существует, что таджики живут в традиции, но воспринимают изменения и инновации.

Гулчехра Кохирова,
доктор физико-математических наук,
член-корреспондент Национальной академии наук
Таджикистана, руководитель Отдела межпланетных тел
Института астрофизики Национальной
академии наук Таджикистана,
г. Душанбе

Астрофизические исследования в Таджикистане: от традиционного подхода через моделирование к эмпирическим свойствам

В последние десятилетия особую актуальность в астрономических исследованиях околоземного космического пространства приобрела задача выявления генетического родства между малыми телами Солнечной системы. Эта проблема имеет очень важное и фундаментальное и прикладное значение. Можно сказать, что это есть поиск ответа на вечные вопросы: что, откуда и когда появилось? Малыми телами СС являются кометы, астероиды и продукты их разрушения – метеороиды. Огромный ансамбль твердых частиц каменных или металлических и называемых метеороидами, имеющих общее происхождение, т.е. отделившихся от одного и того же родительского тела (кометы или астероида) и движущихся по близким гелиоцентрическим орбитам родительского тела, называется метеороидным роем. Наряду с астероидами и кометами метеороидные рои составляют важную популяцию малых тел Солнечной системы. При пересечении метеороидного роя с орбитой Земли некоторые его метеороиды

вторгаются в земную атмосферу, нагреваются, начинаются процессы свечения, испарения, ионизации, и в результате мы наблюдаем явление метеоров или метеорных потоков.

Проблема взаимосвязей между малыми телами СС является основным направлением астрофизических исследований в Таджикистане, проводимых в главном центре таких изысканий – Институте астрофизики Академии наук Республики Таджикистан. Для решения этих задач в Институте имеется хорошо развитые теоретическая и наблюдательная базы. Однако, как известно, кроме материальной базы и людских ресурсов, необходимы методы, на основе которых проводятся исследования, выполняются наблюдения и обрабатывается наблюдательный материал, интерпретируются и анализируются данные и результаты. Методы могут быть как известные, так и новые. Все они проходят апробацию, т.е. они должны доказать, что результаты, получаемые на основе их использования, надежны, объективны, достоверны и не противоречат уже установленным закономерностям. Отмечу, что по поводу последнего утверждения могут быть и редкие исключения. Очень важно использовать несколько методов, и потом сопоставлять результаты, проверять их согласованность или несоответствие, что также дает основание сделать заключение о достоверности методов.

Для изучения проблемы родства малых тел в Институте астрофизики разработан новый метод, на основе которого уже получены совершенно новые результаты и выявлены родительские тела многих метеороидных роев, и, следовательно, метеорных потоков, определена доля угасших комет среди околоземных астероидов, определено происхождение или природа некоторых

потенциально опасных астероидов. Метод заключается в моделировании орбит объектов в прошлое или будущее, вычислении теоретических параметров и отождествлении теоретически предсказанных параметров с наблюдаемыми свойствами. Данный подход является совершенно инновационным, т.к. ранее для решения таких задач просто сравнивали современные орбиты объектов, и если они были схожи, то делали вывод об общем происхождении тел. При этом не учитывалось, что орбиты подвержены гравитационным и негравитационным эффектам, и, следовательно, могут сильно меняться со временем. В результате, орбиты сегодня могут различаться в значительной степени, однако объекты являются родственными и в прошлом произошли от одного общего тела вследствие его фрагментации. Таким образом, возникла необходимость выяснения, какие орбиты были у объектов в прошлом. Так появились средства моделирования орбит небесных объектов на основе законов небесной механики и вычислительной математики. Созданные программы моделирования орбит или вычисление эволюции орбит позволяют находить орбиты тела в любой момент времени в прошлом или будущем с учетом гравитационного возмущения больших планет и их взаимных воздействий.

Прежде чем рассмотреть метод и этапы его реализации необходимо дать некоторые разъяснения по объектам исследований.

Кометы – малые тела Солнечной системы, обычно размером всего в несколько километров, состоящие, главным образом, из замороженных летучих веществ (льдов) и пыли. В настоящий момент открыто более 3500 комет. Орбиты комет являются типичными и называются кометоподобными. Полагают, что источником комет служит

пояс Койпера и облако Оорта, оба источника находятся далеко за 750 млн. км от Солнца. Когда кометы из глубин космоса приближаются к Солнцу, они выглядят как туманные объекты, за которыми тянется длинный шлейф, называемый хвостом, т.о. комета состоит из ядра, комы и хвоста.

Астероиды – самые распространённые малые тела Солнечной системы. В настоящий момент известно более 700 тыс. астероидов. Орбиты астероидов являются типичными и называются астероидными. Основное место нахождения астероидов называется Главным поясом астероидов, он занимает пространство между орбитами Марса и Юпитера, на расстоянии от 345-495 млн. км от Солнца. Размеры астероидов варьируются от нескольких метров до сотен километров. Состав астероидов является каменным или железокаменным. Вследствие гравитационных резонансов с планетами, главным образом с Юпитером, некоторые астероиды из области Главного пояса перебрасываются на околоземные орбиты, располагающиеся на расстояниях порядка 195 млн. км от Солнца. Их называют астероидами, сближающимися с Землей (АСЗ), и на сегодня открыто более 14 тысяч таких астероидов. И, наконец, небольшую часть популяции АСЗ составляют «потухшие» или «спящие» кометные ядра, представляющие собой конгломераты замерзших газов и твердых частиц. Такие объекты представляют собой конечное состояние кометных ядер после многократного прохождения через перигелий, в результате чего они покрываются толстой коркой, предотвращающей дальнейшую сублимацию подкорковых льдов. Образованные таким путем объекты содержат значительное количество летучих примесей и

имеют очень слабую структуру в отличие от истинных каменных астероидов.

Суммируя вышесказанное относительно комет и астероидов, можно утверждать, что кометы и астероиды различаются: внешним видом (для наземного наблюдателя); местом расположения в Солнечной системе; орбитами; физическими свойствами. Однако, на основе наземных наблюдений угасшие кометы и астероиды по внешнему виду различить невозможно, они выглядят одинаково. Поэтому очень важно использовать критерии, которые помогут нам определить природу отдельных астероидов и идентифицировать их как «высохшие» кометные ядра, а также определить долю «высохших» комет в популяции АСЗ.

Один из таких критериев – это тип орбиты. Как было отмечено, абсолютное большинство известных комет движутся по кометным орбитам, тогда как астероиды – по астероидальным. С помощью несложных вычислений орбиты объектов можно классифицировать на кометоподобные и астероидальные и уже сделать предварительное заключение о природе объектов. Но этого недостаточно, т.к. строгой границы здесь нет и уже известны астероиды с кометными орбитами и кометы с астероидными орбитами. Еще один критерий – это альbedo или коэффициент отражения поверхности объекта. Альbedo активных ядер комет являются низкими до 0.12, т.е. ядра комет являются очень темными. Поэтому можно ожидать, что астероиды, сближающиеся с Землей и имеющие кометное происхождение, имеют такое же альbedo. Но определение альbedo АСЗ является довольно трудной проблемой и на сегодняшний день общее число астероидов с известным альbedo, движущихся по кометоподобным орбитам,

составляет несколько десятков. Кроме того, лишь альbedo не является достаточным признаком кометного происхождения АСЗ, т.к. известно много не кометных темных астероидов в главном поясе, откуда могли придти некоторые АСЗ.

Суть нового критерия, разработанного нами для выявления угасших комет среди АСЗ, заключается в том, что мы считаем, что кометное происхождение имеют те АСЗ, которые движутся по кометоподобной орбите и имеют родственный метеороидный рой, образованный в период его кометной активности, и порождающий ныне метеорные потоки, наблюдаемые на Земле.

В настоящее время образование метеороидных роев в результате дезинтеграции кометных ядер не вызывает сомнений. Связь комет и метеорных потоков изучена довольно хорошо, и кометы рассматриваются как главный источник метеороидов и роев. Разрушение астероидов также приводит к образованию метеороидов, но устойчивый долгоживущий рой вследствие таких процессов образоваться не может. То есть наличие у объекта родственного метеороидного роя является очень сильным аргументом в пользу его кометной природы.

На этой концепции создан новый подход для выявления родственных связей между малыми телами и определения природы объектов, реализация которого состоит из следующих операций:

1. Необходимо смоделировать движение кометы или астероида, т.е. вычислить возмущение элементов орбиты для интервала времени, охватывающего один цикл изменений аргумента перигелия. Эволюция вычисляется нами методами Альфана-Горячева или Эверхарта. Отмечу, что, как правило, для околоземных объектов

один цикл изменений составляет от 3 до 10 тыс. лет, в более редких случаях до 20 тыс. лет и выше.

2. Необходимо найти орбиты объекта, когда они пересекают орбиту Земли. Таким образом, определяется землепересекающий класс орбиты родительского тела, т.е. находится количество пересечений за период одного цикла изменений аргумента перигелия. В большинстве случаев, околоземные объекты являются четырехкратными пересекателями орбиты Земли, а именно, за один цикл изменений аргумента перигелия орбита объекта четыре раза пересекает орбиту Земли. Более редкими случаями являются восьмикратные пересечения.

3. По найденным орбитам кометы или астероида, пересекающим земную орбиту, вычисляются теоретические радианты и скорости метеорных потоков, возможно родственных с исследуемым объектом. В случаях четырехкратных пересечений мы получаем набор теоретических параметров четырех предсказанных потоков.

4. Выполняется автоматизированный поиск теоретически предсказанных потоков во всех опубликованных каталогах наблюдаемых метеорных потоков и индивидуальных метеоров. Если все четыре теоретических потока одновременно отождествляются с наблюдаемыми активными потоками, то родственная связь этих метеорных потоков, а также роя, который порождает эти потоки, с исследуемым объектом считается доказанной.

Для демонстрации приведем реализацию метода на следующем примере.

Астероидно-метеороидный комплекс σ-Каприкорнид

Возможная связь астероида, сближающегося с Землей (АСЗ), (2101) Адонис, открытого в 1936 г., с известными метеорными потоками на основе схожести их элементов орбит и, как следствие, кометное происхождение Адониса, была предположена уже в 1947 г. Исходя из физических свойств, в частности, зарегистрированного аномального радиолокационного эхо Адониса, также было предположено, что АСЗ Адонис и ряд других астероидов, очень вероятно, имеют кометное происхождение.

Позже в 1995 г. был открыт АСЗ 1995CS, классифицированный как потенциально опасный астероид, и было сделано предположение, что он родственен с Адонисом, т.е., возможно они имеют общее кометное происхождение.

Элементы современных орбит АСЗ (2101) Адонис и 1995CS приведены в табл.1, где q , e , i , ω , Ω и π – перигелийное расстояние, эксцентриситет, наклонение, аргумент перигелия, долгота восходящего узла и долгота перигелия, соответственно. Все значения угловых элементов даны для равноденствия 2000.0. Для астероидов в последнем столбце приведены значения их эквивалентных диаметров d . Как видно из табл.1, элементы орбиты q , e , i объекта 1995CS очень близки к соответствующим элементам орбиты Адониса, включая близость направлений их перигелиев $\pi = \Omega + \omega$, отличающихся лишь на 5.2 град. Но долготы их восходящих узлов Ω и аргументы перигелиев ω отличаются в значительной степени, указывая на то, что объекты находятся в разных фазах их прецессионных циклов.

Сходство перигелийных расстояний, эксцентриситетов, наклонов и направлений перигелиев этих двух объектов и дало основание предположить, что в прошлом они отделились от общего тела или меньший по размеру 1995CS отделился от большего Адониса.

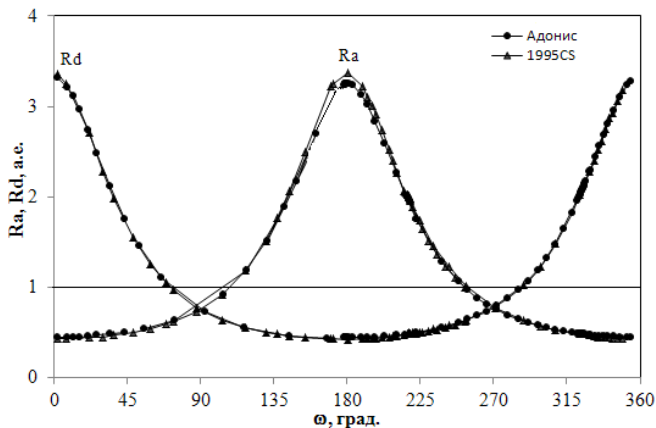
Таблица 1

Элементы современных орбит АСЗ (2101)
Адонис и 1995CS (J2000.0)

Объект	q (а.е.)	e	i (град.)	ω (град.)	Ω (град.)	π (град.)	d (км)
Адонис	0.44	0.76	1.33	43.28	349.79	33.07	0.8
1995CS	0.44	0.77	2.60	252.21	135.68	27.89	0.05

Для проверки имеющихся предположений мы вычислили эволюцию орбит Адониса и 1995CS на один цикл изменений аргументов их перигелиев методом Эверхарта с учетом гравитационных возмущений от больших планет. Моделирование движения АСЗ показало, что за время, охватывающее один цикл изменений аргумента перигелия (~13 тысяч лет), Адонис пересекает орбиту Земли четыре раза, т.е. является четырехкратным пересекателем. Астероид 1995CS за один цикл изменений аргумента перигелия (~11 тысяч лет) также пересекает орбиту Земли четыре раза, причем почти при тех же значениях аргумента перигелия, что и Адонис. Вековые изменения гелиоцентрических расстояний восходящего R_a и нисходящего R_d узлов орбиты Адониса и 1995CS в зависимости от аргумента перигелия ω показаны на рис.1. Как видно, Адонис и 1995CS пересекают орбиту Земли при четырех значениях $\omega = 72^\circ, 105^\circ, 253^\circ$ и 287° , и, следовательно,

связанные с ними возможные родственные метеороидные рои могли бы породить четыре метеорных потока.

Рисунок 1. Изменения гелиоцентрических расстояний восходящих R_a и нисходящих R_d узлов орбит АСЗ Адонис и 1995CS за один цикл изменений их аргументов перигелиев ω . Сплошная линия, соответствующая $R_a=1$ а.е. и $R_d=1$ а.е., показывает положения пересечений орбит АСЗ с орбитой Земли.

Таким образом, орбиты объектов в положениях пересечений с орбитой Земли найдены, и на их основе мы вычислили теоретические параметры метеорных потоков, возможно родственных с каждым из астероидов. Так как оба они являются четырехкратными пересекателями орбиты Земли, то для каждого вычислены параметры четырех метеорных потоков. На следующем этапе выполнен автоматизированный поиск предсказанных потоков во всех каталогах наблюдаемых потоков и метеоров.

В результате поиска все четыре теоретически предсказанных потока, связанных с астероидом (2101) Адонис,

были отождествлены с наблюдаемыми потоками: ночными σ -Каприкорнидами и χ -Сагиттаридами и дневными Каприкорниды-Сагиттаридами и χ -Каприкорнидами. Впервые эти метеорные потоки были выделены по результатам радиолокационных наблюдений метеоров в 1973 году. Потоки в настоящее время продолжают быть активными и содержатся в списке подтвержденных метеорных потоков Международного астрономического союза. Все эти потоки порождаются одним и тем же метеороидным роем σ -Каприкорниды. Рой состоит из огромного числа метеороидов с любыми возможными значениями аргументов перигелия ω . Но потоки образуют только те метеороиды роя, которые имеют значения аргументов перигелия близкие к величинам $\omega = 72^\circ, 105^\circ, 253^\circ$ и 287° . Четыре теоретически предсказанных потока, связанных с астероидом 1995CS, были одновременно отождествлены с теми же наблюдаемыми потоками, что и Адонис, и, следовательно, 1995CS принадлежит метеороидному рою σ -Каприкорниды, связанному с Адонисом.

Элементы орбиты, долготы Солнца и соответствующие даты максимума активности, геоцентрические координаты радиантов и скорости четырех теоретических (жирным шрифтом) и наблюдаемых потоков, связанных с АСЗ Адонис приведены в табл.2, и связанных с АСЗ 1995CS – в табл.3.

Существование метеорных потоков, связанных с Адонисом и 1995CS, является доказательством, подтверждающим предположение кометной природы этих астероидов, ныне находящихся в угасшей стадии.

Таблица 2

**Теоретические (жирный шрифт) и наблюдаемые
элементы орбит (J2000.0), геоцентрические радианты
(J2000.0) и скорости метеорных потоков
связанных с АСЗ Адонис**

Метеорный поток	q а.е	e	i°	Ω°	ω°	L_0^a	Дата	α_s°	δ_s°	V_s км/с	D_{SH}	Тип	Ката- лог
Северная ветвь ночного потока	0.466	0.808	7.5	106.9	281.4	106.9	Июль09	293.3	-13.8	26.0	-	N	
σ -Капри- корниды	0.431	0.758	2.1	107.6	290.3	107.6	Июль11	298.5	-18.4	24.6	0.17	N	S2
571	0.543	0.810	8.4	121.8	272.1	121.8	Июль24	303.0	-9.8	24.5	0.12	N	MORP
682	0.361	0.993	12.0	103.5	285.1	103.5	Июль06	291.4	-12.8	33.6	0.20	N	MORP
793	0.557	0.726	6.7	117.6	274.2	117.6	Июль20	299.8	-11.7	22.1	0.13	N	MORP
670711	0.484	0.850	7.2	108.7	279.9	108.7	Июль12	294.7	-14.2	27.3	0.05	N	PN
690723	0.510	0.750	5.5	120.7	278.3	120.7	Июль23	305.7	-12.6	23.0	0.17	N	PN
740807	0.465	0.670	2.3	104.7	290.7	104.7	Июль07	296.7	-18.5	21.5	0.19	N	PN
200710A	0.464	0.831	8.5	117.8	281.3	117.8	Июль20	303.6	-11.0	26.6	0.16	N	TN
230711	0.499	0.798	7.8	120.5	278.5	120.5	Июль23	304.9	-10.7	25.1	0.16	N	TN
240711	0.546	0.757	7.8	121.4	274.3	121.4	Июль24	303.6	-10.0	23.2	0.14	N	TN
Южная ветвь ночного потока	0.459	0.811	5.3	286.3	102.0	106.3	Июль08	295.1	-27.0	26.1	-	N	
χ -Сагиттариды	0.430	0.783	3.9	280.2	108.4	100.2	Июль03	290.7	-26.0	25.6	0.05	N	S3
Северная ветвь дневного потока	0.459	0.811	5.3	310.5	77.8	310.5	Янв.31	305.4	-13.7	26.0	-	D	
Каприкорниды- Сагиттариды	0.414	0.758	6.2	309.8	69.8	09.8	Янв.31	99.8	14.1	25.1	.14	D	S3
Южная ветвь дневного потока	0.466	0.808	7.5	129.5	258.8	309.5	Янв.30	307.9	-27.1	25.9	-	D	
χ -Капри- корниды	0.355	0.789	6.8	145.1	242.5	325.1	Февр.15	314.8	-23.3	26.8	0.12	D	S2

Таблица 3.

**Теоретические (жирный шрифт) и наблюдаемые
элементы орбит (J2000.0), геоцентрические радианты
(J2000.0) и скорости метеорных потоков
связанных с АСЗ 1995CS.**

Meteor shower	q (AU)	e	i°	Ω°	ω°	$L^\circ_\odot$	Date	α_g°	δ_g°	V_g	D_{S-H}	Type	Catalogue
T^{**}A^{**}	.439	.821	7.14	106.3	284.2	106.3	July 09	294.1	-14.5	26.9		N	
O σ -Capds	.431	.758	2.1	107.6	290.3	107.6	July 11	298.7	-19.0	24.6	.19	N	S2
O 571	.543	.810	8.4	121.8	272.1	121.8	July 24	303.0	-9.8	24.5	.12	N	MORP
O 793	.557	.726	6.7	117.6	274.2	117.6	July 20	299.8	-11.7	22.1	.13	N	MORP
O 670711	.484	.850	7.2	108.7	279.9	108.7	July 12	294.7	-14.2	27.3	.05	N	PN
O 690723	.510	.750	5.5	120.7	278.3	120.7	July 23	305.7	-12.6	23.0	.17	N	PN
O 740807	.465	.670	2.3	104.7	290.7	104.7	July 06	296.7	-18.5	21.5	.19	N	PN
T^{**}B^{**}	.472	.809	4.04	290.2	100.2	110.2	July 13	300.4	-25.5	26.9		N	
O χ -Sagds	.430	.783	3.9	280.2	108.4	100.2	July 03	290.7	-26.1	25.6	.05	N	S3
T^{**}C^{**}	.481	.806	3.99	309.7	80.7	309.7	Jan 30	303.7	-15.7	26.9		D	
O Capds-Sagds	.414	.758	6.2	309.8	69.8	309.8	Jan 31	299.9	-14.5	25.1	.18	D	S3
T^{**}D^{**}	.488	.804	6.87	128.9	261.6	308.9	Jan 29	305.1	-26.6	27.1		D	
O χ -Capds	.355	.789	6.8	145.1	242.5	325.1	Feb 15	315.0	-23.7	26.8	.11	D	S2

Подчеркнем, что, применяя вышеописанный метод, показано существование наблюдаемых метеорных потоков, связанных с Адонисом, что доказывает предположение, что этот астероид может иметь кометную природу. Установлено, что 50-метровый АСЗ 1995CS связан с тем же метеороидным роем, что и Адонис. Можно предположить, что 1995CS, очень вероятно, является крупно-размерным фрагментом Адониса, или как Адонис, так и астероид 1995CS, а также метеороидный рой, порождающий четыре вышеуказанных потока, имеют общее происхождение, отделившись от большего кометного тела

несколько десятков тысяч лет назад. Таким образом, все эти околоземные объекты образуют астероидно-метеороидный комплекс σ -Каприкорнид, образовавшийся в результате распада крупной кометы-родительницы.

Итак, алгоритм нового подхода в решении проблемы выявления родства малых тел начинается с традиционного этапа – сравнение современных орбит, затем переходит к этапу моделирования движения объектов в прошлом и вычисления теоретических свойств метеорных потоков, возможно родственных с объектом, и, наконец, в процессе поиска и отождествления теоретически предсказанных потоков с активными и наблюдаемыми потоками и, таким образом, подтверждения родственной связи между астероидом или кометой с одной стороны и роями с другой, завершается эмпирическим установлением природы или происхождения исследуемых объектов.

С использованием метода метеорного признака нами уже показано, что среди известных АСЗ доля угасших комет составляет почти 6%, из числа АСЗ кометного происхождения выявлены родительские тела некоторых метеороидных роев, которые ранее не были известны, установлена природа избранных потенциально опасных астероидов. Показано, что в составе роев наряду с мелкими метеороидами также имеются и крупные тела с размерами порядка нескольких декаметров, вторгнувшись в земную атмосферу, они произведут явления болидов или суперболидов. Метод прошел апробацию, результаты опубликованы в ведущих международных рецензируемых журналах и представлены на многочисленных международных конференциях.

Александра Спектор,
профессор Российско-Таджикского
(Славянского) университета,
г. Душанбе

Художественная литература третьего тысячелетия: поиски и находки

Конец XX-го века ознаменовался небывалым кризисом, захватившим литературу и искусство.

1990-е годы – время крушения многих идеалов не только в России. Постмодернистская идеология, сделавшая массовую литературу и массовое искусство (уже без кавычек!) ведущими, разрушила не только филологические каноны, разлучив язык и литературу, но определила деградацию идей, личности, не создав новую шкалу ценностей. Хаос, презрение ко всему нормальному, устоявшемуся веками, породили некое гибридное искусство-ремейки, сиквелы, приквелы и др. Человек представлен как «элементарная частица», а его клоны ненавидят всех и проклинают свое появление (М. Уэльбек). «Империя ангелов» (Р. Вербер) – на небесах, а ад – на земле, куда отправляют грешников.

Поиски новых тем и героев приводят как, например, у В. Пелевина к охаиванию всех и всего, великие достижения космонавтов. В этом мире не осталось ничего не только святого, но и просто положительного, поэтому «Географ глобус пропил», а «Общага на крови» (А. Иванов). Можно до бесконечности приводить примеры из книг, восхваляющих насилие, бесправие, жестокость,

доведённые до абсурда. Абсурд создает абсурдные «творения», в которых рождается вместо ребенка рыбка, съедаемая отцом; белые ящеры убивают своих родителей, хорьки совокупаются с девушками, проститутки превращаются в лисиц, а чекисты- в волков (В. Пелевин). Бандиты становятся героями («Шантарам» Роббинса), ученые – «ботаниками» (Б. Акунин) и любимый герой Гарри Поттер.

Томас Манн в романе «Доктор Фаустус» (1946), который часто называют его завещанием, создал образ композитора Адриана Леверкюна, стремящегося создать симфонию, основанную не на гуманизме, победе Добра, как в великом искусстве, а на разложении, на зле. Через 20-30 лет стремление композитора оправдались, в противовес взглядам и идеям автора, считающего, что победил Бетховен, гуманизм и добро.

Гуманизм, вера в добро исчезли со страниц книг, зло, чертовщина победили, превратив Фауста в жалкого, ненужного, смешного человечка, «ботаника». С горечью следует отметить, что, увы, великий немецкий гуманист оказался не прав в своих надеждах на будущее.

О Бетховене почти забыли, а «сатана правит бал».

В русской литературе Третьего тысячелетия вновь и вновь привлекают внимание авторов события Отечественной войны и Гулага. Небольшая временная дистанция между временем автора и историческим событием создает новые особенности жанра исторического романа. Исторические экскурсы создают новые модели личности, они чаще всего тоже служат Молоху, все разрушающему. Для примера обратимся к роману писателя, популярного, интересного, вызывающему своими поступками уважение- к «Обители» Захара Прилепина.

Огромный роман о «Соловецкой власти».

В романе «Обитель» почти 800 страниц охватывающих и исторические, и современные события. Время действия – «проклятые» годы репрессии 30-х годов. Место действия – соловецкий монастырь, названный старым его обозначением – обитель, а старое название определяет и описания старых событий, вплетенных в новое явление – Гулаг. Тема не новая, популярная в русской литературе, благодаря произведениям А. Солженицына и В. Шаламова.

«Обитель» во многом близка «Колымским рассказам» В. Шаламова. «Соловецкая власть» у Прилепина также беспощадно разлагает и убивает человека. Физиологические мучения – голод, холод – разрушают нравственные, этические и просто человеческие отношения. Расчеловечение определяет концепцию романа. Палач и жертва, меняясь местами, создают непрерывность разрушения личности. Унижение, непосильный труд, изощренные пытки и бессмысленность всего этого определяют «Соловецкую власть», цель которой, как подчеркивает начальник лагеря, перевоспитание, создание нового человека. Как и у В. Шаламова, те же лозунги, воспевающие труд, подчеркивающие страшную бездну поглотившую человека, выполняющего нелепые, намерено усложненные задания. Природа, окружающая обреченных на мучение и смерть заключенных, враждебная, холодная, застывшая. Чайки, нарушая все, что о них писали – хищные, жуткие птицы, чей гогот, страшный аккомпанемент «Соловецкой власти». Красноармейцы охранники – тупые, жестокие, безнравственные, утратившие человеческий облик. Их руководители – алкоголики, наркоманы, психопаты. Структура лагеря, его порядки

– все отличается бессмысленной жестокостью, некоторой ирреальностью.

Заклученные, разделенные на социальные группы-головники, бывшие политические деятели, участники революции гражданской войны нэпманы, ученые. Люди разных национальностей, из разных регионов страны. Есть заговорщики, но это мало понятные заключенные, обсуждающие и власть и литературу, но их объединяет стол с какой-то едой и такой же фантастической выпивкой. Они тоже способны на предательство, на подлость. Среди них нет такого майора, как у Шаламова. Безгеройная книга. Артем – кандидат на романтического героя, далеко не герой, его связь с Галиной, женщиной из руководства, мало похожа на любовь.

Лирическая сюжетная линия не удалась, не внесла ничего светлого, а скорее еще углубила не человеческое существование героя и не украсила представительницу власти. В их любви опять примат физиологии.

Кризис духовный, нравственный охватил всех. Автор создает образы монахов, которые, видимо, должны противостоять общему разрушению человека, внести нечто позитивное, но сбивчиво, противоречиво созданные характеры владыки, монаха-юродивого, их рассказы, их поучения, да и сама история Обители не стали позитивной стороной повествования, растянутого композиционно. Послесловие, комментарии к роману не внесли ничего нового, кроме отдельных фактов, сообщение о том, что стало с некоторыми персонажами, какое прошлое было у Галины, которую автор, видимо, считает героиней романа.

Ключевое слово романа для всех обитателей обители – выживание. И нет ни любви, ни подвигов, ни героев.

У «Обители» Захара Прилепина имеется своеобразное продолжение- роман «Власть соловецкая» русскоязычного писателя из Душанбе Леонида Чигрина. Но это другой ГУЛАГ, основанный на версии о том, что советское правительство после ВОВ постановило определить фронтовиков-инвалидов в специальные пансионаты, чтобы они не травмировали окружающих своим увечьем.

Один из таких пансионатов был устроен на острове Валаам в Ладожском озере, в той же группе островом, что и Соловцы. Одним из организаторов был Н. Френкель, упомянутый в «Обители».

Жизнь инвалидов-фронтовиков проходила в тех же ужасающих условиях, что и у заключенных «Обители». Те же конфликты, но фронтовики были более сплоченные, среди них немало орденосцев, героев войны, сильных и смелых людей, организовавших бунт, закончившийся неудачей. Но герою Михаилу Рощину, безногому инвалиду, удалось бежать, и он в 1953 году рассказал о «власти соловецкой». Его другом был таджик Даврон Иноятов, мужественный и достойный фронтовик-инвалид.

В 21 веке продолжает интересовать людей тема, удачно названная «соловецкая власть». Подобные ГУЛАГИ находились не только на берегах Белого моря, но и в Сибири, на берегах Енисея и Ангары.

В это же время, когда создавались романы «Обитель» и «Власть соловецкая» почти на эту же тему написан роман «Зулейха открывает глаза» Гузель Яхиной.

Гузель Яхина родилась и выросла в Казани, окончила факультет иностранных языков, учится на сценарном факультете Московской школы кино. «Зулейха открывает глаза» – ее первый роман, посвященный «всем раскулаченным и переселенным». Л.Улицкая в своем небольшом

предисловии к роману отмечает, что «Произошло редкое и радостное событие – пришел новый прозаик, молодая татарская женщина Гузель Яхина и легко встала в ряд мастеров». Яхину она относит к тем писателям, которые были «двухкультурные» – Фазиль Искандер, Олжес Сулейменов, Чингиз Айтматов, в творчестве которых сочеталась любовь к своему народу и уважительное отношение к людям других национальностей. Улицкая очень красиво и точно называет роман «Любовь и нежность в аду», отмечает «деликатное отношение к фольклору».

Роман начинается зимой 1930 года в глухой татарской деревне в доме зажиточного Муртазы, живущего с женой Зулейхой и старой матерью.

В отличие от «Обителя» время указано точно.

Зеленоглазая, хрупкая, маленькая Зулейха, прозванная свекровью «мокрая курица», живет в замкнутом мире своего дома, на женской половине. За 15 лет супружеской жизни она родила четырех девочек, почти сразу умерших. Быть замужем за работающим, здоровым мужем – почетно, но не иметь детей – стыдно. Олицетворение зла для нее – слепая свекровь Упыриха, ненавидящая ее. Муж полностью подчинен матери, но женился против ее воли. Старуха ему это не простила, но вымещала зло на безропотной снохе, всем в доме правила, хотя в знак протеста жила в отдельной избе, рядом с избой сына. Детали быта выписаны со знанием деревенской жизни и создают типичную крестьянскую атмосферу. Один день жизни женщины похож на все 15 лет. Фактически Зулейха живет с закрытыми глазами, механически выполняет свои обязанности, а их столько, что только «закрытыми глазами» их можно выполнить. Но она не ропщет, все оправдывает, считает, что ей повезло с мужем («хороший муж ей

достался. Сильный мужчина, большой. И работает умело»). Себя винит в смерти детей, не думая, что это следствие непосильного труда, стремится умилоствить духов, верит в них и с ними разговаривает. Все ее представления о жизни и смерти основаны на божественном вымысле, почерпнутом из молитв, сказок, народных суеверий. Ее мучают предсказания свекрови, основанные на ненависти к ней, но, к сожалению, они сбываются, принося ей страдания. Свекровь это понимает и, издеваясь над беспомощностью, наивностью снохи, справедливо замечает: «Ни ударить, ни убить, ни полюбить не можешь ... одно слово курица». Замечание, хотя и обидное, правильное. Муж ее выбрал, она за это ему благодарна, выполняет все, что положено, но сердце ее, чувства ее спят. От мужа ни ласки, ни заботы. Спит на сундуке, потому что маленького роста.

Муж обращается к ней : «женщина», не называя по имени. Рефрен ее жизни: «работай, Зулейха, работай». Такова жизнь женщины в деревне. Г. Гулям в своей поэме точно описал эту жизнь:

За чыбылдыком ночью первой
Впервые мужа увидав,
Была ему подругой верной
Любви и радости не знав.
А он тебе, лоснясь от сала,
Бросал обглоданную кость,
И ты услужливо глодала
Слезами политую кость.
И это счастьем называлось...»

Начало событий – «Стук в окно», предвещавший начало конфискации имущества. Раскулачивание уже

началось, и семья Зулейхи его ожидала. Её муж, не желая отдавать нажитое трудом, прячет продукты, режет скотину, а ненависть и бессилие противостоять обрушившейся беде вымещает на жене, избивая ее.

Изображение раскулачивания описано во многих произведениях. В книгах, написанных в период советской власти, отношение к раскулачиванию и коллективизации основывалось на том, что кулаки – враги, эксплуататоры и обязаны отдать добро, а сами должны быть выселены. Приравненные к врагам советского народа, они и жить должны там, где живут враги – на каторге, в Сибири.

М.А. Шолохов в романе «Поднятая целина», в общем оправдывая коллективизацию, о чем свидетельствует название книги, убедительно показывает, что среди кулаков действительно были враги советской власти. В казачьем «Гремячем Логе», как и в татарской деревне, резали скот, прятали зерно, чтобы не отдать колхозу. Если для М. Шолохова, А. Платонова, Б. Можая события 30-х годов – их современность и все происходящее представлено ими с позиции тех лет, то для Яхиной – это уже история. Она не касается коллективизации, сосредоточив внимание на конфискации и выселении. Описывая все это глазами Зулейхи, автор подчеркивает жестокость и несправедливость происходящего, ибо Зулейха и ее муж нажили свое добро своим трудом. Село пережило «большой голод», во время которого люди сходили с ума, занимались людоедством. «И вот опять: условный стук в ночи как предвестник большого несчастья». Можно спрятать продукты, что и делают зажиточные хозяева, но спрятаться людям от переселения невозможно. Переселение для Зулейхи закончилось гибелью мужа, застреленного Игнатовым, руководителем этой страшной процедуры. Встреча с человеком,

коренным образом изменившим ее жизнь, причастным к тому, что «мокрая курица» откроет глаза на мир, определяет дальнейшее развитие романа. Впрочем, и Зулейха будет способствовать тому, что и у Игнатова откроются глаза на происходящие события, на политику партии. Но вначале Игнатов молодой красноармеец – «посадка легкая, прямая, издалека понятно, что не кузнец, не плавьщик – воин», поет Интернационал, веря в то, что «с Интернационалом воспрянет род людской».

Из микромира, представляющего избу в татарской деревне Юлбаш, Зулейха под вой ветра выехала по гигантской равнине, сравниваемой «с гигантской белой скатертью, по которой рука Всевышнего разметала бисер деревьев и ленты дорог, над которыми торжественно восходит алое солнце». Красивая, изысканная метафора, завершившая первую, вводную часть повествования, сменяется мрачными картинами переезда раскулаченных. Краткое, выразительное название второй части – «КУДА?» Различные пункты, проходящие на пути переселенцев, ужасные своим одинаково негативным отношением к ним, вселяют мысли о том, что цель всей этой процедуры – уничтожить людей наиболее мучительным способом. Зулейху все чаще сопровождает страшный голос Упырихи, предсказывающей ее гибель. В текст вводятся то ирреальные картины, то петитом документальные сведения о тех, кто встречается на пути и определяет движение в «некуда», потому что сами начальники не знают «куда?». В это движение вливаются новые персонажи, представляющие врагов новой власти из разных мест, разных социальных, национальных, профессиональных особенностей. О некоторых из них вводятся новеллы, повествующие о их жизни и причинах постигшего их

несчастья. Например, профессор Вольф Карлович Лейбе из-за революционных событий утратил здравый смысл и долго не мог понять где и почему он находится. В эшелон переселенцев, двигающихся в Сибирь, поместили и уголовников, и интеллигентов-«ленинградцев», переживших, как и их город, три эпохи: Петербург, Петроград, Ленинград. Знакомство героини с разными людьми расширяло ее представление о жизни. Особенности развития характера причудливо сочетают натуралистические описания интерьера мечети, где их поместили и были осквернены святые книги и реликвии, камера, в которой когда-то сидел студент Императорского Казанского университета Владимир Ульянов, эшелона, в котором везли переселенцев, детали одежды, еды, выдаваемой в мизерных порциях, с суеверными видениями, с размышлениями о домовом, без которого в любом помещении нет души. Сравнение юного Ульянова, певшего «Марсельезу», с молодым Игнатовым, певшим «Интернационал», создает историческую переключку эпох.

Историзм – основа реалистической литературы, ибо предполагает рассмотрение всех процессов в их развитии и в связи с конкретными социально-историческими условиями, которые их порождают. И студент Казанского университета, и красноармеец Игнатов думают создать новые, лучшие порядки, уничтожив старые («до основания»). В книгах об этих событиях отражена жестокая борьба старых устоев, понятий, привычек с новыми. И Шолохов, и Яхина на конкретных примерах показывают как сложно проходит эта борьба, как трудно преодолеть инстинкты собственника в человеке: не отдам! Антропологические теории, опирающиеся на обоснование человеческой (биологической) сущности, раскрывают

эту сущность как стремление человека к собственности, к ее защите, вопреки всему. В романе Яхиной этот конфликт между стремлениями отобрать и не отдать раскрыт не только через Муртазу, но и благодаря Зулейхе, стремившейся отравить своих лошадей, но не отдать. Яд она сохраняла, пока его не смыли волны Ангары. Глубина конфликта проявилась в том, что при конфискации имущества Муртазы, те, кто выполняли приказ, сами с жадностью присваивали себе чужую собственность и ни с кем не хотели ее делить. Таков и эпизод с припрятанным бараном в телеге Зулейхи. Писательница довольно точно и тонко раскрыла психологию собственника.

В нечеловеческих условиях раскрывались и изменялись характеры людей. Одни мечтали о побеге, другие – спорили о том, кому принадлежат слова: «свобода подобна счастью» – Гете или Новалису, способны были восхищаться звездами, читать наизусть стихи французских авторов.

Но это у Яхиной. Интеллигенты у Прилепина нелепые. Не симпатичные люди и автор относится к ним с иронией.

Уголовники не знали ни жалости, ни сострадания ни к кому. Им хотелось есть. Трогательный эпизод, раскрывающий разное отношение к жизни, произошел с птичкой-пичужкой, которую уголовники наметили съесть, но Зулейха, тихая и казалось покорная, сломала доску, чтобы выпустить птичку и увидеть небо. Правда, через этот проем уголовники совершили побег. Допрос Зулейхи Игнатовым после побега части заключенных, несмотря на эту неприятную ситуацию, стал первым их свиданием наедине. Поступок Зулейхи, которая во время допроса собирает окурки, так как ее привычка наводить порядок

не позволяла допустить грязь в помещении. Комичность этой сцены, противоположной суровости допроса, создаёт кинематографический эффект, характерный для многих эпизодов книги. Допрос завершается многозначной метафорой. Уходя из комнаты, Зулейха видит как по стене ползет «огромный красный слизень, а мудрый усатый муж нежно улыбается им вслед». В конце допроса Зулейха падает в обморок и Игнатов несет ее на руках. Вот тогда-то профессор Лейбе и произносит диагноз, неожиданный для всех, «беременность – 18 недель».

Игнатов, сформировав эшелон переселенцев против своего желания стал их руководителем, а затем, когда был организован лагерь, стал его комендантом. Аскетически воспитанный Игнатов не приемлет никакие атрибуты, создающие уют, улучшающие его питание. Его раздражают занавески на окне, матрас, особенно стакан с подстаканником. Аскетизм Игнатова автор скорее осуждает, чем восхищается им, как, например, Михаил Шолохов – Давыдовым, Нагульным и Разметновым. Это тоже доказывает, что изменилось время, что Яхина – человек XXI века, когда власть денег опять сильнее идей равноправия. Детали быта, подробно перечисленные автором, способствуют тому, что создается представление о том, как жили в трудовом лагере, почему постепенно Игнатов начинает понимать своих несчастных подчиненных, которых он считал врагами, а теперь, скрывая от самого себя, им сочувствует, переживает их смерть, стыдится того, что они голодают, а холодильник коменданта полон продуктов. «Враги обедали кипятком = и от этого его каша кажется ему безвкусной». В развитии характера Игнатова важна судьба его наставника Бакиева. Обоим им по 30 лет, у обоих «за партию сердце даже не

болит – горит», но, в отличие от Игнатова, Бакиев начал понимать истинное положение в стране и предчувствует свою гибель. Игнатов уговаривает себя в том, что партия – справедлива, что разберутся и поймут, какой Бакиев преданный партии человек. Но, когда все-таки не поняли и не оценили, когда Бакиев погиб, это стало страшным ударом для Игнатова. Потрясение им пережитое от гибели друга меняет не только его политические воззрения, они меняют его характер, отношение к людям, его психологию, но трагизм ситуации заключается в том, что эти изменения происходят не до конца, надламывают его. В этом он похож на шолоховского Григория Мелихова. Идеи перестали быть смыслом его жизни, ему трудно принять и понять, что происходящие несправедливые ситуации не случайны. Игнатов все время ждал разрешения покинуть лагерь Семрук. Он жаждал военных подвигов во славу партии. В душе его росло чувство стыда за то, чем он занимается, ибо он начал понимать, что в основном лагерники никакие не враги советской власти, более того, многие из них хорошие и талантливые люди, несправедливо осужденные. Разочарования в политике партии, которой он был беззаветно предан, меняют его отношение к женщинам. Илона и Настасия привлекали его своей женской сущностью, как молодого мужчину. Любовь к Зудейхе – серьезное, глубокое чувство, ставшее смыслом его жизни. Зудейха, ухаживая за больным Игнатовым, понимает, что впервые в жизни встретила к себе уважение и любовь, вызвавшие в ней ответные чувства. Черный шатер, пахнувший бараньими шкурами, соединяет их. В черном шатре не было у них ни прошлого, ни будущего, поэтому он был черным, в нем было «только сегодня, только сейчас». Игнатов не новый трагический герой в

русской литературе, но он – представитель целой эпохи, соединившей начало советской власти с ее романтикой революционного героизма, с мрачными последствиями культа личности, разрушившими наивную и чистую веру в величие социализма. Яхина знает, что происходившие трагические события не были случайными и привели к падению великой страны. Отсюда открытый финал романа. Как и в «Обители», в обеих книгах – отрицательное отношение к советской власти, названные Прилепиным и Чигриным «Соловецкая власть».

Любовь, захватившая Игнатова, стала для Зулейхи потрясением. Любовь помогла ей раскрыть на многое глаза, пересмотреть все представления о том, чему ее учили, во что она верила: «терпела, столько лет жила, не зная, что бывает иначе. Теперь знала». Упыриха пришла к ней в разгар любви, чтобы вновь устроить ее, вернуть к прежнему, но Зулейха уже не боится ее: «Не смей являться мне больше! Это моя жизнь, и ты мне больше не указ! Прочь! Прочь! Ты давно умерла. И сын твой тоже!» Не мой муж, а твой сын, т.е. полное прощание с прошлым. Но, тем не менее, по неписанным законам, за все надо платить. Возмездие за любовь, за счастье – болезнь сына. Во имя спасения сына она отказывается от любви.

Фольклорные мотивы соединяют прошлое с настоящим. Не только суеверия, воплощенные в образе Упырихи, проходят через повествования. Главный фольклорный мотив заключен в легенде о Зулейхе и Юсуфе.

Сказание о «Юсуфе и Зулейхе» – древнейший памятник, имеющий фольклорную основу. О нем рассказывается в Торе и в Коране. По некоторым сведениям более 80 поэтов и писателей по мотивам сказания создавали различные произведения. Одним из авторов называют

Фирдауси, а одна, возможно, последняя поэма, создана Арифом Чохаби (1871-1943). Сказание посвящено любви юноши и девушки. Роман Яхиной – о любви матери и сына. Как отмечает Улицкая – это «женский роман... о женской силе и женской слабости». Как и знаменитые сказания, в нем отражены темы борьбы добра и зла, любви и верности, о жизни и смерти. Стиль книги содержит многие фольклорные приемы – сны, видения, религиозные ритуалы, народные суеверия. Образ героини, проснувшейся, открывшей глаза, – тоже близок фольклорным ситуациям. В образе Зулейхи немало от женщины-воительницы, особенно, когда она обращается с лошадью, бродит по лесу, охотится на медведя. Сочетая реалистические детали с мифолого-мистическими приемами, лексические, выразительно-изобразительные потоки, дающие возможность постижения высокой любви, онтологической, сакральной и современной, дали возможность Яхиной создать произведение высокой эмоциональности, близкого сказанию. Сказания – свойственны современным историческим романам, определяют специфику их историзма, их стиля («Старая Парма» А.Иванова, «Волкодав» М. Семеновой, романы Л. Чигрина). На протяжении всего повествования происходит инвестиция идей и приемов из различных сказаний, что определяет построение книги, название глав, употребление различных терминов из татарского фольклора. Особенно это проявляется в описаниях природы, создающие сказочный подтекст. Экстремальные природные катаклизмы сочетаются и усиливают социально-политические события (бурные волны Ангары, потопившие многих переселенцев, война, изменившая быт, побег Юсуфа, отплывающего по Ангаре и т.д.).

В романе любовь к сыну побеждает любовь к Игнатову, но это не исключает силу ее женских чувств. Более того, гуманистический пафос романа охватывает отношение к людям, насыщенное любовью и уважением, а не так, как у Артема и Галины, это любовь именно такая, которая почти исчезла со страниц современных книг, помогает героям выдержать самые страшные испытания и остаться людьми.

Сказание о «Зулейхе и Юзуфе» относится к христианской и мусульманской культурам. Взаимодействие двух культур, двух религий – одна из важных, интересно раскрытых основ во взаимоотношениях всех персонажей романа. Так, профессор Лейбе, принимая у Зулейхи роды, называет родившегося мальчика Юзуф: «Вдумайтесь только: здесь, в этой чертовой глуши – Юзуф и Зулейха. Каково, а?» Юсуф – Иосиф – повелитель и освободитель, воспетый во многих легендах, упомянутый в Коране (12 сура). И обмывают ребенка в бурных водах Ангары. Немец Лейбе, безусловно, знал великое творение Томаса Манна. Что же касается Зулейхи, то она была просто безмерно счастлива, родив сына, после потери четырех дочерей, после гибели его отца. После того, как сама, чудом выжившая, спасенная Игнатовым из этих самых бурных волн русской реки стала матерью. Воспитанием мальчика заняты не только мать, рассказывая ему о народных преданиях, о нравственной основе религии, но и художник Иконников, врач Лейбе и школьный учитель, бывший академик, и другие, окружающие его люди, видевшие в нем человека будущего. Образ Юзуфа, как юноши, ищущего себя, мятущегося между желанием стать врачом, как Лейбе, или художником, как Иконников, только намечен, только вступает на путь самопознания, задумывается о

своем предназначении. Вопрос о природе человека, о его месте на земле – один из коренных вопросов литературы, особенно остро стоит в XX-XXI вв. К сожалению, многие современные писатели, философы пытаются доказать ничтожность человеческой природы. Само рождение человека в романе Ж.-П.Сартра «Тошнота» представлено как отвратительный акт. В «Обители» сын не хочет встретиться с матерью, приехавшей к нему в лагерь.

Для репрессированных обитателей лагеря Семирук рождение ребенка – великое чудо, озарившее светом их беспросветную жизнь. Жить, а не выживать, как в «Обители», – ключевое слово в романе Яхиной. Труд, охота, рыбная ловля, строительство своего жилья, борьба с недугами, соседство с уголовниками, из которых формируют их охранников, – все составляло их жизнь, за которую приходилось ежеминутно бороться. Зулейха ощущала себя частью этого «большого и сильного мира, каплей в зеленом хвойном море». Суровая природа, окружающая поселенцев, подчеркивала и углубляла трагизм существования, но автор не делает его безысходным. «Смерть была здесь везде. Смерть была тесно, неразрывно переплетена с жизнью – и оттого не страшна», но в «Обители» смерть беспощадна. Страх убивает все человеческие чувства. Артему легче беседовать с крысой, чем со своими однокамерниками.

Сюжет романа Яхиной раскрывается в двух ипостасях: история России с периода коллективизации и до окончания Великой Отечественной войны, и судьбы вымышленных героев, переживающих эти события. Яхина уделяет больше внимания судьбам людей, пытаясь проникнуть в их психологию, понять как и почему им удастся сохранять силу духа, человеческое достоинство.

Вероятно, у персонажей романов были жизненные или литературные прототипы, что определяет их реалистическую основу, способствующую правдивому описанию трагедии страны и трагедии каждого человека. Трагедия в общем-то обычных людей поднята и раскрыта как общечеловеческая трагедия. В романах, которые мы называем историческими, отсутствуют исторические личности, но четко называются исторические события, приводятся документы, Правительственные постановления, что дает основание полагать о наличии исторической сюжетной линии, тем более, что известны исторические произведения, также не имеющие конкретных исторических героев («Тарас Бульба» Н.Гоголя, «Подруга французского лейтенанта» Д. Фаулза).

Каждая эпоха имеет свои особенности, которые необходимо учитывать автору из другого времени. При этом аналогии не исключаются, но они должны опираться на конкретные исторические закономерности. Стремление Яхиной и Прилепина понять и почувствовать то, что было сто лет назад привносит в повествование их личное понимание, их эмоциональное отношение к своим персонажам, которым они сочувствуют, сопереживают. Авторская позиция усилена тем, что невелика дистанция между временем автора и романским временем. Это особенность историзма современных исторических романов, имеющих аналогичную временную дистанцию («Доктор Живаго» Б. Пастернака, исторические книги Э. Радзинского).

Последние главы романов более конспективны. Война – отзвук далекого эха. Создание артели и колхоза. Строительство общежития вместо барака и возвращение домой. Седой, хромой Игнатов, потерявший должность

и много пьющий из-за несчастной любви, совершает последний поступок, свидетельствующий о серьезных изменениях в его мировоззрении: сжигает папку «Дело» о всех своих уже бывших подопечных и составляет метрику татарскому сыну Юзуфу, дав ему свою фамилию, тем самым облегчает юноше исполнить свою мечту – поступить в художественное училище. И нет больше кулацкого сына и открыт путь в большую жизнь, в которую он уплывает на старой лодке. На старом месте остаются Игнатов и Зудейха: она на одном краю поляны, он – на другом, но «они чувствуют друг друга и не видят морщин и седых волос». Теперь никто и ничто не мешает им быть вместе.

У Прилепина в примечаниях сообщения об участии главных. Но добавление к роману не раскрывают характеры персонажей, не сообщают что-то важное о жизни страны, а просто усложняют композицию книги. Можно предположить, что «Обитель» – символ страдания, через которое должен пройти человек. Но принесут ли тяжелые испытания ему радость, не известно.

В романе Яхиной выдвигается проблема межнациональных, межкультурных коммуникаций. Героиня – татарка со своим мышлением, с национальным языком, понятиями, фольклором. В начале романа она плохо знает русский язык, враждебно относится к русским: русские отняли ее богатство, убили мужа, выслали в далекую холодную Сибирь. По дороге многие татары, не вынеся сурового русского климата, умерли. Но общение с русскими интеллигентами («ленинградцы») помогло ей не только овладеть русским языком (все меньше у нее татарских слов), но и познакомиться с русской культурой. Происходит формирование межкультурного сознания личности женщины, способной воспринимать другой

язык, другую культуру, другой образ жизни. Новые знания помогают ей понять себя, свою человеческую и женскую суть. Она даже оказывается способной полюбить, понять человека другой национальности, человека, убившего ее мужа, отца ее сына. С юмором показывает Яхина как Зулейха воспринимает «чужого» мужчину. Не Игнатов, уже любимый ею, представляется ей ее мужем, а профессор Лейбе, принимавший у нее роды и видевший ее голой.

Именно восприятие чужой культуры «открывает» ее глаза. Она уже ставит себя на место другого человека, другой культуры при воспитании сына, в его выборе профессии. Но в свою очередь и она передает свои новые русским людям: умение общаться с животными, создавать уют. Этот прием эмпатии – важное достоинство книги Яхиной. В «Обители» национальные отношения даются вскользь, но, тем не менее, между русскими и людьми другой национальности нет взаимосвязей. Более того, презрительно-высокомерное отношение к кавказцам.

Роман Л.Чигрина в этом аспекте ближе роману Яхиной.

Итак, три романа на одну тему. В одном – «слепящая тьма», так назвал аналогичную ситуацию Кестнер. Но в другом пробиваются ростки нормальных человеческих отношений, которые можно назвать и толерантными, и гуманными.

Список использованной литературы

1. Прилепин З. Обитель.- М., 2013 г.
2. Чигрин Л. Соловецкая власть.- Душанбе, 2014.
3. Яхина Гузель. Зулейха открывает глаза. – М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной. 2016. 508 с.

Хайриддин Усмонзода (Идиев),
доктор философских наук, член-корреспондент
Национальной академии наук Таджикистана,
директор Центра стратегических исследований
при Президенте РТ,
г. Душанбе

Влияние музыки на формирование идентичности в меняющихся условиях

Влияние музыки на формирование идентичности личности имеет многоуровневый характер. Ее проявление можно проследить как на сознательном, так и на подсознательном уровне. Здесь особое место занимают разные стилистические и жанровые направления в музыке. Об этих явлениях мы задумываемся редко, несмотря на то, что оно составляет неотъемлемую часть повседневной жизни социума. Это позволяет взглянуть на музыку не только как на явление искусства, но и как на основание социальной идентичности личности.

Вопросы, касающиеся влияния музыки на формирование идентичности личности, нами были исследованы среды местных мастчинских общин в Согдийской области. Выбор данной общины объясняется тем, что наличие опыта проживания на равнине и чувства тяги к традициям, имеющим место у них до переселения из Горного Матчо, в некоторой степени оставил свой отпечаток и в изменении их отношения к разным стилистическим и жанровым направлениям в музыке. Перемена места жительства внесла существенные изменения не только в хозяйство этого населения, но также и порядок социальной

организации их общественной жизни. Структура личности в новом месте стала более открытой к восприятию новшества, исходя из трансформации структуры их общественной жизни. Люди начинают конструировать эту реальность теперь не только с опорой, оглядкой на ранее существующие традиции, но и с учетом требований новых условий жизни, изменения своего хозяйственного этоса. Если раньше в прежних местах постоянное ощущение присутствия давления первичных, родственных групп ограничивало рамки их обособленной жизни, то в новых местах это сводится к минимуму ввиду снижения интенсивности межличностных контактов, увеличения размеров общины, что также в некоторой степени снижает воздействие неформальных механизмов контроля на поведение людей. Поэтому в новых местах затрудняются попытки продолжения традиций общинной жизни, основанных на замкнутых родственных группах. По мере проникновения в ткань социальной жизни членов общины новых средств развлечений, информации снижается также уровень лояльности молодежи к ценностно-поведенческим ориентирам общины, и, в свою очередь, с усложнением потребностей индивидов сама община также постепенно ощущает затруднение в обеспечении выживания своих членов.

Исходя из вышесказанного, в новых местах расселения порядок совместной жизни предстает в различных проектах и предоставляет пространство для большого многообразия замысла. Сегодня образы, черты этих замыслов, видений возможных аспектов порядков общественной жизни постепенно начинают прорисовываться через устанавливаемый неформальными институтами общественного управления опыт в ценностно-поведенческом

ориентире социума. Традиционная социальная организация горного Матчо имела иную структуру регулирования поведения индивида, нежели та, которая формируется в новом Матчо, где границы взаимодействия с другими группами существенно расширились. В новых местах расширились также границы возможности наблюдать практику поведения других групп, заимствовать из нее образцы и т.д. Ограничения, налагаемые на поведение человека прежними общественными структурами, в новых местах ослабевают. Это часто приводит к конфликту поколений. Нормы поведения динамично меняются под натиском влияния внешних образцов и диктуемых новыми условиями жизни порядков. В поле структуры его отношений теперь входят постоянно не только внутриобщинные, но и внешние факторы с разными ценностными и поведенческими ориентирами.

Таким образом, ввиду того, что в опыте социальной жизни данного социума сведен к минимуму опыт осознания самого себя вне и независимо от собственной группы, можно сказать, что общинность в структуре его социальности преобладает над попыткам рационального обоснования целей и мотивов действий. Малейшая попытка самодистанцироваться от установленного в общине порядка подвергается жесткому санкционированию со стороны неформальных авторитетов и групп. Наиболее ярко эти проблемы можно наблюдать в поведении жителей селений с более устоявшимися традиционными связями, поэтому мы старались больше подвергать наблюдению их. В качестве такого места нами были выбраны села Рогиф и Оббурдон, относящиеся к первому участку, где больше всего нам представлялась возможность выявить субъектов, инициирующих новации и консервации

традиционных нормативов общины. Эти села сегодня особо выделяются своей сильной религиозной ориентацией, может быть, по причине наличия в них большого количества религиозных деятелей.

Поведение жителей этих сел находится под контролем неформальных институтов, существующих в селе – совет махаллы, совет учредителей мечети в составе восьми человек, которые благодаря своему авторитету сильно влияют на формирование общественного мнения населения. Практически все жители этих сел посещают пятничную молитву в мечети. Регламентация и контроль над поведением молодежи осуществляется через их родителей, которым в случае отсутствия должного внимания за четким соблюдением принятых норм делается замечание имамом и аксакалами.

Следует отметить, что вышеназванные правила поведения широко распространены и почти беспрекословно соблюдаются в селе. Свадьбы проводятся теперь без музыкального сопровождения, предоставления спиртных напитков, иногда без официальной регистрации. Эти свадьбы чаще называют «туйи амри маъруф» (назидательные свадьбы). При таких свадьбах, приводя невесту в дом, её размещают в отдельной комнате, куда мужчинам доступ запрещен. Женщины и мужчины сидят в отдельных комнатах и слушают суры и назидания, читаемые муллой. Жители села говорят, что они сами добровольно выбрали такую форму проведения своих мероприятий, ибо она не требует больших расходов. Однако некоторые молодые склонны к введению некоторых современных элементов в эти мероприятия, если на это будет разрешение аксакалов и религиозных лидеров. Пока они вынуждены предпочесть такую форму свадьбы, которая

зависит от воли имама и старейшин. Исходя из этого, можно сказать, что именно они в основном являются здесь субъектами инициирования социальных изменений и их консервации. Акцентирование экономической выгоды этих мероприятий постепенно начинает повышать к ним интерес даже в тех общинах, которые себя считают умеренными.

Таким образом, социальная жизнь населения рассматриваемых сел насыщена элементами религиозных ритуалов, обрядов, которые призваны заполнить вакуум, образовавшийся вследствие развала союзного государства и оторванности от коренных, исконных мест проживания. Ибо сегодня можно наблюдать, что после переселения в новые места были забыты многие прежние традиции, регулирующие правила поведения и отношения людей. Если в недавнем прошлом здешняя социальная жизнь отчасти регламентировалась укорененными нормами и правилами совместного образа жизни, и, следует признать, не безуспешно, то с развалом союза данный социум, как и в других местах, встает перед необходимостью выработать новые ориентиры упорядочивания социального взаимодействия. В этом процессе произошла резкая активизация роли ислама в упорядочении жизни людей. В общественном сознании укоренилось убеждение, что актуализация ислама – это своего рода дань памяти предков и является признаком возрождения своей культуры. Наблюдения показывают, что усиление роли исламских канонов здесь в общественной жизни сопровождается также возрастанием бедности, безработицей, деморализацией трудоспособной части населения и т.д. Тем самым постепенно происходит отчуждение общественного сознания от прежних традиций и о многих из

них у поколений, выросших в новых местах переселения, осталось лишь смутное представление и не более того. Следует отметить, что в ходе исследования путем сравнительного анализа мы пришли к выводу, что это положение редко встречается в общинах, живущих в течение жизни многих поколений постоянно лишь на одном месте.

Рядом с Рогифом расположено село Оббурдон, население которого в основном родом из одноименного села в горном Матчо. Они обычно там и здесь в глазах своих земляков отличаются своей строгой религиозностью и глубоким знанием канонов ислама. В селе Оббурдон по инициативе ишана Мирзо образовано суфийское кольцо кадиритского толка, и каждую вторую пятницу люди, собираясь вокруг него в мечети, совершают нечто подобное суфийскому ритуалу «зикр». Одним из постоянных участников этих мероприятий является брат ишана Мирзо ишан Абдукудус, который и во время нашей беседы с ишаном часто впадал в рыдания, показывая тем самым силу воздействия слов брата на его последователей. Мы перед беседой с ишаном Мирзо спрашивали его брата об истории образования данного суфийского кольца и отношении населения к нему.

Многие жители Матчо в организованном ишаном Мирзо суфийском кольце видят основы поиска общинной своих смысловых концептов социального и духовного бытия, забвение которых обязательно приведет к социальным болезням, духовной амнезии общины и т.д. В этом аспекте их отношение к исламу в основном строится на попытке использования его потенциала в целях духовного и цивилизованного роста общины. Исходя из этого, халка притягивает к себе не только жителей села

Оббурдон, но также и население ряда близлежащих сел. Об ишане Мирзо ходят также легенды о том, что будто бы во сне он получил от одного мудрого старца перстень в знак возложения на него миссии организации суфийской халки.

Он был убежденным в том, что человеку с помощью разума удастся убедиться в правильности выбранного пути и ожидаемой от этого награды. Эту возможность ему предоставляет исходящее от сердца чувство. На наш вопрос о том, что почему здесь у людей мало интереса к музыке, он отвечал, что в годы советской власти чтение произведений представителей суфизма и религиозной литературы не поощрялось. Эти вещи редко встречались. Поэтому на мероприятиях исполнялись песни, музыка, не совсем приходящиеся по душе населению. Они были далеки от этических принципов ислама. Исходя из этого, песни и музыка выработали к себе отрицательное отношение у населения. Теперь, когда появилась возможность распространения истинной классической поэзии, это может быть открыт путь также к достойному восприятию населением музыки.

Таким образом, здесь видно, что общественная деятельность населения активно разворачивается не только в рамках устоявшихся институтов, но оно постоянно пытается создавать новые объединения и новые рамки взаимодействия. Часто эти объединения, наподобие суфийского круга шейха, основываются на разделении людьми общих ценностей и отличаются как от родственных, так и от создаваемых целенаправленными усилиями государства институтов. Следует отметить, что каждое из этих объединений старается по мере возможности внести свою лепту в упорядочивание социального порядка в

соответствующих общинах путем внедрения или поддержания определенных ценностей и норм поведения. Хотя в этом отношении мнения людей расходятся, и каждая группа постоянно стремится к тому, чтобы убедить других в старинности, традиционности принятых ими ценностей и норм поведения. В то же время следует отметить, что отдельные моменты этих новаций не могли не оставить свой отрицательный след в виде незаслуженного отвержения членами этих общин отдельных старых форм связей, норм поведения и т.д., которые еще могли бы успешно сосуществовать наряду с изобретенными традициями в новых местах поселения. Подходящим примером того могут стать слова жителя 1-го участка Асомуддина о том, что некоторые новации последних лет стали причиной разрыва в преемственности отдельных традиций населения здешних мест, ранее успешно бытовавших в прежних местах проживания. Например, по его словам, распространившаяся сегодня практика вытеснения музыки из проводимых здесь мероприятий постепенно приводит к утере навыков игры на национальных музыкальных инструментах у тех, кто раньше хорошо владел этим мастерством. В том числе и он сам, хотя раньше обладал таким умением, однако теперь разучился.

Тем самым, можно сделать вывод о том, что музыка и отношение к ней всегда показывают, каким образом происходит самоидентификация человека на социокультурном уровне.

Абдурахим Джураев,
кандидат философских наук, доцент
Таджикского университета права, бизнеса и политики,
советник ректора по международным связям,
г. Худжанд

Глобальный мир: национальная культура и диалог

Несмотря на обилие литературы по проблемам глобализации, анализ новых проявлений этого феномена с целью определения тенденций ее развития, последствий глобализации для культур развивающихся стран остается актуальной задачей обществоведов, философов, культурологов, антропологов.

По словам Хабибула Хака Хонгира: «Глобализация – героический процесс, глобализация – зловещий процесс, в зависимости от того какую сторону дебатов каждый поддерживает. Некоторые склонны рассматривать глобализацию как сокрушительный поезд, ломающий все на его пути, другие видят выгоду на борту поезда, ведущего к экономическому росту и модернизации» [11, с. 1].

Неоднозначна реакция на изменения, происходящие в мире, в связи со «сжатием мира» и проникновением новых духовных ценностей в страны с недостаточно развитой экономикой. Еще задолго до формирования глобальной ситуации, влияющей на жизнь отдельного человека и всего человечества, одна из турецких интеллектуалов, Халиде Эдип Адывар, писала: «Возможно ли было достичь широкого распространения западных идеалов, не изменяя самой природы исламского общества?» [4, с. 38].

Чем больше глобальные тенденции приобретают общемировой характер, тем очевиднее они наводят на мысль об угрозе национальным культурным идентичностям как о существенном негативном факторе глобализации. Унификация и стандартизация образа жизни, традиций, культуры рассматриваются как следствие надвигающегося стремительными шагами явления глобализации.

Как отмечает Е.С. Посметьева, «технологически отсталые локальные цивилизации отвечают на вызовы постиндустриального глобализирующегося мира всплеском чувств культурной, религиозной идентичности, нередко отвергают новации развитых стран» [8, 293].

Процесс перехода от традиционного к современному обществу, усиливающегося глобализационными тенденциями, намного сложнее, чем мы его представляем. Он зависит от совокупности исторических, культурно-ценностных и мировоззренческих позиций субъекта-нации. Это приводит к необходимости пересмотра традиционных решений в связи с новыми условиями выживания человечества. Видимо, должна быть значительно повышена осознанность решения этих проблем. Нет сомнения, что становление общества, связей и отношений в нем теснейшим образом связано с многообразием его культурных, исторических, экономических и иных ментальных проявлений народов и наций, однако они не могут быть раз и навсегда зафиксированными, неизменными, они трансформируются при взаимодействии с другими культурами, вызывая изменения в самом субъекте культуры-нации. Нация как единый организм может существовать в своем качестве, только будучи целостной саморазвивающейся, но и открытой системой, обеспечивающей это

саморазвитие. Глобализация вызывает у развивающихся стран обеспокоенность тем, что сегодня перед ними, как никогда раньше, остро стоят вопросы: как сохранить свою национально-культурную идентичность в условиях все более усиливающегося интенсивного межцивилизационного взаимодействия? Как обрести потенциал для дальнейшего развития и быть современными?

По взглядам некоторых авторов, наиболее важным проявлением глобализации является глобализация национальных культур. Особо подчеркивая ее воздействие на культуры, они предостерегают человечество от губительных последствий встреч разных культур и религий. Это мнение в наиболее яркой форме представлено С.Ф. Хантингтоном в известной его работе «Столкновение цивилизаций».

С.Ф. Хантингтон отмечает, что «...культурные особенности и различия менее подвержены изменениям, чем экономические и политические, и вследствие этого их сложнее разрешить, либо свести к компромиссу» [9, с.282-283].

По Хантингтону межкультурные связи и интенсификация отношений, вызванные глобализацией не способствуют сближению, а наоборот усиливают эти различия, становясь источником конфликтов цивилизаций.

Культура и религия представляется С. Хантингтоном как лейбницевские монады: «Монады вовсе не имеют окон и дверей, через которые что-либо могло бы войти туда или оттуда выйти» [5, с. 413-414].

Мнения ученых, философов, культурологов, антропологов, общественных деятелей по поводу феномена глобализации достаточно противоречивы. Убежденные «западники» склонны отождествлять глобализацию с

вестернизацией, рассматривая отношение Запада ко всему незападному в контексте отношений превосходства и отсталости. «Но быть современным без того, чтобы быть более западным, трудно, эти два понятия неотделимы. Запад поставил оценку «всему остальному», и это не просто наследие технологического и материального производства. Это скорее лежит глубже, в сфере идей», – отмечает Фарид Закария в беседе с Ли Куан Ю – бывшим премьер-министром Сингапура [10, с.126].

По мнению западников, развитие незападных культур нельзя представить иначе, чем следование распространяющимся по всему миру, западным ценностям, что угрожает принципу сохранения многообразия мира. Очень часто экономические показатели становятся основанием для доминирования в сфере культуры, особенно западной культуры. Замена национальных культурных традиций западными традициями и приводит к господству одной культурной формы над всеми остальными как другими, несовершенными, отсталыми, традиционными.

Как отмечает Э. У Байдаров: «В основе глобализации – это прежде всего культурная стратегия Запада, направленная на покорение и порабощение всего «другого», незападного, некультурного, нечеловеческого. Глобализация – это принятие норм, ценностей и институтов западного бытия всем человечеством в качестве необходимости закона, «веления времени». В этой стратегии все «незападное», своеобразное, другое должно исчезнуть или занять свою скромную нишу в установленной системе ценностей» [1]. Однако все дело заключается в том, как определить, где грань между отсталостью и различием. Несомненно, развитие культуры непосредственным образом связано с развитием экономики, однако абсолютного

совпадения не может быть. Важнейшим вопросом является то, насколько глобализация способна обеспечить культурное разнообразие и возможно ли взаимообогащение при взаимодействии культур превратить в органическую особенность процесса глобализации? Феномен глобализации в ракурсе стремления народов к самобытности и самоопределению в современном мире представлен в концепциях У. Геннерса и Ш. Эйзенштадта.

У. Геннерс в отличие от убежденных западников показывает в своей теории глобальной Ойкумены четыре сценария глобализации, указывая на желательные и нежелательные последствия этого феномена. В первом сценарии – «глобальная гомогенизация» – предполагается полное доминирование западной культуры. Вторым сценарий «сутурация-насыщение» – связан с тем, что периферия впитывает в себя все культурные образцы центра, насыщается ими, и на протяжении длительного периода местные культурные формы исчезают, что приводит к культурной однородности. Третий сценарий «периферийная коррупция» – упадок и разложение западной культуры в процессе адаптации на почве ее слабости. Четвертый сценарий – это «созревание». Последний сценарий предполагает не просто слепое восприятие, а равный диалог и обмен, когда проникающая культура метрополии обогащается некоторыми ценностями периферии или наоборот, когда дается собственная интерпретация привнесенным идеям [3].

По мнению У. Геннерса, «созревание» является наиболее приемлемым сценарием развития глобализации и предполагает позиционирование себя как субъекта культуры, готовность и способность к равноправному диалогу. Стороны диалога избирательно подходят к

заимствованиям, осознанно допускают их или предохраняют от неупорядоченных внешних воздействий.

Нельзя не согласиться с мнением Ш. Э. Эйзенштадта, что глобализация создает не только условия для гомогенизации культур, но и многообразия культур по причине разнообразия культурных реалий, в которых оказывается опыт, пусть даже однородный. Однако воздействие может иметь двоякое значение: случай, когда при воздействии доминирующей культуры воспринимающая сторона пассивна, неспособна активно реагировать на изменения, происходящие в теле культуры. И здесь опыт видоизменяется, но неосознанно. И это не исключает создания некоторого нового своеобразия культур. Однако посредством реализации основной сути феномена культуры – диалога – взаимодействие осуществляется на иных основаниях, предполагающих субъектность взаимодействующих сторон.

Нет сомнения, что в социокультурном общении, в контексте исторического движения культур диалог представляет собой важнейший компонент саморефлексии и саморазвития культуры. Поэтому понимание сущности культуры в связи с ее основным свойством – диалогом сегодня, как никогда раньше имеет большое значение. Учет возможностей ее практического приложения при решении глобальных проблем как адекватного ответа назревшим угрозам мирного человеческого существования на Земле, гармонизация отношений между различными цивилизациями требует обращения к теоретическим и практическим возможностям концепции диалога культур.

Все более актуализируется рассмотрение сущности культуры и ее неотъемлемого свойства – диалога культур,

что позволяет проанализировать истоки своеобразия национальных культур и раскрыть закономерности их развития в объективном процессе взаимовлияния культур.

Как известно, идея диалога культур разрабатывалась М.М. Бахтиным и углублялась В.С. Библером. В.С. Библер, исследуя творчество М.М. Бахтина, отмечает: «М.М. Бахтин понимает культуру как форму общения людей разных культур, форму диалога; для него “культура есть там, где есть две (как минимум) культуры, и что самосознание культуры есть форма её бытия на грани с иной культурой» [2, с. 85].

Встреча культур, сопровождающаяся саморефлексией, – это путь к самоидентификации культур и формированию культурной идентичности ее носителей. В то же время это и осознание необходимости и возможности не только сохранения, но и самоизменения и саморазвития посредством приобщения к иному опыту. Традиционные общества при взаимодействии с современностью оказываются в таких условиях, когда им приходится отказаться от неэффективных, нерациональных форм поведения, традиций, ритуалов в силу возможности, предоставляемой им при встрече с другой культурой, – возможности смотреть на себя со стороны. Это наиболее осязаемая часть непосредственных связей и позитивные результаты взаимовлияния. Однако подход к культуре от единого знаменателя при взаимодействии культур может привести к отождествлению различия с отсталостью: все, что незнакомо, не заслуживает принятия и признания.

Смысл и значение культурного опыта для его носителей определяется индивидуальной логикой исторического развития данной культуры.

Как отмечает В.М. Межуев, «первым и, возможно, наиболее важным условием вступления в диалог является отказ его участников от какого-либо предварительного знания истины» [6, с. 371].

Люди, вступая во взаимодействие в процессе диалога, изобретают мир через другое восприятие и приобретают возможность обогатиться новым опытом.

Эта мысль приводит к определению культуры как феномена существующего для реализации особой миссии, связанной с трансмиссией опыта между поколениями (диалог поколений), между народами и нациями (диалог между народами и нациями), между отдельными людьми (диалог между личностями).

«По мнению М. М. Бахтина, «диалогичность – свойство и суть бытия культуры. Там где культура теряет это свойство, она теряет свою суть» [2, 85]. Если бытие культуры и ее развитие возможны благодаря общению людей, и если глобализация приводит к неимоверной интенсификации общения людей, принадлежащих к разным культурным и религиозным общностям, следовательно, глобализация как никогда раньше усиливает возможности диалога как фактора взаимного обогащения культур, ведя культуру к все большему проявлению ее сути.

На наш взгляд, сущность культуры прежде всего связана с определением или характеристикой человека, субъекта культуры – народа, нации, личности с точки зрения меры освоения им накопленного опыта и дальнейшего его развития¹. Культура, будучи характеристикой

---

¹ Наиболее развернутый анализ существующих концепций и определений культуры дан известным российским философом-культурологом В. М. Межуевым в книге «Идея культуры. Очерки по философии культуры». – М.: Университетская книга, 2012. – С. 280-309.

человека, проявляется не только в деятельности, но и в отношениях и результатах деятельности. Культура есть особая сторона и особый вид отношений между народами и нациями, между новым и старым поколением, отдельными личностями по поводу освоения человеческого опыта и его дальнейшего развития². В этом заключается сущность бытия культуры как особого общественного явления. В этом смысле диалог-общение – непременно условие развития культуры, в котором качество субъектности вступающих в диалог имеет существенное значение.

Культуры и раньше развивались в рамках диалога, но, ограниченные пределами локального взаимодействия, в условиях глобализации они встречаются с ценностями отдаленных от них культур, благодаря информационным технологиям приобщаются к новым резервам и к новому стимулу для развития.

Культура есть общение с другим субъектом культуры, в котором она приобретает способность оценки степени овладения ею и другим накопленным человеческим опытом. Это обуславливает интерес к взаимодействию в форме диалога. Различие в культуре определяется тем, что из

---

² Ретроспективный взгляд на историю развития таджикской национальной культуры свидетельствует о том, что предложенное понятие культуры в наибольшей степени отражает специфическую функцию и суть этого социального явления. Так называемый Ренессанс Аджамы стал уникальным явлением в истории таджикской культуры, потому что этот период обеспечил высокий уровень освоению не только собственного прошлого доисламского и исламского культурного опыта, но и освоение культурного опыта европейской античности (греческой философии, медицины и т.д.), наиболее ярко проявляя свойство диалогичности, и обеспечил также дальнейшее развитие опыта. Поэтому, когда мы говорим об уровне культуры нации, мы подразумеваем то, насколько нация как субъект культуры смогла освоить из накопленного человечеством опыта, и в какой степени она развила его дальше.

накопленного опыта освоил человек как субъект культуры – народ, нация, поколение, эпоха, личность. Однако, говоря об исторической обусловленности проявления этого основного свойства феномена культуры, надо сказать о пике обнаружения его в условиях «сжатия мира». Может ли это, в конечном счете, привести к однообразию культур? Надо сказать, что деятельность человека по освоению одного и того же опыта осуществляется разными субъектами культуры, многообразием форм культурной субъектности – разными нациями, народами, личностями. При переводе опыта одной культуры в другую объективным образом происходит видоизменение опыта. Поскольку каждый субъект культуры имеет свое орудие освоения, свой потенциал, свою социально-культурную обстановку, климат, национальную почву, свои исторические корни, и они обуславливают «вариативность» (Ш.Э. Эйзенштадт) его освоения. Так что в эти отношения субъектов культуры заложено условие порождения нового своеобразия культур, исчезновение которого беспокоит многих антиглобалистов, которые говорят об унификации культуры, причисляя ее к негативным последствиям глобализации культуры.

Однако уникальностью субъекта культуры обуславливается уникальность приобретённого им опыта и специфика его использования. Взаимодействие культур представляет собой многообразную активную деятельность субъекта культуры – нации. В ходе взаимодействия изменяется сам субъект, входя в субъектно-субъектные отношения.

Отношение культуры может иметь вертикальное и горизонтальное направления. Отношение нового поколения (субъекта культуры) к опыту предшествующего

поколения, эпохи, формации имеет вертикальное направление. Отношение одного народа к другому народу, сосуществующих наций и стран имеет горизонтальное направление. Именно этот аспект взаимодействия усиливается процессами глобализации, поскольку сжатие мира происходит в горизонтальном направлении, хотя негативная реакция на вышеназванные процессы приводит к усилению также и вертикального направления, порождая своеобразное явление в мировом социально-культурном пространстве, названное Роландом Робертсоном «глокализацией». Особенность новой культурной ситуации состоит в том, что новое поколение вовлечено в убыстряющийся темп освоения и обмена информацией, разнонаправленных культурных ценностей, не знающих административных и территориальных барьеров и порою не зависящих от воли и намерения людей. Проблема заключается в том, что новое поколение не успевает оглядываться назад, чтобы найти культурную опору в собственном опыте, накопленном предшествующими поколениями, на свою культурную почву, этим объясняется, как тотчас на него обрушиваются продукты массовой культуры. Отсюда разрыв между поколениями, потеря корней, национального своеобразия. И поэтому, как отмечает Э. У. Байдаров: «Ради того, чтобы сохранить свою «цивилизованную оболочку», западные страны пытаются выбрать путь назад, в форме «возвращения традиций», что ведет зачастую к застою и их изоляции от современного мира» [1].

Однако культуры, сталкиваясь с этой проблемой, решают ее по-разному. Культуры, стремящиеся к сохранению культурной идентичности, обычно вступают в отношения со своим прошлым, для них безусловной

ценностью является все то, что относится к традициям, принадлежащим предкам, к наследию прошлого, однако часто без учета их жизнеспособности. Говоря об особенностях освоения опыта новым поколением как субъектом культуры по отношению к предшествующему опыту собственного народа, надо сказать, что часто стремление к самобытности приводит к принуждению к чуждым духу времени поведенческим установкам, ценностям, нормам, давно потерявшим рациональное зерно, и, к сожалению, препятствующим дальнейшему развитию культуры. Можно было бы назвать их культурами, ориентированными в прошлое. Культуры, нацеленные на поиск потенциала для будущего развития, продолжая собственные фундаментальные традиции, отсекают при этом традиции, потерявшие рациональный смысл, и готовы пересекаться с другой культурой в форме диалога, проявляя все большую субъектность, так что можно увидеть в этих отношениях силу притяжения и отталкивания. Их можно было бы назвать культурами, ориентированными в будущее. Поэтому, как отмечает В. М. Межуев: «Заново открыть для себя древний мир – значит, и отделить его от себя, и одновременно установить с ним отношения» [7, с. 61].

Прошлое принадлежит нам, потому что это деятельность наших предков, но одновременно оно и не принадлежит нам, потому, что является результатом не нашей непосредственной деятельности, а культурной деятельности предшествующего поколения. Конечно, мы обязаны предшествующему поколению своим нынешним состоянием. «Мы такие потому, что наши предки были таковыми». Если мы очарованы своим прошлым, то мы должны думать о том, насколько, мы можем очаровывать будущее

поколение своим новым творчеством. Для этого исторического взгляда на прошлое недостаточно, следует подойти к этому вопросу философски. Сущность этого подхода заключается в том, чтобы, по словам В.М. Межуева, «стремиться выявить прямую связь между тем, что люди делали в предшествующие эпохи, и тем, что они делают или должны делать в наше время» [7, 133].

Культура, претендующая на роль современной, – не та, которая будет видеть в прошлом то, откуда она будет только брать, но та, которая что-то дает ему взамен. Можно сказать, что в контексте жизни и исторического движения таджикской культуры гуманитарное мышление занимает особое место. Философское мышление через призму познания природы человека в высочайшей по глубине и широте охвата универсальных проблем человека в поэзии и философии отражается как способ представленности и гордости таджикской национальной культуры в контексте мировой культуры. Однако в большинстве своем эти достижения культуры направлены только на духовный запрос человека, а не на материальные потребности и несут в себе некоторую угрозу сохранения целостности таджикской культуры. А для того, чтобы обеспечить целостность культуры, необходимо сочетать в себе опыт не только духовного, но и материального производства. Именно диалог, возникающий в социокультурном общении с другими народами, дает возможность увидеть в себе эти недостающие смыслы, формирование которых может происходить в рамках направленного на достижение определенных целей гуманитарного мышления. Осознание национальной культурой хотя бы этого обстоятельства делает ее субъектом и обуславливает избирательный подход к опыту, идущему

извне, и проявление особой активности в заимствовании или наоборот препятствий некоторым аспектам внешнего влияния. На наш взгляд, освоение опыта, направленного на развитие научно-технического и технологического мышления, восполнит тот пробел в культуре, который уходит своими корнями в далекое прошлое и от которого, к сожалению, страдает современная таджикская национальная культура.

Субъект культуры осваивает объект культуры, значимый с точки зрения собственного развития, конструирует объект и делает из него новую реальность. Если нация превращается в субъект культуры, она не старается уподобиться своей прошлой реальности, а непрерывно включается в процесс изменения и развития. Основной характеристикой субъекта культуры является осознание себя как самобытного феномена, способного в определенных границах осуществлять изменение в самом себе при взаимодействии со своим прошлым и с другой культурой.

Следовательно, глобализация предоставляет культуре возможность проявить себя в истинной своей ипостаси, проявляясь в особых отношениях между субъектами культуры, особой по своей задаче и цели – освоение накопленного человеческого опыта и дальнейшего его развития.

В связи с этим национальным культурам, имеющим длительную историю цивилизационного развития (подобно таджикской древней культуре), необходимо выработать адекватное поведение. Глобализация требует предельной формы продуцирования активности национальной культуры в качестве субъекта культуры во всемирном масштабе. Нельзя не согласиться с мнением

Н.А. Василенко о том, что «тенденцию глобализации сегодня пытаются поставить под контроль самые разные социальные силы, борющиеся за мировое влияние» [3, с. 319]. Однако надо понимать и то обстоятельство, что глобализация не только угроза, но и шанс проверки культуры на прочность и возможности извлечения пользы. Принцип диалога предполагает формирование субъектно-субъектных отношений между культурами, даже если речь идет о взаимодействии между реципиентом и донором. Формирование способности к самосохранению специфических культур возможно, но реализуется эта возможность только при условии, когда национальная культура осознает значимость, безусловную ценность собственного культурного опыта в контексте мировой культуры и одновременно осознает потребность в дальнейшем обогащении за счет опыта другой культуры, что означает позиционирование себя как субъекта культуры. Это предполагает вступление национальной культуры в отношения с другими культурами осознанно и согласно стратегии национально-культурного развития.

Для такой исторически богатой и древней культуры как таджикская культура необходимо выработать меры по актуализации концентрированного в ней общечеловеческого содержания, сделать из ее духовного опыта воспринимаемый современным миром, понятный этому миру и нужный ему результат национальной культурной деятельности. Это специфика работы национальной культуры в условиях глобализации, выступающей как субъект культуры, оказавшейся в таком мировом культурном сообществе, где можно увидеть тенденцию, ведущую к гегемонии одной культурной формы над другой.

Способность селективного восприятия собственной прошлой культуры и освоение опыта иных цивилизаций возможно только в процессе настоящего диалога с ними, культурного самосознания нации и превращения национальной культуры в субъект отношений культур.

Список использованных источников

1. Байдаров Э.У. Влияние глобализации на культуру и ценности человека. URL: <http://credonew.ru/content/view/510/57/> (Дата обращения: 24.01.2017).
2. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. – М.: Прогресс, 1991. – 176 с.
3. Василенко И.А. Политическая глобалистика: учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Логос, 2000. – 358 с.
4. Введение в Человечествоведение / Проект Ага Хана “Человечествоведение”. – Бишкек, Душанбе, Алматы. – 2011. – 302 с.
5. Лейбниц, Готфрид Вильгельм. Сочинения в четырех томах: Т. I / Ред. и сост., авт. вступит, статьи и примеч. В. В. Соколова; перевод Я. М. Боровского и др.– М.: Мысль, 1982. –636 с.
6. Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. – М.: Университетская книга, 2012. –406 с.
7. Выступление за «круглым столом» журнала «История СССР» о предмете и методе истории культуры // История СССР. – 1979. – № 6. – С. 133-150.
8. Посметьева Е. С. Глобализм: гуманитарный аспект// Научные ведомости. Серия «Философия, Социология. Право». – 2010. – №14 (85). Выпуск 13. – С. 291-298.
9. Традиция и изменения / Проект Ага Хана “Человечествоведение”. – Бишкек, Душанбе, Алматы. – 2008. – 291с.
10. Fareed Zakaria «Culture is Destiny: Conversation with Lee Kuan Yew», Foreign Affairs March/ April 1994, p.126.
11. Habibul Haque Khondker Glocalization as Globalization: Evolution of a Sociological Concept// Bangladesh e-Journal of Sociology, Vol. 1. No. 2. July, 2004, P.1-9.

Глава III

ПОДХОДЫ К ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРОШЛОЕ,
НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Пулат Шозимов,
доктор философских наук, профессор,
Старший научный сотрудник Проекта Ага Хана
«Человековедение» Высшей школы развития
Университета Центральной Азии,
г. Душанбе, Таджикистан

«Подходы к гуманитарным наукам в Центральной Азии: отражение социальной реальности или ее конструирование»¹

Историческая Центральная Азия обладает уникальным социальным капиталом, связанным с глубокой исторической памятью и разнообразным культурным наследием. Данное пространство было местом процветания гуманизма со всеми его ключевыми атрибутами: плюрализмом, сосуществованием веры и разума, философией, наукой, архитектурой, историей, литературой и поэзией. Здесь рождались великие философские, религиозные, мистические и научные трактаты, которые стали интеллектуальными и духовными ориентирами для людей вплоть до настоящего времени. Здесь мирно сосуществовали различные религиозные системы зороастризма, буддизма, христианства, ислама и местных традиционных практик. В этом регионе люди вопрошали фундаментальными мировыми вопросами о бытии, Боге, человеке, о мире вещей и сущностей, которые по сей день являются

---

¹ Взгляды представленной статьи отражают личные взгляды автора и не всегда отражают идеи Университета Центральной Азии и его сотрудников.

актуальными для всего человечества. Все это стало реальностью благодаря фундаментальному развитию гуманитарного знания в исторической Центральной Азии. Это в значительной мере показывает нам ту огромную роль, которую играет гуманитарное знание в «возрождении наук о человеке и природе». Неслучайно эпохе экспериментальной науки Фрэнсиса Бэкона (16-17вв.) предшествовала Европейская культура Возрождения (13-16вв.), которая заложила гуманитарное знание под здание новой экспериментальной/индуктивной методологии. В этом контексте мы можем в какой-то мере сказать, что хорошее гуманитарное знание предшествует или сосуществует с хорошей научностью, и то, что они не являются противоречием, а скорее дополняют друг друга.

Как следствие развития экспериментальной науки в Западной Европе на рубеже 19 и 20 веков началось бурное развитие научной специализации и активизация процесса по приданию научной дисциплине самостоятельного статуса, что в свою очередь повлекло к ее дифференциации, кодификации и структуризации по объекту, предмету и методу исследования. Наиболее яркими мыслителями данного направления были представители Баденской неокантианской школы – Вильгельм Виндельбанд и Генрих Риккерт [1;2]. Одними из первых они разделили естественно-научные и гуманитарные науки через то, какой используется метод исследования. Если естественно-научные знания основаны на генерализирующем методе, а именно, на следовании общим законам и закономерностям в природе, названные Виндельбандом как «номатические» науки, то гуманитарные науки, с его точки зрения, основаны на индивидуализирующем методе, ориентированном на познание неповторимых

индивидуальных особенностей, названные им как науки «идиографические» (особенный, неповторимый) [1]. Если первые отходят от ценностей, то вторые, а именно, гуманитарные науки, напротив ориентированы на связи своих исследований с системой ценностей человека и культуры. Гуманитарное знание связано с системой ценностей, которая обращена к смыслам и значениям, за пределами которых мы переходим в область изучения опытных наук, ориентированных на эмпирические данные о мире вещей [2].

19 век стал периодом, когда дисциплинарный подход уже был институционализирован в университетах Германии. В этой связи Вильгельм фон Гумбольдт выдвинул цель, согласно которой университет должен служить примером того, как обнаруживаются знания, и как он должен расширять границы самих знаний, а не просто обучать студентов существующим знаниям [3, с.15]. При этом дисциплинарный подход, с точки зрения Мишеля Фуко, становится формой, посредством которой осуществляется связь дисциплинарного подхода с властью и контролем [4]. Кафедры, где реализовывался дисциплинарный подход, в какой-мере создали условия для развития индустрии, научных открытий в сфере информационной технологии.

Это повлекло за собою конкретизацию и в сфере гуманитарных наук, куда были включены дисциплины, связанные с литературой, языком, искусством, историей, философией и религией. Сегодня в реестре гуманитарных наук можно увидеть также правоведение, культурологию и регионоведение. В то же время можно увидеть в разных интеллектуальных школах процедуру включения или исключения тех или иных дисциплин из гуманитарного

цикла как, например, это произошло с этнографией, археологией и антропологией, которые были включены в раздел социальных наук. В этой связи важно отметить, что основным регулирующим принципом различия между ними выступили используемые подходы и методы исследования, которые стали определяющим фактором при индентификации объекта и предмета исследования для различных дисциплин, особенно между гуманитарными и социальными науками, где границы между ними не столь ярко выражены. Поэтому сегодня мы можем видеть появление кафедр в университетах под наименованием: «Социальные и гуманитарные науки», которые зачастую играют междисциплинарную роль и включаются как предметы для различных специальностей, связанных с естественными и техническими видами наук.

Некоторые определения гуманитарных наук включают право и религию, но они не являются общепринятыми. Хотя антропология, археология, география, лингвистика, логика и социология имеют некоторое сходство с гуманитарным знанием, они считаются науками; точно так же экономика, финансы и политология обычно не считаются гуманитарными науками [8]. В этом контексте связь их между собою обеспечивается поли/меж/трансдисциплинарными подходами.

В этом контексте Джулия Клейн заметила, что междисциплинарный подход отмечается ностальгическим поиском «золотого века», объединенного и целостного знания [5, с.12]. В какой-то мере это верно, но, с нашей точки зрения, если в основе междисциплинарного подхода лежит принцип постмодернизма, то стремление к «золотому веку» никак не соотносится с целями самого постмодернизма, который скорее направлен на разрушение

первичного идеала и целостности, нежели возвращение к нему. Скорее это положение верно в отношении мультидисциплинарного подхода, который находится в пространстве «онтологического равенства» разных дисциплин, объединенных единством общего философского дискурса.

Дисциплинарный подход стал неким первичным атомом или электроном, который самодостаточен и автономен в своем развитии. Который, с одной стороны, связан с другими атомами, создающими дополнительные связи для своего развития, с другой, – сам нуждающийся в понимании своей эпистемологии как на уровне образования, так и научного знания. В этом контексте стоит выделить три наиболее известные теории, которые обеспечивают эти связи – это поли/меж/транс дисциплинарные подходы.

Междисциплинарный подход непосредственно связан с постмодернизмом, который создал концептуальную философскую базу для развития междисциплинарного подхода в системе образования гуманитарного знания. Если мультидисциплинарный подход основывается на принципе «онтологического равенства», то в междисциплинарном подходе каждая дисциплина, с одной стороны, дифференцирована, но с другой – связана с другими дисциплинами посредством общих теоретических и практических интересов. Это в какой-то мере связано с теорией рационального выбора.

Если для мультидисциплинарного подхода еще важно понимание текста и авторской позиции (на примере использования герменевтического метода), то постмодернизм превратил реальность, классические тексты и авторскую позицию в осколки и перенес акценты со смысла и

значения на интерпретацию прежде всего самого реципиента (читателя или зрителя). В междисциплинарном подходе гуманитарного знания главным становится не преподавание, а обучение, где студент должен вопрошать, а преподаватель только создавать условия и помогать студенту выходить на волнующие его вопросы. Классические тексты уже теряют свою автономность и перемещаются в пространство интерпретации самих студентов, которые порою более важны, нежели сами тексты и авторская позиция. Не знания, а компетенции и умения важны в пространстве междисциплинарного дискурса.

Теперь важно не то, какое знание дается, а то, к чему оно ведет. Не знания, а действия студента становятся куда более важными в системе постмодернизма и соответственно самого междисциплинарного подхода к гуманитарному знанию [3, с. 22].

Брайан Массуми, комментируя работу Жилия Делеза и Феликса Гваттари, предполагает: «Вопрос не в том, истина ли это? Но работает ли это?» [6]. Междисциплинарный поворот в этом смысле является не условием, а инструментом. Это показывает, что междисциплинарный подход в отличие от мультидисциплинарного подхода опирается не на условие, а на инструмент исследования, что связано, конечно же, с теорией рационального инструментализма. В этой связи постмодернизм дает эпистемологическую базу для него.

Следуя подходу Стюарта Холла к культурологическим исследованиям, критическая междисциплинарность означает критическое мышление... в отношении самой междисциплинарности [3, с.16]. Сегодня нет достаточно согласованных понятий относительно содержания многоуровневых подходов. В системе университетов приоритет

отдается дисциплинарным подходам, в то время как междисциплинарные исследования переводятся в маргинальное пространство. Тем не менее сообщество, которое опирается на поли/меж/транс дисциплинарные подходы, все больше объединяется в исследовательские центры науки и образования. В тоже время стоит отметить, что финансирование этого направления в образование гуманитарных наук все еще испытывает свои трудности.

Гуманитарные науки и искусства удаляются из учебной программы, так как в них не видят строгой дисциплинарности, а профессоров в области междисциплинарного подхода принимают на работу только потому, что они имеют представление об общем гуманитарном знании и способны сэкономить ресурсы университета.

Используя концепцию Джона Дьюи, Жан-Этьена Лиотара и Ролана Барта, междисциплинарный поворот может способствовать критическому мышлению, творчеству, культурной осведомленности и контекстуализации [3, с.18]. Этот междисциплинарный поворот в преподавании и обучении дает возможность подготовить студентов, как предлагает Стивен Лемкюле, к «профессиям, которые еще не существуют, к решению проблем, которые еще неизвестны, и использованию технологий, которые еще не изобретены» [7, с. 39].

Профессор Уильям Конди отмечает: «Можно было бы рассматривать междисциплинарный поворот в искусстве и гуманитарных науках как фаустовскую сделку. Фауст недоволен традиционными знаниями. Изучив все, чему могла научить его академия, он отвергает все дисциплины. Чего добивается Фауст? Почему он продает свою душу? За знаниями, которые лежат за пределами и между ними. В то время как «Доктор Фаустус» Марлоу

отправится в ад через двадцать четыре года, «Фауст» Гете исследует вселенную до тех пор, пока он остается любопытным и ищет новые знания. Как только он удовлетворяется тем, что он знает, как только он перестает учиться, он попадает в ад. Кто такие фаусты сегодняшнего дня? Почему они должны продавать свои души? Как они могут быть спасены от проклятия?» [3, с.26].

Один из подходов к решению данной проблемы, на наш взгляд, связан с укреплением уважения к дисциплинарному подходу и к его границам. Следующий шаг – это включение дисциплин в контекст поли/меж/транс дисциплинарных подходов, что позволяет дисциплинам получить дополнительную внутреннюю энергию («энтелехию») для выхода на новые научные горизонты, выходящие за пределы их границ. Но учитывая, что многоуровневые гуманитарные подходы сами жестко конкурируют между собой, эту сбалансированную связь между ними должна обеспечить новая философская эпистемология, учитывающая новые вызовы, которые стоят перед все более усложняющимся миром.

Если гуманитарные подходы отражают реальность в той же параллельной последовательности, по которой сама реальность являет себя через появление исследовательских подходов, направленных на изучение природы этой реальности, то это нас незаметно ведет к ссылке на философский принцип реализма, который сторонники рационального инструментализма и социального конструктивизма уничижительно называют «наивным реализмом». В этой связи представителям принципа реализма рекомендуется заново пересмотреть подходы в отношении изучения классических образцов текста посредством смещения акцентов с понимания текста и

автора на создание новых нарративов и смыслов со стороны уже самого реципиента. Это впоследствии ознаменовало экзистенциальное событие, обозначенное Бартом как «смерть автора» и «текста». Если перевести эту дискуссию между «наивными реалистами», рациональными инструменталистами и социальными конструктивистами в наш анализируемый дискурс, то мы можем обнаружить, что «наивный реализм» есть основа мультидисциплинарного подхода, рациональный инструментализм (с эпистемологией теории постмодернизма) есть междисциплинарный подход, а социальный конструктивизм есть отражение трансдисциплинарного подхода, который в основе базируется на социальном проектировании знания.

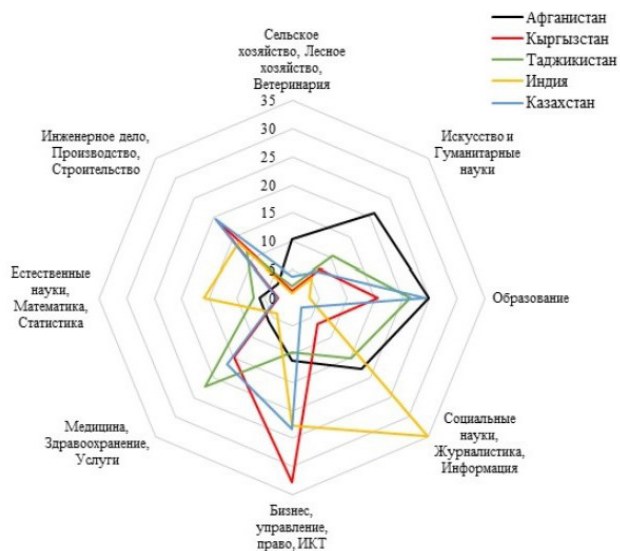
Каждый из этих подходов может координироваться как по отношению к автономным дисциплинам, так и между самими дисциплинами. Однако здесь возникают проблемы, когда нужно найти связи между ними. Это происходит по той причине, что у них нет эпистемологического условия и инструмента для этой связи. Возникает вопрос, что может стать таким условием? Полагаю, что эту связь может обеспечить кросс-дисциплинарный подход, так как именно он и есть философское условие для их связи.

В этом контексте гуманитарное знание может исходить как из самой реальности, так и рассматриваться в качестве объекта социального конструирования. Получается, что гуманитарные подходы могут использоваться в совершенно разных контекстах и весьма эффективно.

Рассмотрим это в контексте самой Центральной Азии, где гуманитарные науки также переживают кризис, как и во всем мире. Мы понимаем, что правильное

выстраивание стратегии, методологии и подходов к гуманитарному знанию позволит нам раскрыть огромный потенциал, который имеется в Центральной Азии.

В качестве одного из примеров реализации различных подходов к гуманитарным наукам и знанию может стать Проект Ага Хана «Человековедение» Университета Центральной Азии, который прошел в своем развитии с 1997 года по 2022 год все этапы становления гуманитарных подходов в контексте образовательного пространства Центральной Азии.

Рисунок 1. Распределение студентов в высших учебных заведениях по широким областям обучения, 2017 г. (%), Афганистан, Кыргызстан и Таджикистан плюс для сравнения (Индия и Казахстан) [10, с.48]

Первый этап с 1997 по 2003 гг. можно охарактеризовать как мультидисциплинарный подход, с 2004 по 2012 гг. как междисциплинарный подход, и, наконец, с 2012 по 2021 гг. как трансдисциплинарный подход, нацеленный на проектирование и конструирование образовательного гуманитарного пространства через производство совместных синергетических интеллектуальных продуктов, таких как создание инновационного кросс-дисциплинарного дебатного формата (КДФ), Этнографической научной электронной карты ЦА и Магистерского курса: «Картина мира Центральной Азии: история и современность».

Разработанный мною кросс-дисциплинарный подход объединяет все три подхода, так как обеспечивает условия связи между ними [10].

В 2022 году ПАХЧ осуществил новый сдвиг к гуманитарному подходу, апробированному в этом году в летней международной школе на тему: «Критические подходы к культурному наследию в Центральной Азии: прошлое, настоящее и будущее», которая прошла в ПАХЧ в партнерстве с Гумбольдским университетом Германии.

В основе этой школы лежит деколониальный подход к гуманитарным наукам, который связан не столько с политическим принципом, сколько с разрушением главного дискурса, посредством усиления местных и локальных интеллектуальных и культурных практик. В связи с этим Проект Ага Хана «Человековедение» с 2022 года начал перевод своих учебных материалов на национальные языки: таджикский, киргизский и казахский. При этом ПАХЧ начал активно разрабатывать цифровое измерение гуманитарных наук, которое концептуально базируется на идеях постмодернизма и междисциплинарного подхода,

но уже на цифровой основе. Полагаю, что это даст толчок будущему развитию гуманитарных наук в Центральной Азии в соответствии с логикой их развития как на онтологическом, так и эпистемологическом уровнях.

Гуманитарные подходы на базе философской матрицы

Логические уровни (горизонтальные и вертикальные) человеческого сознания	Универсальное (Universality)	Особенное– партикулярное (Particularity)	Единичное – сингулярное (Singularity)
Универсальное (Universality) Первая конфигурация (метафизическая/ценностная)	U-U = U Universality (Община)	P-U=S Singularity (Гражданское общество)	S-U=P Particularity (Государство)
Особенное– партикулярное (Particularity) Вторая конфигурация (экономическая)	U-P=S Singularity (ТНК)	P-P=P Particularity (ООН)	S-P=U Universality (Региональное сообщество, основанное на примордиальных ценностях: персидский мир, тюркский мир, русский мир, общеевропейский мир и т.д.)
Единичное сингулярное – (Singularity) Третья конфигурация (политическая)	U-S=P Particularity (Глобальное правительство)	P-S=U Universality (Международное сообщество)	S-S=S Singularity Гражданин мира – индивидуальность

Список использованных источников

1. Виндельбанд В. «История новой философии», Bd 1–2, 1878–80; рус. пер., Т. 1–2. 1902–05.
2. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре: Пер. со 2-го [совершенно перераб.] нем. изд. / Г. Риккерт; Под ред. [и со вступ. ст.] С.[О.] Гессена. – Санкт-Петербург : Образование, 1911. – 196 с.
3. Condee, William The Interdisciplinary Turn in the Arts and Humanities
4. \\ISSUES IN INTERDISCIPLINARY STUDIES No. 34, pp. 12-29 (2016).
5. Foucault, M. (1977). Discipline & punish: The birth of the prison. (A. Sheridan, Trans.). New York: Vintage.
6. Klein, J. T. (1990). Interdisciplinarity: History, theory, and practice. Detroit: WayneState University Press.
7. Massumi, B. (1987). Introduction. In G. Deleuze, & F. Guattari, A thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia (pp. ix-xv.) Minneapolis: University of Minnesota Press.
8. Witkowsky, K. (2012). Interdisciplinary curriculum: Newly established University of Rochester has a radically different approach to higher education. In W.H. Trombley, & T. Sallo, (Eds.), American higher education: Journalistic and policy perspectives (pp. 39-43).
9. <https://en.wikipedia.org/wiki/Humanities> . 10/11/2022.
10. Кыргызстан, Таджикистан, Индия, Казахстан: Статистика ИСЮ, «Образование: Общие показатели численности учащихся по направлению: Высшее образование». ИСЮ, сентябрь 2018 г., <http://data.uis.unesco.org/index.aspx?queryid=137>; Национальное статистическое и информационное управление Исламской Республики Афганистан, «Статистический ежегодник Афганистана за 2017-18 годы», стр. 48.
11. <https://copyright.kazpatent.kz/> Государственный реестр прав на объекты, охраняемые авторским правом. Философское учение Пулата Шозимова.

Есет Есенгараев,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института экономических и правовых исследований
Карагандинского экономического университета
(Казпотребсоюза), Казахстан

Дискурсивные рамки идентичности

Идентичность – это когнитивная-ценностная матрица, на основе которой индивиды и социальные группы обретают свою определенность. Такая когнитивная матрица сама является порождением определенных дискурсов. Современные концепции о роли дискурса для формирования и воспроизводства идентичности в большинстве своем опираются на идеи М. Фуко о дискурсивных практиках, которые «систематически формируют объекты, о которых они говорят» [1;119]. Они также восходят к идеям Дж. Мида и Ж. Лакана о роли символического в конструировании субъектов.

В последние годы влияние на возрастание уровня понимания роли идентичности в жизни человека и общества подтверждает появление исследований, авторы которых приходят к выводу о невозможности функционирования таких базовых институтов, как политика и экономика без опоры на определенные модели идентичности. Среди таких работ можно выделить «Экономику идентичности» Джорджа Акерлофа и Рэйчела Крентона [2], «Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия» Фрэнсиса Фукуямы [3].

Современный мир также характеризуется возрастанием уровня проблематизации идентичности практически во всех обществах и на всех уровнях. Кризисные тенденции, характерные для нее в современный период, присущи не только индивидуальному существованию, но и сообществам, вплоть до цивилизаций. Как подчеркивает Самюэль Хантингтон, в современном мире не осталось народов и цивилизаций, которые в той или иной степени не переживали, если не кризис своей идентичности, то, по крайней мере, ее проблематизацию [4; 35-36].

Во многом такое положение есть следствие динамизма и сложности современного мира, подрывающее исторически сложившиеся формы идентичностей. Поэтому сегодня популярны определения современного мира через акронимы VUCA и BANI, а также их противопоставление эпохе, определяемой через акроним SPOD.

Уже эпоха модерна отличалась небывалым по сравнению с предшествующими периодами человеческой истории, динамизмом. И этот динамизм индустриальной цивилизации лишил человечество идентификационной стабильности архаического или традиционного типа. Как отмечал Ю. Хабермас: «С переходом современных обществ к мировоззренческому плюрализму, религия и ускоренный в ней этос, рассматриваемые в качестве избранных основ значимости общей для всей морали, распадаются» [5; 62]. В результате этого распада происходит «обесценивание основных метафизических понятий (и соответствующей категории объяснения), что, по его мнению, связано и со смещениями эпистемического авторитета, который от религиозных переходит к современным опытным наукам». При таких исторических и когнитивных обстоятельствах моральная философия по

необходимости выходит на «постметафизический» уровень обоснований.

Притом, что эпоха модерна утратила традиционные основания социального порядка, тем не менее классический модерн выработал свои идентификации, придавшие индустриальной цивилизации, при всей ее динамике, черты стабильности и возможности более или менее надежно идентифицировать мир и ее субъекты.

Взросшая неуверенность современного человека есть следствие эрозии как ценностей, так и когнитивных оснований его существования. По мнению Энтони Гидденса, в современный период «... мы обнаружили, что ничего нельзя знать наверняка, поскольку стала очевидной ненадежность всех прежних «оснований» эпистемологии; «история» лишилась телеологии, и, следовательно, никакую версию «прогресса» нельзя убедительно защищать ...» [6; 215]. Кризис «оснований», крах модернистской концепции эволюционизма «... переносит нас» – как считает Гидденс – «в новый и беспокойный универсум опыта» [6; 215].

А. Турен указывает на диффузию норм в современном обществе: «... социум становится все более неопределенным: он оставляет без норм и правил все более обширные сферы поведения; он гораздо чаще маргинализирует нас, чем вводит в какие-нибудь сообщества, постоянно меняется, лишая нас возможности легко определить свою самобытность, заменяет легко определяемые – положительные или отрицательные на амбивалентность. Те же убеждения, которые призывали нас к осознанию самих себя, весьма далеки от веры в соответствие личности и социальных ролей» [8; 465].

Юрген Хабермас также определяет постмодернистскую эволюцию, приведшую к потере былой очевидности, как «новую непрозрачность».

Проблематизация «оснований» не может служить предпосылкой для «автоматических» идентификаций и ведет к проблематизации устоявшихся моделей идентичности. И эта проблематизация началась гораздо раньше, еще в эпоху модерна. Но Зигмунт Бауман, соглашаясь с таким выводом, уточняет, что «... хотя идентичность по прежнему и остается проблемой», это уже не та проблема, которая стояла «на протяжении всего модерна». В отличие от эпохи модерна, утверждал Бауман, в которой «проблема идентичности... заключалась в том, как построить идентичность и сохранить ее целостность и стабильность, проблема постмодерна прежде всего в том, чтобы избежать фиксации и сохранить свободу выбора» [4;133].

Действительно, идентичности эпохи постмодерна являются порождением дискурсивных практик, которые отличают исторически беспрецедентный уровень динамики и сложности. И, как следствие, идентичности, сформированные на основе таких сложных дискурсивных практик, отличают преодоление традиционных дихотомий, «надежных» и «истинных» критериев. Такие идентичности отличают способности удерживать игру контингенции, сочетания ранее невозможных идентификаций, достижения когерентности при отказе от традиционных норм, без которых ранее идентичность считалась невозможной. Носители таких идентичностей не заблуждаются по поводу их оснований, они не ищут «конечный и истинный словарь», позволяющий достичь незыблемого фундамента жизни, они, говоря словами

Ричарда Рорти, рассматривают случайность своей самости как неизбежность, они относятся к себе иронично, так как «... никогда не способны принимать себя всерьез, потому что всегда осознают, что термины самопознания всегда подвержены изменениям, они всегда осознают случайность и хрупкость своих конечных словарей, а значит, и самих себя» [9; 104].

Эпоха постмодерна породила веру в свободу от традиционной идентичности людей, с их стремлением к фиксации. По мнению Зигмунта Баумана, – «... задача постмодерна – избегать всех фиксаций» является выражением доминирующей концепции идентичности в эпоху постмодерна. Отсутствие стабильности, определенности, игра случайности и осознанное стремление примириться с этой нестабильностью заставляют индивидов эпохи постмодерна отказываться от поиска фиксированной идентичности. Но при всем том, что динамика и неопределенность современной эпохи несопоставимы с периодом модерна и мы утратили утвердившиеся в предшествующую эпоху возможности идентификации, тезис о преодолении всех фиксаций есть следствие интеллектуальной моды и является недостаточно продуманным.

Спор о специфике идентичности в эпоху постмодерна можно вести, если мы очертим для себя базовые характеристики и функции того, что принято определять как идентичность. При этом, конечно, я присоединяюсь к тем, кто считает, что попытки сущностного определения феномена идентичности невозможны, и преодоление эссенциалистских притязаний я отношу к несомненным достижениям постмодерна. Но мир и феномены этого мира не только изменчивы, но и обладают определенной стабильностью, структурными признаками и функциональными

характеристиками. Отказ от идеи фиксированности, стабильности, доходящих до абсолютных выражений, можно определить как реакцию на беспрецедентную динамику современности. Но затянувшееся увлечение идеями абсолютной нестабильности, достигающей крайних форм, буквального, а не метафорического ее понимания, является проявлением интеллектуального аутизма, погруженного в игру с закрытым набором значений.

Если мы не будем подражать плохо продуманной риторике, определяемой как постмодернистский дискурс идентичности, то мы можем увидеть, что функции идентичности в любую эпоху – обеспечивать индивидов и сообщество чувством определенности и непрерывности индивидуальных биографий и коллективных историй. Если изменение не только содержания, но и структуры идентичности, лишенной фиксации, в какой-то степени правомерно в отношении индивидуальной модели идентичности, то применительно к групповым моделям обнаруживается явное несоответствие идеи нестабильности в отношении идентификационных устремлений сообществ.

«Идентификация, позволяющая нам обрести необходимые моральные обоснования, – как отмечал Хабермас, – имеет место в рудиментарной практике повседневных интеракций» [6;51]. Именно здесь «мы высказываем предположения, смысл которых состоит в том, что мы требуем от других определенного поведения [т.е. вменяем им некие обязанности], определяем самих себя и кого-либо действительно [принимаем обязательства на себя], упрекаем в чем-либо других или самих себя, признаем ошибки, приносим извинения, предлагаем какие-либо возмещения и т.д. На этой первой ступени морали

высказывания служат связующие координированию действия различных факторов» [6;51]. И такая связанность предполагает интересубъективное признание моральных норм или правовых практик, «которые для той или иной общности убедительным образом определяют, что обязаны делать авторы и чего они могут друг от друга ожидать» [6;51-52].

Будучи членами общества, жизненного мира, мы не можем полностью избежать его влияния, достигать абсолютной свободы в переописании и в выборе своих идентификаций. «Вовлеченность человека в обыденные межличностные отношения, думаю, слишком основательна, и слишком глубоко укоренена, чтобы мы всерьез приняли мысль о том, что когда-нибудь всеобщая теория убеждения сможет изменить нам мир, что в нем больше не будет каких бы то ни было межличностных отношений, как мы их обычно понимаем» [10;74].

Р. Рорти, являясь сторонником индивидуализации, совершенствования приватных словарей, вместе с тем, вслед за Дьюи и Фуко «... убежден, что субъект представляет собой социальный конструкт, что дискурсивные практики пронизывают наши души и сердца до самого основания» [11;40-41]. Если дело обстоит таким образом, тогда мы должны быть сдержанными в оценке свободы своих идентификационных возможностей. При описании своих индивидуальных особенностей, как подчеркивает Рой Бхаскар, мы неизбежно опираемся на социокультурные термины, «ибо предикаты, обозначающие свойства, присущие отдельным лицам, – все предполагают социальный контекст для своего использования. Соплеменник подразумевает наличие племени, учет чека – существование банковской системы. Объяснения – будь

то подведение под общие законы, обращения к мотивам и правилам или новое описание – всегда и неизбежно включают социальные предикаты» [12;221].

Вера в свободу выбора идентификации сама есть следствие изменения языковых игр, в рамках которых возникли условия для формирования таких убеждений. По мнению А. Макинтаира, «... трансформация Я и его соотношение с ролями от более традиционных модусов существования к современным эмотивистским формам могли бы, конечно, и не случится, если бы не было одновременной трансформации форм морального дискурса, языка и морали» [13;52]. Другими словами, если постмодернистская идентичность есть порождение определенного языка, то тогда для нас она имеет в той или иной степени неизбежно принудительный характер.

Социальная идентичность, способная обеспечить, с одной стороны, определенную стабильность, а с другой – развитие, в современном мире имеет свои вариации, в зависимости от социокультурных особенностей различных обществ. Эти вариации располагаются между двумя крайними моделями: динамичной, сложно-оттеночной и фундаменталистской, характеризующейся ригидностью, упрощенным сочетанием дихотомических определений. Эти идентификационные различия не позволяют определить современность через популярную теорию глобализации. Мир, населенный сообществами, являющимися носителями взаимоисключающих идентичностей, не способен создать единый порядок.

При анализе идентичности, как порождения определенных дискурсивных практик, также учитываются события, временные и пространственные особенности существования сообществ и индивидов. Но при этом следует

понимать, что события, несмотря на их влияние на идентичность, не могут уничтожить ее или, наоборот, создать альтернативную идентичность без изменения дискурса. «Я могу идентифицировать себя только там, откуда я говорю, только в процессе дискурса, как субъект акта высказывания» [14;137].

Изменение идентичностей требует новых дискурсов, но дискурсы не создаются из-за возникшего намерения найти новый словарь, новую символическую систему. Чаще всего приходится опираться на ресурсы наличного дискурса или на симбиоз традиционного дискурса с новыми элементами, заимствованными из современных словарей, более развитых и адекватных. Попытки выйти из кризиса идентичности на основе традиционных дискурсивных практик приводят чаще всего или к усилению редуccionистских тенденций или формированию «спутанной идентичности».

Намерения развивающихся стран, в том числе и постсоветских обществ, сформировать идентичность по демократическим и рыночным ориентирам, пока не увенчались успехом. Причина в несовместимости дискурсов и порождаемых ими идентификаций. Как предупреждал Э. Эриксон, возможности формирования идентичности ограничены «наборы социально значимых моделей, которые могут успешно сочетаться в процессе идентификации» [15;63]. Этот вывод, к которому Эриксон пришел, анализируя формирование индивидуальной идентичности, верен и в отношении социальной идентичности.

Идентификационные тенденции на постсоветском пространстве как результат влияния наличных социокультурных ресурсов протекают под знаком доминирования примордиалистских ценностей и на основе логики

упрощения [16, 17]. Такое состояние культурных ресурсов не позволяет рассчитывать в обозримом будущем на возникновение условий для формирования сложных моделей идентичности. Пока ни примордиалистские, ни доступные модернистские идентификации не позволяют сформировать целостную и позитивную идентичность, ориентированную на будущее. Для идентичности постсоветских людей характерно преобладание спутанности, из которого они в основном пытаются выйти за счет усиления приверженности символам прошлого, чем настоящего [18, 19 20].

В целом, происходит то, что и должно происходить. Поэтому надо ясно осознавать, что «именно вследствие того, что идентичности конструируются внутри, а не вне дискурса, необходимо понять, что они создаются в специфических исторических и институциональных местах» [21;4].

Наши трудности с формированием модернистских идентификаций объясняются их несовместимостью с более укорененными на нашем социокультурном пространстве идентификациями. Результаты идентификационных побуждений подтверждают выводы П. Бергера и Т. Лукмана, что «... любые идентификации возможны в пределах горизонта, открывающегося особым социальным миром» [22;215].

Подводя итоги, мы приходим к выводу, что идентичности являются дискурсивными феноменами, и их формирование, как и изменение возможно только на основе определенных дискурсов. И анализируя трудности постсоветских обществ с формированием новых идентичностей, мы видим, что они в основном обусловлены их затруднениями с созданием новых дискурсов.

Причины затруднений с формированием современного дискурса неизбежно обусловлены сохранением влияния советской эпистемологической традиции в постсоветских обществах. Несмотря на то, что за период постсоветского развития были отменены многие политические ограничения и возникла более благоприятная ситуация для развития современного социогуманитарного знания. Но все эти изменения не привели к смене доминирующих эпистемологических стандартов, и поэтому в целом социогуманитарное знание и образование все еще остаются по своей логике традиционно советским, чем современным. Выяснилось, что открытие границ и отмена запрета на приобщение к современным тенденциям в мировом социокультурном знании недостаточны для изменения базовых дискурсов, укорененных на этом пространстве.

Список использованных источников

1. Фуко М. Археология знания. – Киев, 1998.
2. Акерлоф Д.А., Крентон Р.Е. Экономика идентичности. Как наши идеалы и социальные нормы определяют, кем мы работаем, сколько зарабатываем и насколько несчастны. М., 2011.
3. Фрэнсис Фукуяма Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия. М., 2019.
4. Хантингтон С. Кто мы? М., 2004.
5. Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. – №4
6. Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории. – СПб., 2001.
7. Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М., 1999.
8. Турен А. Способны ли мы жить вместе? Равные и различные // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М., 1999.
9. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. – М., 1996.
10. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб., 2000.

11. Рорти Р. Обретая нашу страну: политики левых в Америке XX века. – М., 1998.
12. Бхаскар Р. Общества. // Социо-Логос. – М., 1991.
13. Макинтайр А. После добродетели. – Екатеринбург, 2000.
14. Easthope A. British post – structuralism since 1968. – L.; N. –Y., 1988.
15. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
16. Nation – building in the Post – Soviet Borderlands. The Politics of National Identities. – Cambridge. 1998.
17. Социальная идентификация личности. – М., 1994. – Кн. 1-2.
18. Nasrany J. Post – Soviet chaos: violence and dispossession in Kazakhstan. – L., 2002.
19. Килинен Я. «Прогресс и хаос». Социологический анализ прошлого и будущего России. – СПб. 2001.
20. Шайкемелев М. Казахская идентичность в контексте модернизации общества. – Алматы, 2020.
21. Hall St. Introduction: Who needs «Identity» // Questions of cultural identity. – L., 2001.
22. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М., 1995.

Игорь Крупко,
PhD (Доктор философии) в области истории,
Ответственный редактор международного научного
журнала «Bilgamesh», руководитель отдела выставок
и конференций Международного Центра
сближения культур под эгидой ЮНЕСКО,
г. Алматы, Казахстан

Семиозис нарративов исторической памяти казахстанского общества: обретение субъектности

Семиозис и неочевидная генеалогия исторических нарративов

Наш доклад посвящен проблеме влияния культурных иерархий XX века на формирование исторических нарративов, субъектности и содержания коммеморативных парадоксов казахстанского общества. Погружение в некоторые образы исторической памяти позволяет проследить их неочевидную генеалогию на короткой, но определяющей исторической дистанции, пройденной за жизнь 3-4 поколений. Более подробно мы остановимся на влиянии культурных иерархий на ключевой семиотический сюжет – диалектическое соотношение наследия кочевой и городской средневековой культур в исторической памяти казахстанского общества, объединяемых национальными нарративами современного Казахстана в концепт «степной цивилизации».

На определение некоторых приоритетов и неосознанный коммеморативный выбор по сей день влияют, унаследованные от более ранних эпох и перекочевавшее

в нарративы Нового времени устойчивые стереотипы: восприятие номадизма, как замкнутой в рамках биотопа «пассивно-агрессивной» мобильности и седентаризма, как материализованного средневековыми городами и письменной историографической традицией, культурного наследия, воплощающего археологические контуры нации.

Исследуя нарративы исторической памяти (классифицированные нами как академический, public (общественный), официальный и фольклорный) и соответствующие коммеморативные практики в казахстанском обществе, отражающие процессы, происходящие в общественном сознании после 1991 года, мы наблюдаем сложный и интересный процесс их формирования и означения в системе лонгитюдных факторов, многие из которых оказывают свое влияние на протяжении долгих десятилетий. Генеалогия некоторых важных характеристик исторических нарративов после 1991 года происходит из более ранних эпох, когда идеологические критерии, формировавшие академические рамки, акценты исследований и образы казахстанской истории и культуры, в свою очередь, были унаследованы от прогрессистских, европоцентристских и седентаристских иерархий знаний, культур и субъектностей, наложившихся на архетипы прерванной традиционной культуры и логику соответствующего типа сознания.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что ревитализация и т.н. мемориальный бум на постсоветском пространстве, понимаемый как семиотически повышенное производство смыслов, образов и нарративов исторической памяти, является длительным процессом, начавшимся как реакция на травматические события первой

половины XX века, а затем как гуманитарный результат их адаптивно-адаптирующего преодоления во второй половине XX века. На исторические нарративы в эти годы оказал влияние комплекс взаимосвязанных факторов: прерывание автохтонной субъектности уничтоженной кочевой традиции, преодоление культурной травмы «внеисторичности», обусловленной седентаристскими нарративами и культурной иерархией советских республик/народов, культуртрегерская и научная деятельность национальных элит в рамках концепции автохтонизма, советской этнической инженерии и внутреннего диалога с мировой культурой, а затем и производство символического ресурса исторической легитимности после обретения независимости.

Изучение этого сюжета будущими исследователями коммеморативных практик позволит осмыслить проблему неочевидного противостояния кочевого и оседлого наследия в исторической памяти казахстанского общества, а также наличие здесь системной травмы «внеисторичности», преодоление которой проводилось местными элитами со второй половины XX века. Причины формирования этой травмы можно обозначить как: 1) разрыв с автохтонной кочевой традицией в результате насильственной коллективизации и седентаризации 1920-1930-х гг.; 2) научная социализация местных элит 1950-70-х годов в седентаристской традиции описания кочевой культуры, как регрессивной и в группоцентристской логике, утверждавшей в картине мира наличие нескольких базовых уровней идентификации, сконцентрированных вокруг групповых субъектностей (родоплеменной – этнической – советской) и потребность в их символизации образами исторической памяти.

Формой преодоления описанной выше травмы и утверждения интериоризированной национальной интеллигенцией картины мира стало научное освоение культурного наследия средневековой городской культуры Центральной Азии, активное археологическое исследование которой начинается в эти годы в Казахской ССР и последующее вписывание переформатируемой исторической субъектности казахской научной и творческой интеллигенцией во всемирную историю цивилизации.

После обретения Казахстаном независимости в 1991 году, на эти процессы наложилась необходимость исторической легитимности независимого государства в международном сообществе и потребность в национальном нарративе, объединяющем разные группы казахстанского общества уроками единой истории.

Почему это важно?

В периоды активного формирования коммеморативных практик, как инструмента общественного сознания, исходя из существующих научных и социально-политических приоритетов, важно исследовать их семиозис – процесс возникновения, обретения смыслов и значений существующих исторических нарративов, чтобы понять – из каких элементов рождается историческая субъектность той или иной социальной группы и как направлять конструктивный диалог между разными группами и нарративами общества, консолидируя их целеполаганиями общего будущего.

Надо также отметить, что историческая память зачастую является как основным аргументом в политических и общественных дискуссиях, так и главной объяснительной моделью при попытке анализа современных

социокультурных, экономических и общественно-политических процессов.

Необходимо исследовать и четко обозначить причины глорификации (акцентирование внимания исторических нарративов на образах великого прошлого) и виктимизации (травматического воспоминания о тех или иных периодах или фактах истории) – процессов, наиболее ярко проявившихся в исторической памяти казахстанского общества в период после 1991 года. Это тем более актуально, что корни многих современных противоречий, аксиологических асимметрий, образов, активно существующих внутри нарративов, проросли в пост-традиционных, пост-имперских и пост-советских разломах и травмах, а затем в возведенных на их месте социальных конструктах. Необходимость отделения одного от другого и, наоборот, нахождения мест их сближения и узлов противоречий, диктуется проблемами актуальной современности. Важнейшую роль в этом играет историческая политика, производящая легитимирующий символический ресурс в целях консолидации общества. Исследование этого позволяет понять отдельные аспекты и проблемы эпистемологии исторической памяти казахстанского общества, изучить не столько ее фактологическую историю, сколько механизмы и некоторые закономерности формирования, основные аксиологические акценты и влияние на это инерции культурных иерархий XX века и более ранних эпох.

После 1991 года исторические нарративы создавались и трансформировались суверенным и политически независимым государством и обществом самостоятельно. Однако в ходе исследования их генеалогии мы пришли к выводу о том, что семиозис нарративов исторической

памяти казахстанского общества трудно понять, не выходя за этот хронологический рубеж, так как значительная их часть сформировалась гораздо раньше – в XX веке. А некоторые тенденции общественного сознания и вовсе происходят из архетипов традиционной культуры. В период после 1991 года исторические нарративы казахстанского общества, сформированные ранее, в предыдущие 30 лет (1950-1970-е годы) кристаллизуются, обретают свое развитие, завершенность и рутинизируются, претерпевая многочисленные фактологические изменения, но незначительные структурные коррекции. Поэтому для того, чтобы понять пост-советскую современность исторической памяти казахстанского общества, необходимо внимательней присмотреться к ее советским корням, проросшим на почве пост-традиционных разломов.

Процесс перехода от одного состояния культуры к другому (от положения объекта к позиции субъекта) чаще происходит не революционно, но эволюционно, вызревая десятилетиями, благодаря неожиданным адаптивно-адаптирующим механизмам, аккумулируя цензурируемое травматическое прошлое и интериоризируя виктимизирующее содержание доминирующих нарративов. Но и тогда зачастую историческая субъектность с трудом прорывается сквозь интеллектуальный горизонт своей эпохи, принимая формы, продиктованные типом общественного сознания. В этом смысле одним из проявлений влияния обозначенного «наследия» можно считать гибридность нарративов исторической памяти, когда в попытке опровержения прежних иерархий знаний, актер вынужден использовать аргументы, знания и образную систему, сохранившую влияние бывшего гегемона и

логику архетипов массового сознания как основной целевой аудитории (Ремнев, 2011).

Так действует наследие культурных иерархий.

Четыре нарратива памяти

Существующий мир текста исторической памяти, ставший основой коммеморативных практик (не только казахстанского общества), можно разделить на четыре взаимозависимых и взаимопроницаемых нарратива, соответствующих 4 уровням исторического знания: научный (академический), общественный (public), официальный и фольклорный. Подобная классификация является в некоторой степени условной, не отрицая, но дополняя другие возможные варианты. Обозначенные нарративы разделены в соответствии с критерием эпистемологии исторического поиска, характерной для того или иного типа познания и трансляции нарратива: для научного, производителями и ретрансляторами которого являются представители академического сообщества, характерна процедура верификации, опоры на доказательную базу исторических источников и методологию, для public, исходящего преимущественно от представителей творческой интеллигенции, журналистов или общественных деятелей, главным становится функциональная направленность аксиологического поиска и историософского смысла, для официального – консолидация общества общенациональным нарративом и поиск символического ресурса исторической легитимности, а для фольклорного – выстраивание нарратива в соответствии с логикой фольклорного текста и опорой на архетипы массового сознания. В то же время, нарративы формируются в

постоянном взаимодействии, заимствуя друг у друга образы, факты, перетекая и возникая один из другого.

Научный нарратив: культурная иерархия знаний

Важное место в теоретических основаниях нашего предмета занимают выводы Эрнеста Ренана, еще в XIX веке заложившего основы конструктивистских теорий осмысления нарративов исторической памяти (в частности, ключевым стало фокусирование исследовательского внимания на парадоксе «забвения» и его амбивалентности в процессе конструирования исторической памяти). Согласно Ренану, механизм исторического забвения является одним из самых неоднозначных и определяющих факторов мемориального производства: «Нации необходимо забыть о насилии, неизбежно лежащем в ее основании, но помнить общую славу и общие сожаления» (Ренан, 1902, с.101-102). Это позволяет понять диалектическую взаимозависимость глорификации и виктимизации: в исторической картине мира национальных культур, переживших колониальный опыт, великое прошлое чаще всего прерывается травмой извне, культурные последствия которой затем преодолеваются «воспоминанием» великого прошлого. Осознаваемая или неререфлексируемая травма усиливает необходимость изучения и воспоминания великого прошлого, а оно обостряет ценностное значение преодолеваемой травмы. Это наблюдение необходимо для нашего исследования, поскольку прерывание кочевой культуры в результате насильственной коллективизации и седентаризации 1920-1930-х гг. и дальнейшее существование исторической субъектности казахов в условиях «империи позитивной дискриминации» или «позитивного действия» (важный для нас

концепт Терри Мартина) породили в исторической памяти казахстанского общества целый комплекс культурных травм, ставших системными в XX-м веке, переключаясь в XXI-й.

Единственной коллективной монографией, посвященной вопросам влияния архетипов массового сознания и социокультурных процессов XX века на производство исторических нарративов казахстанского общества в XXI веке является труд «Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана» (2006 г.) Масанова Н.Э., Абылхожина Ж.Б. и Ерофеевой И.В. Здесь авторы исследуют базовые факторы формирования исторической мифологии, определяя ее как «альтернативные по отношению к научным знаниям группоцентристские версии национальной и всемирной истории» (Масанов, Абылхожин, Ерофеева, 2007, с.132) В целом, авторы солидарны в понимании факторов и механизмов конструирования и ретрансляции мифологических образов исторического прошлого Казахстана, отмечая в качестве важной причины этого – тотальный комплекс пост-советской смыслоутраты и вызванный ею идеологический вакуум пост-тоталитаризма, заполняющийся в том числе и грандиозными картинами исторического фольклора, а также возрастающее влияние «аграрно-традиционного сознания», имманентно определяющего группоцентристские версии исторических нарративов. Мы надеемся, что наша версия эволюционного семиозиса исторической памяти казахстанского общества как длительного процесса реакций на целый комплекс факторов XX века дополнит описанные выше выводы ученых.

Ключевой сюжет и наиболее болезненный, но неосознаваемый нерв для семиозиса исторических нарративов

в Казахстане обозначила профессор Катрин Пужоль, анализируя их на материале архитектуры и пространственных кодов новой столицы независимого Казахстана – Астаны, образно охарактеризовав «победу оседлой идеологии над кочевой свободой, победу письменной культуры над устной традицией» (Лаумулин, 2000, с.119-123) и «неосязаемую память кочевой культуры пространства» как неотъемлемую характеристику пространства казахстанской культуры (Пужоль, 2015, с.119-123).

В этом отношении, как справедливо замечает философ Кульшат Медеуова, «Астана, позиционируемая как столица XXI века, невольно создает определенное эпистемологическое напряжение между политическим и модернизационным порывами... и поисками новых символических образов, которые одновременно должны быть автохтонно досоветскими» (Медеуова, 2023, с.53). Исследователь отмечает, что «поиск своего, исконного, досоветского при всей неомогенности и сложности... может быть считан через вплетение в городскую ткань объектов с однозначной степной, руральной логикой, таких как балбалы, курганы, кулпытасы. И именно посредством этих знаков происходила перекодировка городского пространства» (Медеуова, 2023, с.64).

Разумеется, корни седентаризма в советских исторических нарративах, предполагавших прогрессистскую роль оседания и более высокое положение оседло-земледельческой культуры по отношению к кочевой, можно найти в еще более ранних исторических эпохах и представлениях. Наследуя античной и средневековой культурной иерархии, кочевой образ жизни казахов XIX-го века чаще всего предстает в текстах ориенталистов как «грубый» или «примитивный», однако со временем эти эпитеты

обретали новое значение и звучание. В них этнографическое описание номадов сближалось с романтическим образом «благородного дикаря» эпохи Просвещения (Левшин, 2005, с.46). Любопытно, что подобный ориенталистский дискурс, воплощенный в описаниях Левшина, изначально задает риторическую возможность вписывания современных наблюдателю кочевников в древнюю и географически далекую историю, в частности, сравнивая их с «пастухами счастливой Аркадии» и «современниками Авраама». С одной стороны, это можно определить как легитимацию колониального доминирования и цивилизаторской политики, но, в то же время, обозначить как заключенный здесь нарративный эффект «исторической мобильности» и перспективу историософского удревнения кочевой культуры в будущих нарративах.

В своей фундаментальной монографии «Кочевая цивилизация казахов» (одной из немногих, за последние несколько десятилетий сочетающей глубокое исследование экономической и социальной структуры традиционного казахского общества и ее культурных проекций) Н.Э. Масанов подводит итог имперскому восприятию кочевой культуры к концу XIX века так: «Дореволюционная историография постепенно эволюционировала от изначального императива географической обусловленности кочевого скотоводческого хозяйства к выводу об их негативном воздействии на природу и ответственности номадов за опустынивание в Евразии и Северной Африке» (Масанов, 1995, с.9). Со временем подобная эпистемология неизбежно обретает форму социально-политического действия и «сводится к обоснованию необходимости скорейшего перевода кочевников на оседлый образ жизни» (Масанов, 1995, с.9).

В XX веке важным (а для советского пространства единственно возможным) теоретическим языком описания кочевников становится марксистский. В марксистской теории исторического прогресса интерпретация номуадизма, встраивание его в телеологию линейной периодизации пяти способов производства приняла те же седентаристские формы. Гомеостатический «базис» кочевников предполагал в этой логике соответствующую «надстройку». Авторы работы «Социальная эволюция, альтернативы и номуадизм», осмысляя диалектику номуадизма в марксистской интерпретации приходят к выводу, что в ней: «утверждалось, что номуады в общественной эволюции достигали, самое большее, позднепервобытной стадии» (Крадин, Бондаренко, 2002), (Марков, 2011). В труде «Ислам и кочевое хозяйство» один из ярких представителей казахской интеллигенции начала XX века С.Асфендияров протестовал против этого в существовавших тогда концептуальных рамках: «С представлениями о кочевом хозяйстве связано представление об очень примитивном хозяйстве с крайне низким уровнем техники, и соответственно общественная структура определяется как родовое общество, т.е. бесклассовое или переходящее к классовому обществу. Кочевое, скотоводческое хозяйство не является примитивным хозяйством с примитивным патриархально-родовым строем, а представляет более сложный комплекс, причем ясно, что самый факт сезонных перегонов скота может встречаться при самых различных общественных укладах» (Асфендияров, 2014, с.30-31).

Несмотря на это, как справедливо замечает Ж.Б.Абылхожин, акция седентаризации преподносилась как кампания «по выведению казахов-кочевников

и полукочевников на рельсы культурного и социального прогресса» (Абылхожин, 2019, с.58), игнорируя при этом то, что уничтожаемый хозяйственно-культурный тип жизнедеятельности был сформирован веками объективной исторической эволюции в рамках регуляции экосистемы (Абылхожин, 2019, с.58). Такая адаптация и породила систему пастбищно-кочевого скотоводства. Еще в XIX веке раздавались адекватные голоса в попытке предотвратить грядущую катастрофу. Например, заключение крупнейшего востоковеда В.В.Радлова: «большая часть степей по своим природным условиям пригодна только для кочевой жизни и, если вынудить кочевников перейти к оседлости, это, безусловно явится причиной регресса и приведет к обезлюдению степей» (Радлов, 1989, с.385). Или выводы исследователя П.П. Швецова в своей работе «Природа и быт Казахстана» (1926 г.) писавшего: «...Кочевой быт, характеризующий большую часть Казахстана, сохранился до сегодняшнего дня здесь не потому, что сам казах и казахское хозяйство еще так примитивны, что они еще не доросли в большей своей части до культурного уровня оседлого состояния. С этим предрассудком, нелепым и вредным, давно и решительно следует расстаться... В сухих степях с редкими и скудными водными источниками человек может вести только скотоводческое хозяйство, притом хозяйство кочевое, т.к. растительность в таких местах скудная, пригодная для корма скота относительно короткое время, и скот вынужден передвигаться за кормом с места на место, иногда на огромные расстояния.... Устраните это периодическое передвижение скота, и казаху нечего в ней будет делать, т.к. никакое иное хозяйство здесь невозможно, и степь, кормящая теперь миллионы казахского населения, превратится в

пустыню...» (Швецов, 1926, с. 93-94). Однако, «аргументы специалистов глохли во властных партийных кабинетах, ибо их «сидельцы» уже ринулись в очередной «большевистский бой» с «дремучей архаикой» (Абылхожин, 2019, с. 58).

Проведенная в 20-30-е годы XX века коллективизация воплотила давние проекты седентаризации казахов-кочевников и повлекла, помимо трагических социально-экономических, значительные социокультурные изменения в казахском обществе, в том числе и в сфере гуманитарных наук, изучавших казахскую историю и культуру. В частности, в середине XX века в связи с актуализацией концепции автохтонизма, разработанной для пространства Средней Азии С.Толстовым и рядом казахстанских ученых в среде национальной интеллигенции происходит активная научная и творческая рецепция культурного наследия средневековой городской культуры Центральной Азии и встраивание его в процесс реформативирования исторической памяти (Шнирельман, 2011). В 1950-м году впервые А.Маргуланом (именем которого был назван казахстанский Институт археологии после получения независимости), была выражена идея о взаимозависимости оседлого населения городов Южного Казахстана с кочевниками Центрального Казахстана (Маргулан, 1950). Впоследствии идея приоритета оседло-земледельческих оазисов и средневековых городов в истории Казахстана стала доминирующей. Главную роль в производстве знаний для рецепции культурного наследия средневековой городской культуры Центральной Азии сыграли археологические исследования в условиях идеологических приоритетов советского национал-социализма и культурной политики в республике. Впоследствии,

в ходе многочисленных раскопок и работ комплексных археологических экспедиций на территории Казахстана было исследовано большое количество древних и средневековых городов и поселений (значительная часть которых была сосредоточена на территории оседло-земледельческих оазисов Юго-Восточного Казахстана), позволивших говорить об многовековом опыте межкультурного диалога и транскультурных практиках социальных групп, находившихся в состоянии перехода между разными типами хозяйства, в зависимости от комплекса климатических, социально-экономических и исторических факторов.

Именно в этот период, открываемый учеными и воспринимаемый творческой интеллигенцией, образ средневековой городской культуры начинает формироваться в качестве хронотопа золотого века в исторической памяти казахстанского общества.

Еще одной важной причиной, повлиявшей на формирование нарративов о средневековых городах, как определяющих объектах культурного наследия истории Казахстана, парадоксальным образом оказалась хрущевская антирелигиозная кампания – период обострения борьбы с религией в СССР, пик которой пришёлся на 1958–1964 годы и одновременно, определенных идеологических трансформаций «оттепели», позволивших, наполнить некоторые идеократические максимы слегка обновленным содержанием. В рамках двух этих процессов в 1958 г. на XIII съезде ВЛКСМ стартовала вторая волна борьбы за «новую обрядность», неожиданным образом давшая начало новому витку советского национализма в республиках (Шелепин, 1958; Бемен, 1958; Шеварнадзе, 1958). Главным идеологическим

содержанием этой кампании стала борьба за «прогрессивные» народные традиции. В результате это привело к выведению национальными элитами обрядов, ритуалов, древних и средневековых археологических памятников из-под определения «религиозные» и обозначение их в качестве «народных». Это, в свою очередь, придало дополнительный импульс росту этнонационального самосознания.

Иллюстративным примером для нашей темы в период позднего социализма и наиболее яркой работой в этом отношении является книга К.Акишева и Е.Агеевой «Древние памятники Казахстана» 1958 г., содержащей официальный, научный и public нарративы. В ней авторы воспроизводят описанное выше идеологическое содержание: «Главной задачей брошюры является восстановление исторической правды о роли и значении крупных средневековых мавзолеев, которые еще и поныне религиозно настроенной, отсталой частью населения почитаются как «святые» места. Известно, что строительство их осуществлялось руками народа, под руководством талантливых мастеров-умельцев, выходцев из народа. Поэтому эти памятники считаются не мавзолеями того или иного хана, султана, бия, а национальным памятником, памятником народной архитектуры» (Акишев, 1958, с.4). Завершается книга призывом: «..учителя-историки должны противопоставить широкую пропагандистскую работу среди населения, особенно среди молодежи, по разъяснению научно-познавательного характера этих памятников, превратить их в места экскурсий, туристических поездок, популяризировать древние архитектурные памятники как достопримечательности города, села, как гениальные творения народа» (Акишев, 1958, с.60). Таким образом,

происходило переосмысление роли сакральных объектов и памятников и коммеморативное перекодирование их в формате культурного наследия. Здесь важно отметить, что практически полное исчезновение казахского нomaдизма как хозяйственно-культурного типа перенаправило архетипы его родоплеменной структуры из области базового фактора экономического регулирования в сферу символического ресурса, опирающегося, в том числе, на образы исторической памяти, став дополнительным фактором ее ревитализации.

Идеологические процессы во второй половине XX века, как и в других сферах советского культурогенеза, а также выстроенная национальной политикой, иерархия этно-политических субъектностей задавали условия, приведшие к их краху в 1991 году. Культурно-политическая иерархия младших и старших братьев (республик/народов) парадоксальным образом изначально задавала у позиционируемых таким образом народов потребность в трансформации и реконтекстуализации ущемленной такой иерархией исторической субъектности. Идеологические противоречия между пост-имперским отношением к «народам – младшим братьям» и марксистским возведением народа в творцы истории создавали у целевой аудитории этих установок когнитивный диссонанс. Форма и новая хронология советской истории, объявившей подлинное начало и бытие новообразованных наций с проекта эмансипации из «тюрьмы народов», «гнета баев-феодалов», «патриархальной отсталости» и т.д. породила естественную неудовлетворенность национальной интеллигенции и стремление отыскать более древние исторические корни, зачастую идеализируя, если не полузапретные, то, по крайней мере, полузабытые

истоки национальной культуры, что стимулировало процессы не только научного поиска, но и глорификации и виктимизации исторической памяти казахстанского общества во второй половине XX века.

Public-нарратив: искусство преодоления

Наиболее интересной и сложной для формирования исторической субъектности практикой бытия является искусство, находящееся «по ту сторону» научного знания, но оказывающее не менее, а порой и более определяющее влияние на процесс познания. В этом отношении искусство оказывается гравитационным полем сближения исторических нарративов, аккумулируя их в акте творения знаков и образов культуры с неограниченными возможностями взаимной герменевтики.

Прошлое существует в культурной памяти в виде отдаленных символических отражений первоначальных событий, входя в жизнь общества через создание произведений искусства, как своего рода культурной терапии осмысления и преодоления исторических травм на маршрутах в будущее. Таким образом, интерпретация произведений искусства выполняет роль «академического эквивалента психоаналитического вмешательства» (Александр, Куракин, 2012, с.4-6).

Возможность использования здесь концепта культурной травмы применима, во-первых, к описанной ранее седентаризации исторической памяти кочевой культуры казахов, произошедшей в XX веке в результате насильственной коллективизации, голода и последовавших за этим событий. Во-вторых, к длительному процессу интеграции в советский исторический нарратив национальной интеллигенции, усвоившей виктимизирующие

тезисы о регрессивности кочевой культуры. С середины XX века национальная интеллигенция включается в активный процесс преодоления этих иерархий, творческого поиска и пере-изобретения образов своей исторической субъектности, а также рецепции культурного наследия древней и средневековой городской культуры, проблематичное соотношение которой с наследием прерванной кочевой культуры становится одной из главных особенностей нарративов исторической памяти казахстанского общества после 1991 года.

Постоянная апелляция к этой травме в различных ее аспектах зачастую является отправной точкой исторических нарративов казахстанского общества после 1991 г. в научном, публичном, фольклорном или официальном исполнении. В этом отношении виктимизация (постоянное проживание пережитого травматического опыта, его осмысление и даже культивирование) и глорификация (воспоминание образов великого прошлого, прерванного теми или иными трагедиями) представляют собой доминирующие стратегии мемориальной культуры казахстанского общества исследуемого периода.

Например, в 1962 году в эссе «Ты – мой герой» казахстанский поэт Олжас Сулейменов, оказавший колоссальное влияние на культурные процессы и общественное сознание казахстанского общества 1960-1980-х годов, выразил это устремление творческой интеллигенции трансформировать, наполнить и утвердить свою историческую субъектность следующим образом: «Мне двадцать шесть лет. Меня не удовлетворяют общие заявления о невежественном, темном прошлом моего народа. Этими положениями пользуются идеологи колониализма. Наше поколение кристаллизуется. В народе происходят

реакции чести. Униженным недоступна радость. Поэты обязаны поставлять в народ энергию для реакций чести» (Сулейменов, 2004, с.11). В 2023 году поэт, характеризуя исторические нарративы современного Казахстана, отметил ограниченность их виктимизирующей составляющей: «На истории «от джунгарского нашествия до Голодомора» народ не воспитаешь...» (Сулейменов, 2023).

В дневниках 1970-х годов культуролог и общественный деятель Мурат Ауэзов обращает внимание на форму преодоления этой культурной травмы – осмысление ее в произведениях искусства, имевших в сравнении с академическими работами преимущество в виде относительной свободы образов: «Кровоточат раны – не в храме академизма им исцеление» (Ауэзов М., 2011). Вероятно, дополнительной причиной этого тезиса стал личный опыт автора: в 1976 году изданный Институтом философии КазССР под его редакцией сборник «Эстетика кочевья», представивший первые попытки философского осмысления кочевой культуры (тиражом 3 тысячи экземпляров), был изъят и уничтожен представителями «ответственных органов» на типографской машине с характерным названием «гильотина». После этого Мурат Мухтарович надолго прервал контакты с академическим сообществом и направил свои исследования в форму других нарративов, оказывая значительное влияние на представителей творческой интеллигенции, собиравшихся вокруг таких творчески более свободных интеллектуальных центров как «Казахфильм», Общество охраны памятников, а затем и в роли вице-президента Международного Антиядерного Движения «Невада-Семипалатинск», созданного Олжасом Сулейменовым и аккумулировавшего опыт исторического поиска, преобразовав его в форму

активного социального действия по восстановлению справедливости и проявлению национальной субъектности.

Один из главных теоретиков пост- и деколониальных исследований на пост-советском пространстве Мадина Глостанова в своей работе «Деколониальность бытия, знания и ощущения» (Глостанова, 2020), анализируя условия, в которых оказалась историческая субъектность казахов в XX веке, отмечает, что в искусстве, содержащем public нарратив, национальный культурный элемент включался лишь в соответствии с формулой «национального по форме и социалистического по содержанию». Итоговой целью этого процесса было нивелирование этнокультурных различий и формирование монолитной советской идентичности, скреплявшейся риторикой интернационализма, но при этом не отменявшей доминировавшей роли русской культуры.

В результате в сфере искусства сформировались советско-прогрессистские критерии оценки этнонационального искусства. Этнонациональные традиции свелись к калейдоскопу ограниченных и неизменных приемов, соотносившихся главным образом с прошлым, в глаорифицирующе-восторженной интенции с советским настоящим и едва ли с будущим. Однако во второй половине XX века под воздействием целого комплекса благодаря и вопреки факторов, патерналистский проект советской этнической инженерии вышел из-под контроля, развоплотившись в этноренессанс братских республик. Важное внимание исследовательница уделяет отражению этих процессов в искусстве: в частности, сдвигу национальных нарративов постсоветских стран «от декоративных, самоориентальных форм к искусству с ярко выраженным критическим зарядом и задачами возрождения

национальных космологий, путем художественного мышления и образов памяти о реконструируемом и ре-интерпретируемом прошлом» (Тлостанова, 2020, с.112).

Еще одним фактором этноренессанса в исторической памяти казахстанского общества второй половины XX века было сочетание идеологических послаблений оттепели и в то же время идеократической невозможности критического отношения к будущему (светлому коммунистическому «завтра»), перенаправлявшей интеллектуальный поиск, научный и творческий скепсис в прошлое. Преодоление комплекса исторических травм обозначенными методами стало системным свойством исторической памяти казахстанского социума.

В начале XX века философ Карл Ясперс, описывая эпоху I тысячелетия до н.э., ввел применительно в мировой истории концепт «осевое время», как времени породившем на всем земном шаре пророков, великих философов, новые религии и ставшую одним из ключевых этапов развития человечества. Для культуры Казахстана в XX веке «осевое время» – это 1960-е годы, оказавшие определяющее влияние на всю последующую историю и культуру, ставшие временем обретения исторической субъектности.

Наиболее ярким примером в этом отношении является творчество Олжаса Сулейменова. Применяя метод археологии слова, Олжас Сулейменов, превращает поэзию в этимологию знаний с 1960-х годов XX века, преодолевая пост-имперские иерархии знания, меняя контексты и правила («историко-культурные соображения»), исправляя метафорой мир, редактируя всемирную историю, слишком долго служившую оправданием, а порой и причиной различных войн.

Также, в своих историко-лингвистических произведениях, отмеченных духом поэзии, но являющихся в значительной степени научными, Олжас Сулейменов использует выработанный и отточенный им за десятилетия метод археологии слова, доходя до первооснов – его древнейших знаков, порождающих бесконечное разнообразие языковых и культурных сюжетов, исследуя, как знак и его толкования определили историю мировой культуры.

На этом пути от знаков – к знаниям, разгаданное казахским поэтом слово превращается в код мировой культуры, а молчание истории кочевников – в симфонию освобождения исторической памяти.

Таким образом, исследование public-нарратива казахстанского общества открывает возможность понимания интеллектуальной истории или истории идей. Искусство в этой исследовательской перспективе предстает гравитационным полем сближения исторических нарративов и активного преобразования современности. Настоящее искусство творчески вдохновенно обретает историческую субъектность и формирует общественное сознание – действуя локально, мысля планетарно, сотворяя биографию народа и утверждая его право на достойное место в культурном сообществе, выполняя роль **самосознания культуры**.

Официальный нарратив

После обретения независимости виктимизация имперского и советского прошлого и глорификация древней и средневековой истории, вызванные преодолеваемой травмой внеисторичности (описанной выше) во второй половине XX века трансформировались, став доминирующими и распространились на все существующие

нарративы, включая официальный (государственный). И если до 1991 года культурные травмы были распространены преимущественно в среде творческой и научной интеллигенции, преодоление которой играло роль экзистенциального протеста, то после 1991 года они были интегрированы в официальный, поддерживаемый средствами государства, нарратив, включены в школьные учебники, энциклопедии, фильмы, коммеморативные практики, став системным свойством мемориальной культуры. Однако, чаще в официальном и академическом нарративах современного Казахстана соотношение кочевого и оседлого в культурном наследии исторической памяти не проблематизируется и исследуется в качестве диалога взаимосвязанных хозяйственно-культурных типов, между которыми существовало пространство многочисленных переходных типов хозяйств и образ жизни, составляющих сложную культурную мозаику региона (Байпаков, 2014, с.25-30), (Нурпеисов, 2020).

Любопытно, что в современных казахстанских public и фольклорном исторических нарративах произошло смещение акцентов. Зачастую в них факт исследования этого наследия обозначается как долгожданное освобождение от европоцентристских стереотипов, предписывавших казахам исключительно кочевое наследие исторической памяти и вычеркивавших их из средневековой городской культуры (Нурмаханбетов, 2005), (Крупко, 2020).

Этот парадокс может быть объяснен, как один из примеров виктимизации исторической памяти, причины возникновения которого следующие: по мере освоения культурного наследия средневековой городской культуры и научной социализации в седентаристских нарративах, отношение к кочевому трансформируется в

дистанцирование от него в т.ч. через виктимизирующее утверждение «от нас скрывали, что у нас были города и говорили, что мы были вечными кочевниками без зафиксированной материально истории». Приоритет наследия городской культуры над кочевой в исторической памяти казахстанского общества можно наблюдать даже на таком примере, как судьба единственного НИИ по проблемам культурного наследия номадов в Казахстане, созданного Н.Масановым в 2005 году и просуществовавшем после его смерти всего несколько лет. После 2011 года Институт был реформирован в Казахский научно-исследовательский институт культуры, занимающийся, главным образом, изучением и реставрацией памятников средневековой городской культуры (Сагадиев, 2011).

Фольклорный нарратив

Явлению исторической мифологии, противопоставляемой научному знанию, в международном научном сообществе посвящаются конференции, монографии, сборники статей с различными концептуальными оптиками, исследующими исторический фольклор (иногда фейк-лор), как одну из неизбежных форм репрезентации прошлого в массовом общественном сознании. Чаще всего критическое осмысление нарративов исторической памяти воспринимается активно производящей эти нарративы частью казахстанского общества – негативно. Термин «миф» как скептиками, так и апологетами расшифровывается и воспринимается синонимично «фальсификациям». Однако, на наш взгляд, в казахстанских нарративах необходимо очистить это понятие от негативных коннотаций, превратив его из стигмы в концепт. Важно использовать исторические мифы, составляющие

фольклорный нарратив, как отдельный исторический источник современности, важность которого для науки заключается в том, что именно исторические мифы аккумулируют и артикулируют социальные ожидания и представления социальных групп о себе и своей исторической субъектности.

Ярким примером нашей темы в рамках фольклорного нарратива является образ Отрарской библиотеки – одним из самых известных мест исторической памяти казахстанского общества, но, увы, существующем лишь в области фольклора. В свое время нами была прослежена генеалогия этого образа и его отражение во всех четырех нарративах, а также изучены причины популярности этого образа и роль научной и творческой интеллигенции в его рождении в процессе переизобретения исторической субъектности казахов начиная со второй половины XX века. Образ Отрарской библиотеки визуализирует хронотоп золотого века – средневековую городскую культуру оседло-земледельческих оазисов на территории Казахстана. Именно в этом хронотопе содержится Великий Шелковый путь, развитая городская культура, великие и трагические страницы Отрара, второй учитель мира – аль-Фараби, актуализация биографии которого во многом возродила интерес к Отрару в 1960-е годы. Свою роль здесь сыграли все те же культурные иерархии, к которым присоединился советский нарратив и характеристика СССР как «самой читающей в мире страны» в связке с тезисом, что именно советская власть даровала народам, освобожденным из империи, просвещение и всеобщую грамотность. Это вызывало латентный протест национальной интеллигенции, в том числе, и в производстве альтернативного знания о своей истории.

Отрарская библиотека, как место исторической памяти, играет в этих нарративах роль аргумента «утраченного просвещения».

Изучение фольклорного нарратива позволяет уточнить многие другие характеристики и факторы: тип воспринимающего массового сознания этого нарратива (носителями которого, с одной стороны, были представители герметизированной в сельской местности традиционной казахской культуры, а с другой – носители советского тоталитарно-утопического сознания, существовавшие в рамках канона советской мифопоэтики и одновременно – латентного недоверия к официальным источникам информации и знания и наличия сетевых способов узнавания). Дополнительным фактором в XXI веке, после появления Интернета, стала его структура и общемировая ситуация информационной матрицы: интернет-фольклорная ризома, зачастую растворяющая наличие и верифицируемость источника информации.

Также в последнее десятилетие в научном поле обретает все большую значимость локальная память. Различные социальные группы казахстанского общества обретают голос, формируя локальный нарратив и включая локальных героев в пространство мемориальной культуры страны. В этом отношении критерий значимости той или иной фигуры в локальном нарративе в меньшей степени связан с семиотическими акцентами научного или официального нарративов, разделяющими национальную историю на глорифицируемый средневековый или виктимизируемый советский период. Главный критерий коммеморации здесь – это значимость персоналии для локального нарратива устной истории, семейной памяти или местных преданий. Наличие такой фигуры

увеличивает символический ресурс группы, позволяя ей претендовать на более высокий статус и возможности, иллюстрируя социальную структуру и иерархию родоплеменных отношений казахского общества.

Обретение исторической субъектности

Исследование механизмов семиозиса нарративов исторической памяти казахстанского социума, форм, смыслов и практик ее становления и развития, изучение неизбежного влияния на них культурных иерархий XX века и архетипов традиционной культуры необходимо для коммеморативных усилий государства, важно для включения в учебный процесс, поскольку именно это наполняет содержание исторического образования, во многом определяющего самоидентификацию казахстанцев в современном мире.

Как уже говорилось, ключевой для обретения казахстанского общества исторической субъектности в XX веке фактор, в значительной мере сформировавший процесс семиозиса исторических нарративов – это насильственная утрата кочевого образа жизни, музеифицированная игра символов кочевой экзистенции из точки ее невозврата (городского хронотопа седентаризованной кочевой культуры). Но в соответствии с многоуровневой группоцентристской логикой, рецепция исторической памятью постномадов наследия средневековой городской культуры Центральной Азии через седентаристские нарративы, последующий диалог новой исторической субъектности с мировой культурой (вписывание национального в планетарное) и пере-изобретение ее образов, увиденных казахской интеллигенцией в отражениях древней истории.

Осмысление и преодоление культурной травмы «вне-историчности» кочевой культуры казахов (прерванной в результате насильственной коллективизации), инициированное национальными элитами в процессе обретения новой исторической субъектности во второй половине XX века (и проводившееся, как в скрытых культурных формах, так и в виде открытых интеллектуальных протестов), стало одним из базовых факторов семиозиса, а также доминирующей и наиболее яркой частью исторических нарративов Казахстана и распространившееся в общественном сознании казахстанского общества в качестве системной характеристики.

В исследовании данного вопроса обращение к более ранним хронологическим эпохам объясняется тем, что все эти нарративы, как и сюжеты, имеют свое начало – генезис и генеалогию, не возникнув в 1991 году внезапно и бесповоротно. Исследование нарративов исторической памяти казахстанского общества позволяет обозначить в них сохраняющееся значительное структурное влияние советского периода (неизбежное хотя бы потому, что значительная часть высших элит и культуртрегеров второго и третьего звена получили богатый опыт культуртрегерской и другой работы в советских идеологических организациях) и попыток его преодоления, зачастую методами, очевидно копирующими преодолеваемое идеологическое наследие. Этот диалектический процесс накладывается на сохранившиеся архетипы аграрно-традиционного сознания с присущими ему группоцентристскими приоритетами, производящими соответствующее содержание исторических нарративов.

Несмотря на кажущуюся отвлеченность гуманитарных наук и исторического образования для первичных

потребностей экономики или повседневной жизни граждан, именно историческая память зачастую становится ключевым аргументом дипломатии, объединяя страны и регионы, начиная или предотвращая войны. Именно историческая память и субъектность является (помимо экономического благополучия) одним из немногих гарантов достойного и активного существования человека или народа в мировом сообществе.

Нам представляется, что внедрение в образовательный процесс учебных курсов и научных проектов, посвященных тематике коммеморации, окажет свое благотворное влияние и будет способствовать пониманию учащимися того факта, что каждый человек может стать субъектом истории и исторической памяти, ее активным творцом, преодолевая культурные травмы и создавая конструктивный диалог между разными культурами. Это соответствует новой мировой парадигме общественных и гуманитарных наук, возвращающих «человека действующего».

Подобная рефлексия в преподавании истории Казахстана позволит объяснить повышенный интерес к древней и средневековой истории в современных обществах Центральной Азии, выражающийся, например, в поисках древних генеалогий с помощью генетики, лингвистики, переименованиях городов, топонимов, улиц и т.д., а с другой стороны, ре-интерпретации некоторых хронологических пластов новейшей истории. Именно это и является семиозисом нарративов исторической памяти казахстанского общества, процессом производства и интерпретации знаков, образов, архетипов и мест памяти. Внедрение изучения отдельных аспектов этого процесса на научном уровне в учебный процесс позволит актуализировать ценностный потенциал гуманитарных наук,

исследующих историю и использовать историческую науку для формирования у подрастающих поколений критического мышления, межкультурных компетенций и адекватного национального самосознания в современном глобальном мире.

С 2013 по 2022 годы по инициативе Постоянного Представительства Казахстана в ЮНЕСКО мир проживал Международное Десятилетие сближения культур – мечту человечества, воплощенную поэтом. В основание этого был заложен принцип: культура – это, прежде всего, знание. Сближение культур – это, во многом, диалектическое понимание причин их разногласий. Фундаментальный вопрос, который должен быть заложен в основу современной гуманитаристики – когда и почему культуры, состоящие в своей основе из одних и тех же базовых элементов, разошлись? Когда были посеяны зерна противоречий и войн, со временем выросшие в хронические болезни человечества? Нам представляется, что на данный момент подобная рефлексия, которую необходимо включить в историческое образование, может оказать благотворное влияние на развитие критического мышления и увеличит эвристический потенциал уроков истории.

В этой сфере значительной международной инициативой и вкладом Казахстана как в изучение глубинных пластов культурного наследия человечества, так и в древнейшую историю расселения Homo Sapiens по планете, является проект «Великие переселения народов», инициированный Казахстаном в ЮНЕСКО (2008 г.) и посвященный глобальным миграциям по планете, начиная с древнейшей истории. В рамках этого проекта Казахстану удалось организовать несколько международных

конференций: «Выход из Африки» (Париж, 2008 г.), «Заселение Америк» (Нью-Йорк, 2011 г.), «Заселение Юго-Восточной Азии» (Сеул, 2013 г.), «Заселение Европы» (Гранада, 2014 г.), «Заселение «Древней Передней Азии» (Иерусалим, 2015 г.), «Заселение Малой Азии» (Париж, декабрь 2016 г.), «Великое переселение народов Евразии» (Москва, РУДН, 2019 г.) (Сулейменов, 2023).

Главной целью проекта стало исследование общей «культурной прародины» и основных маршрутов расселения человечества в прошлом. Это отвечает интересам международного сообщества, в частности, «популяризации совместной истории и памяти в целях диалога» и «расширению доступа к знаниям», как об этом говорится, например, в резолюции 37 С/42 (2013 г.) Генеральной конференции ЮНЕСКО. Исследование вопросов первичного расселения человека по планете, его миграций в древности и средневековье, в результате которых возникли современные культуры, приобретает особую актуальность в свете текущих событий, когда волны современной миграции и глобализации меняют культурную картину мира, вызывая потребность в поиске новых формул общечеловеческого этоса, включающего историческую субъектность всех социальных групп.

Такие исследования и коммеморативные практики позволяют наблюдать сложный и интересный процесс их семиотического означения в совокупности факторов, многие из которых оказывают свое влияние на протяжении долгих десятилетий. Такие ключевые семиотические процессы как воспоминание, интерпретация и репрезентация не являются линейными и однонаправленными, находясь в постоянном взаимодействии и взаимозависимом взаимоопределении, когда потребности

репрезентации (необходимость символического ресурса исторической легитимности в диалоге с международным сообществом) производят воспоминание (системные исследования, научные открытия и коммеморативные практики), оформляемое должным образом (историческая политика). В другом случае этот процесс может начинаться с обратного, когда историческое воспоминание стимулирует интерпретацию и репрезентацию. Или наоборот, когда смена интерпретации порождает два других процесса. В содержании коммеморативных практик можно наблюдать сочетание смыслов и форм исторической памяти казахстанского общества, унаследованных как от традиционной казахской культуры, так и сформированных в XX веке, и влияние на них таких системных явлений как историческая травма, нациестроительство, постпамять, ревитализация архетипов традиционной культуры, актуализация различных типов сознания и, наконец, обретение казахами исторической субъектности сначала в закрытом обществе советской утопии, а затем – в статусе независимого субъекта, действующего в глобальном мире и сообществе наций.

Список использованных источников

1. Krupko I.V. et al. (2020). Archaeological Researches in the Territory of Kazakhstan in Russia during the Empire (1733-1917) // *Bylye Gody. Russian historical journal*, №. 56. 474-485.
2. Абылхожин А., Акулов М., Цай А. (2019). Живая память. Сталинизм в Казахстане. Прошлое. Память. Преодоление // *Open Mind. Алматы*, 332.
3. Абылхожин Ж.Б. (1991). Традиционная структура Казахстана. Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920-1930 гг.) // *Ғылым. Алма-Ата*, 240.
4. Акишев К., Агеева Е. (1958). Древние памятники Казахстана // *Казахское государственное издательство. Алма-Ата*, 60.

5. Александер Дж., Куракин Д. Ю. (2012) Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. №3. 4-6.
6. Асфендияров С.А. (2014). Шығармалары. Төрттомдық шығармалар жинағы. / Ел-шежіре. Алматы, 375.
7. Ауэзов М. (2011). Дневники: уйти, чтобы вернуться // Жибек жолы. Алматы, 292.
8. Байпаков К.М. (2014). Из истории изучения археологического и культурного наследия Отрара, Отрарского оазиса и Казахстана // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 40-летию работ Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции. Шаульдер. Алматы, 306.
9. Бемен Э.К. (1958). Речь на XIII съезде ВЛКСМ // Комсомольская правда. 18 апреля. № 92. Москва.
10. Бисенова А., Медеуова К. (2016). Давление метрополий и тихий национализм академических практик // *Ab Imperio*, Т. 2016. – №. 4., 207-255.
11. Крадин Н.Н., Бондаренко Д.М. (2002). Кочевая альтернатива социальной эволюции. – М.: Институт Африки РАН. Москва, 201.
12. Лаумулин М.Т. (2000). Рецензия на книгу: «Le Kazakhstan» by Catherine Poujol. – Paris: Presse Universitaire, 2000» // Казахстан-Спектр. № 3-4. 35-39.
13. Левшин А.И. (2005). Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей / МОН РК. ПГУ им. Торайгырова, НПФ «ЭКО», Павлодар. 212.
14. Маргулан А.Х. (1950). Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата.
15. Марков Г.Е. (2011). Кочевники Азии (хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии в эпохи возникновения, расцвета и заката кочевничества). Автореферат дисс. д.и.н. М., 1976 // цит. по Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевничества. Изд. 2-е, дополненное / Сост. Л.Е.Масанова, И.В.Ерофеева. Print-S, Алматы. 740.
16. Мартин Т. (2002). Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? // *Ab Imperio*, № 2. 55-87.
17. Масанов Н.Э. (2011). Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевничества. Изд. 2-е, дополненное / Сост. Л.Е.Масанова, И.В.Ерофеева // Print-S, Алматы. 740.

18. Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. (2007). Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана // Дайк-Пресс, Алматы. 296.
19. Бисенова А.Ж. и др. (2023) Qazaqstan. Казахстан, قازاقستان: лабиринты современного постколониального дискурса // Центр современной культуры «Целинный», Алматы. 467.
20. Нурмаханбетов Б. (2005). Телевизионная передача «Времен связующая нить» // <https://www.youtube.com/watch?v=MEd9ffXXmFw&t=16s> (20.08.23).
21. Нурпейсов М.М. (2020). Судьба средневековых городов Жетысу на трассе Великого Шелкового пути // Вестник КазНПУ. Серия «Исторические и социально-политические науки», Алматы. 180-189.
22. Пужоль К. (2015). «Видимая и невидимая реманентная память номадной культуры пространства постсоветских городов» // Мир Большого Алтая. 260-265.
23. Радлов В. В. (1989). Из Сибири. Страницы дневника. Наука, Москва. 749.
24. Ремнев А. (2011). Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // Ab Imperio, №. 1. 169-205.
25. Ренан Э. (1902). Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений: в 12 тт. / перев. с фр. под ред. В.Н. Михайловского Т.6., Киев. 87-103.
26. Сагадиев А. (2011). Бездарные всегда к коварству склонны. Казахстанский минкульт ликвидирует уникальный Институт номадизма / Новостной ресурс CentrAsia, 26 июля. (дата обращения 20.08.23).
27. Сулейменов О. (2023). Выступление перед исполсоветом партии Народный Конгресс Казахстана // <https://www.youtube.com/watch?v=ES80ZiCPvUo> (дата обращения 15.08.23).
28. Сулейменов О.О. (2004). Ты – мой герой // Собрание сочинений в 7 томах. Т.6. Публицистика. Атамұра, Алматы. 16.
29. Сулейменов О.О. (2023) От знаков – к знаниям // Новая газета Казахстан, 20 июня 2023 г. // <https://www.novgaz.com/index.php/2-news/3452-%E2%80%A6%D0%BE%D1%82-%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2-%D0%BA-%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F%D0%BC> (дата обращения 15.09.23).
30. Глостанова М.В. (2020). Деколониальность бытия, знания и ощущения // Центр современной культуры «Целинный», Алматы. 192.

31. Шаблей П.С. (2009). Символические формы репрезентации истории Казахстана и современность // История и современность. Вып. № 2 (10). 170-193.
32. Швецов С.П. (1926). Природа и быт Казахстана: Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях. – Ленинград. 93–94. / Цит. по Абылхожин А., Акулов М., Цай А. (2019). Живая память. Сталинизм в Казахстане. Прошлое. Память. Преодоление // Open Mind. Алматы, 332.
33. Шеварднадзе Э.А. (1958). Речь на XIII съезде ВЛКСМ // Комсомольская правда, 18 апреля. № 92.
34. Шелепин А.Н. (1958). Доклад секретаря ЦК ВЛКСМ тов. А.Н. Шелепина // Комсомольская правда. 16 апреля. № 90.
35. Шнирельман В. (2009). Символическое прошлое. Борьба за предков в Центральной Азии // Неприкосновенный запас № 4(66). Санкт-Петербург. 70-86.

Анна Калижанова,
магистр филологических наук,
старший преподаватель кафедры Теории
и практики перевода Карагандинского университета
имени академика Е.А.Букетова, Казахстан

Татьяна Шелестова,
доктор философии (PhD), Заведующая кафедрой
Теории и практики перевода
Карагандинского университета
имени академика Е.А.Букетова, Казахстан

Жансая Будикова,
магистр педагогических наук, преподаватель
кафедры Теории и практики перевода
Карагандинского университета
имени академика Е.А.Букетова, Казахстан

Применение коннективистских технологий в гуманитарной сфере

В эпоху «цифры» применение инструментов Web 2.0 затрагивают все образовательные сферы, включая гуманитарную, делая необходимым создавать и отражать социальную среду. Среди современных требований к образованию на всех уровнях: (1) возможность выстраивания образовательной траектории по несвязанным между собой областям знаний и (2) неформальное образование, к которому относятся, в том числе, музеи. Мы представляем музейные подкасты для образовательных целей как уникальный инструмент, который можно применять в гуманитарном образовании на всех уровнях для развития активного слушания и межкультурной осведомленности

обучающихся посредством коннективистских технологий, а именно фасилитационных сессий и дискуссионных форумов. Каждый эпизод из пяти созданных нами музейных образовательных подкастов создан на основе тематики Музея Археологии и Этнографии Карагандинского университета имени академика Е.А. Букетова с целью популяризации историко-археологического и культурного наследия Республики Казахстан и развития всесторонней личности, способной к обучению на протяжении всей жизни. Предлагаемый нами подход позволяет применять универсальные коннективистские технологии, как на практических занятиях по гуманитарным дисциплинам, так и в ходе кураторских часов, а сама статья открывает новую страницу в области инновационных образовательных разработок в контексте казахстанского коннективизма.

Стремительное развитие технологий и изменения, происходящие в системе образования Республики Казахстан за последние 10 лет в контексте содержания образования, целей обучения и воспитания, требований к формированию компетенций, способствуют образованию новой парадигмы образования, именуемой коннективизм, и меняют понимание роли педагога и роли обучающегося в цифровой образовательной среде. Проводя исследование в рамках проекта МОН РК на тему «Фасилитаторы в повышении квалификации педагогов в смешанном обучении: оценка эффективности, методология, векторы развития компетенций», нами было установлено, что наиболее оптимальную роль педагога в условиях цифровизации образования выступает роль педагога-фасилитатора, которая соответствует новым требованиям к профессиональной компетентности

педагога и регламентируется Профессиональным стандартом «Педагог» (Образование 4.0) [1], стандартами Международного общества по информационным технологиям в образовании (ISTE) [2] и ЮНЕСКО [3], указывающие на прямую зависимость качества современного образования от профессионализма педагога и владения им глобальных компетенций, а именно – непрерывное развитие, лидерство, педагогический дизайн, обучение через сотрудничество, цифровое «гражданство». Мы придерживаемся точки зрения И. И. Фалыхова, который, анализируя уровень готовности к наставнической деятельности, отвел именно фасилитатору ведущую роль и назвал его идеальным наставником, сочетающим в себе элементы менторинга, тьюторинга и коучинга [4, с. 48].

Нами также установлено, что трансформация обучающегося из потребителя знаний в их активного создателя обеспечивается, благодаря содействию педагога в «создании взаимодополняющей обучающей среды, в которой участники взаимообогащаются, развивают свой потенциал и впоследствии принимают совместные решения о дальнейших действиях» [5, с. 70-71], делясь своим опытом с другими, прежде чем овладеть им, а значит развиваясь и формируя знания в самом себе. Всему этому способствует педагог-фасилитатор во время проведения фасилитационных сессий и посредством различных форум-сообществ, созданных с целью вовлечения обучающихся в конструктивные дискуссии.

Дискуссионные форумы направлены на развитие коммуникативных компетенций обучающихся и несут информационно-познавательную и культурологическую функции, повышая заинтересованность в получении и усвоении большего количества информации [6, с. 10047].

Влияние цифровых технологий и общедоступности Интернета подтолкнули педагогов пересмотреть и адаптировать свои подходы и методы обучения в сторону применения универсальных коннективистских технологий, признанные технологической инновацией в международном сообществе в области смешанного обучения [7], хотя, так непопулярных у казахстанских педагогов [8], о чем свидетельствует невысокий уровень развития образовательных технологий на основе коннективизма в Республике Казахстан [9].

Однако, сама по себе технология не может обеспечить успешное построение знаний, но может стать инструментом для расширения зоны ближайшего развития и использоваться для повышения эффективности обучения в цифровой образовательной среде, если соответствует целям обучения. В этой связи нами был сделан панорамный обзор – коннективизм ориентированных инструментов Web 2.0, который помог определить возможности их применения: (1) в организации обучения основанного на задачах; (2) для создания аутентичного материала для межкультурного обмена; (3) для развития медиаграмотности; (4) для формирования критического мышления; (5) для моделирования мягких навыков (soft skills) с тем, чтобы педагоги могли в полной мере реализовать свой педагогический потенциал и настроить эффективную коллаборацию с обучающимся в условиях смешанной иноязычной среды [10].

Именно на фасилитационных сессиях и дискуссионных форумах мы и остановимся более подробно, поскольку данные инструменты, являясь коннективистскими и обладая всеми 5 указанными выше возможностями, не являются фаворитами у обучающихся, как в традиционном

формате, так и посредством МООКов и/или при содействии фасилитаторов. Особо остро стоит проблема отсутствия внутренней мотивации, как у педагогов, так и у обучающихся: первые зачастую незаинтересованы в дополнительной нагрузке, которая ложится на их плечи в плане поддержания активности форума, а вторые также не видят смысла в построении профессиональных сетей или полезных контактов с целью обмена опытом, а ищут четкие и подробные инструкции и указания со стороны педагога.

Проведенный нами опрос, созданный в приложении forms.app и состоящий из 10 вопросов множественного выбора, с целью выявления степени осведомленности педагогов и обучающихся об эффективности такого инструмента как дискуссионные форумы, показал следующую картину из 78 респондентов-обучающихся Карагандинского университета имени академика Е.А.Букетова, ЧУ Академии «Bolashaq» и Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева:

– 49% обучающихся участвовали в дискуссионных форумах МООК, 27% стали принимать в них участие только после просьбы их наставников-педагогов, а 24% не принимали участие совсем;

– 60% респондентов нашли форумы полезными для развития своих профессиональных навыков, 30% отметили некоторую пользу, а 10% не увидели в участии в форумах ничего существенного для себя.

Из 111 педагогов-участников 10-недельного курса повышения квалификации в рамках международного проекта от Британского Совета и АО «НЦПК» Өрлеу» 23% посчитали дискуссионные форумы полезными ДО

обучения, а ПОСЛЕ завершения курса данное количество педагогов выросло до 80% от общего количества.

В обеих целевых группах была выявлена положительная динамика отношения к дискуссионным форумам ДО и ПОСЛЕ: парный двухвыборочный t-тест для средних для осуществления корреляционного анализа между показателями об отношении к форумам ДО и ПОСЛЕ, вычисленный по формуле, показал: $t=6,9$ при $\alpha \leq 0,05$ у обучающихся и $t=8,94$ при $\alpha \leq 0,05$ у педагогов, что говорит о статистически значимых изменениях в отношении к дискуссионным форумам, при условии, что данная технология интенсивно продвигается и отслеживается со стороны фасилитатора, тем более, что именно форумы являются мощным инструментом развития коммуникативных навыков у обучающихся [6, с. 10047].

Обобщающие сессии, организованные фасилитатором, также относятся к коннективистским технологиям и являются неотъемлемой частью для эффективного обучения в традиционном, смешанном и онлайн форматах. Задача фасилитатора организовать сессию так, чтобы никто из ее участников не был ущемлен, а коммуникация среди участников поддерживалась на достаточном уровне и не вызывала проявления неопределенности и перегрузки [11, с. 74].

Впервые мы озвучили необходимость проведения обобщающих сессий с целью закрепления и анализа материала с последующим применением его в новом контексте 24 августа 2020 года в ходе расширенного заседания Учебно-методического объединения Республиканского учебно-методического совета по группам ОП «Подготовка учителей по языкам и литературе», «Языки и литература», которое прошло на базе Казахского Университета

Международных Отношений и Мировых Языков имени Абылай Хана в режиме онлайн и затронуло проблемы низкой посещаемости курсов повышения квалификации школьными учителями [12]. Сделано это было на основании результата опроса тех же 111 педагогов-участников 10-недельного курса повышения квалификации в рамках международного проекта от Британского Совета и АО «НЦПК» Эрлеу», который показал, что только 17% респондентов понимали пользу фасилитационных сессий ДО участия в проекте, в то время как ПОСЛЕ окончания проекта число сторонников такого формата увеличилось до 59%.

Мы решили провести эксперимент в междисциплинарном поле с привлечением студентов, для чего выбрали технологию музейного подкастинга в образовательных целях, позволившую соединить историю, археологию и иноязычное обучение с целью формирования, сохранения и воспроизводства традиционных культурных ценностей в социокультурном пространстве у подрастающего поколения, о чем подробно написали ранее в статье «Потенциал использования музейных подкастов в условиях межкультурного обмена» [13], представив созданные музейные подкасты в ходе работы II Международной Летней Школы для педагогов стран Центральной Азии, России, Азербайджана по теме: «Качество образования и сближение культур. Развитие межкультурных компетенций в образовании» [14].

На сегодняшний день 5 музейных подкастов на английском языке по тематике Музея археологии и этнографии Сарыаркинского археологического института Карагандинского университета имени академика Е.А. Букетова доступны для прослушивания

на международных подкастинговых площадках Google Podcast; Stitcher; Radiopublic; CastBox, а сами аудиофайлы размещены на международной платформе Anchor.fm by Spotify (Таблица 1).

Таблица 1

**Размещение аудиофайлов
на международной платформе
Anchor.fm by Spotify**

№	Название	Ссылка
1	Пирамида Каражартас: История великой степи	https://anchor.fm/anna-kalizhanova/episodes/Karazhartas-Pyramid-The-Great-Steppe-History-e1mn88g
2	Петроглифы Сарыарки: по следам исчезнувших цивилизаций	https://anchor.fm/anna-kalizhanova/episodes/Petroglyphs-of-Saryarka-The-Mysteries-of-Bygone-Civilizations-e1mn92h
3	Ботайская культура Казахстана: приручение дикой лошади	https://anchor.fm/anna-kalizhanova/episodes/Botai-Culture-of-Kazakhstan-Taming-Wild-Horse-e1mn9c2
4	Камень Тимура: по следам великого воина	https://anchor.fm/anna-kalizhanova/episodes/Timurs-Stone-at-Altynshoky-Retracing-the-Great-Warriors-Journey-e1mn9oc
5	Казахское народное прикладное искусство: керамика Бронзового века	https://anchor.fm/anna-kalizhanova/episodes/Central-Kazakhstan-Folk-Arts-and-Crafts-Bronze-Age-Ceramics-e1mna49

В настоящее время ведется работа по реализации образовательного потенциала музейных подкастов. Так, например, для развития языковых навыков нами была выбрана платформа Quizlet, на которой были разработаны

следующие виды упражнений: (1) карточки для отработки активного словаря на стадии предварительного прослушивания (рис. 1) и (2) карточки для отработки ключевых терминов для повышения социокультурной осведомленности (рис. 2).

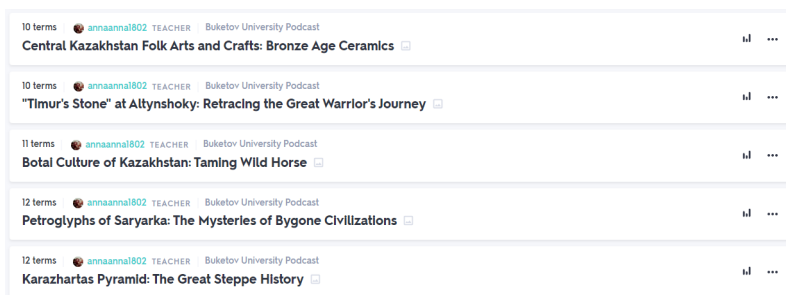

Рисунок 1. Карточки активного словаря на Quizlet

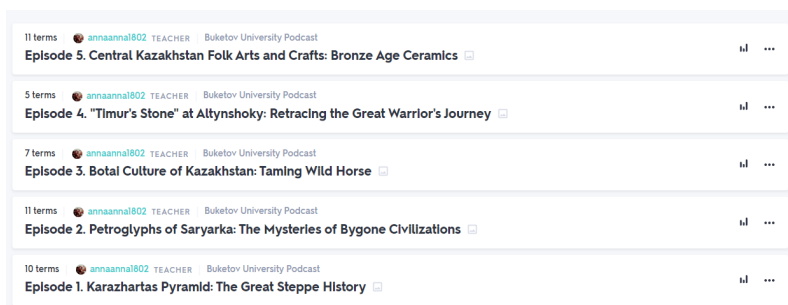
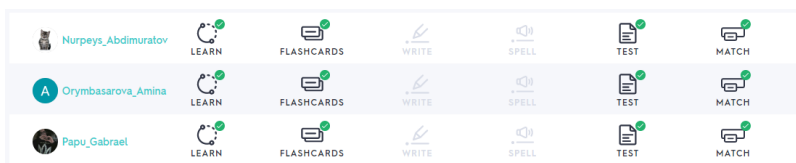

Рисунок 2. Карточки ключевых терминов на Quizlet

Платформа Quizlet была выбрана нами для того, чтобы мы могли легче отслеживать прогресс студентов в плане повышения уровня английского языка (рис. 3).

Рисунок 3. Прогресс студентов в классе Buketov University Podcast

Для консолидации непосредственно материала подкаст-эпизодов мы разработали фасилитационные сессии и задания для дискуссионных форумов. Ниже приведен пример фасилитационной сессии на английском языке к подкасту на тему «Петроглифы Сарыарки: по следам исчезнувших цивилизаций» (таблица 2).

Таблица 2

Структура фасилитационной сессии образовательного характера

№	Название этапов	Примеры описания этапов
1	Разогрев	<p>Интерактивный пазл. Изображение “Петроглифов Сарыарки” спрятано. Перемещая элементы в нужном направлении (вверх, вниз, влево, вправо), участники пытаются сложить пазл. После завершения головоломки им могут быть заданы вопросы, связанные с рисунком, например:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Посмотрите на фотографию и угадайте, где это находится. • Что вы видите на камне в левой части фотографии? • Угадайте, кто вырезал или нарисовал эти изображения?

№	Название этапов	Примеры описания этапов
2	Словарь	<p>Знакомство с лексикой по теме «Петроглифы Сарыарки» можно осуществить с помощью цифровых карточек, созданных на Quizlet. После этого участников можно спросить, что они видят на фотографии. В качестве обязательного рекомендуется упражнение «Гравитация». Участникам рекомендуется разделиться на группы с помощью рандомизаторов (от англ. random – случайный) – это программа, которая генерирует числа случайным образом.</p>
3	Предварительное прослушивание	<p>Каждой группе участников дается несколько утверждений, взятых или нет из эпизода подкаста [вид аудио- и видеоконтента, когда один или несколько ведущих обсуждают разные темы. Как правило, у подкаста есть своя аудитория и формат]. Участники просят просмотреть эти утверждения и определить, являются ли они истинными или ложными. Все возможные ответы должны приниматься без каких-либо комментариев. Ниже приведены примеры утверждений:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Еще три памятника на юге Казахстана (Эшки-ольмес, Арпаузен и Сауыскандык) являются объектами всемирного культурного наследия. • Древние люди рисовали как зооморфные, так и антропоморфные изображения. • Самые первые свидетельства о сарыаркинских наскальных рисунках можно найти в работах российских ученых и путешественников. • На протяжении тысячелетий места расположения сарыаркинских петроглифов были святынями. • Археологи Карагандинского университета имени Букетова уже несколько лет ведут раскопки древних памятников в этом районе.
4	Прослушивание	<p>Участники слушают подкаст и пытаются понять, были ли их прогнозы верными или ошибочными.</p>

№	Название этапов	Примеры описания этапов
5	Обсуждение после прослушивания	Участники обсуждают следующие вопросы в мини-группах, чтобы проверить свое понимание: <ul style="list-style-type: none"> • Почему доисторические люди создали эти петроглифы? • Сколько живописных памятников находится в Сарыарке? • Как ученые узнают о местонахождении петроглифов? • Какие наскальные рисунки находятся ближе всего к нашему месту?
6	Заключительное задание (в группах)	Участники выбирают один изобразительный памятник и пишут пост из 50-70 слов в любой социальной сети. Им рекомендуется следить за тем, что они пишут для социальных сетей: используют ли они символы и аббревиатуру из эпизода подкаста. Они могут подкреплять свои посты фотографиями.

В настоящий момент продолжаем исследовать образовательный потенциал как самих музейных подкастов, так и их учебно-методического сопровождения, собирая отзывы студентов, преподавателей, ученых и методистов. Мы будем рады каждому конструктивному отзыву, который поможет сделать наш продукт еще качественнее и интереснее, поскольку наша задача – это актуализация культурного наследия при сопровождении инновационных подходов и цифровых технологий для способствования формированию всесторонней гармоничной личности молодого человека с активной гражданской позицией, стремящегося к непрерывному обучению в течение всей жизни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Профессиональный стандарт «Педагог» (Образование 4.0). – 2022. – Режим доступа: <https://legalacts.egov.kz/npa/view?id=14240078> (дата обращения: 20.11.2022).
2. ISTE Essential Conditions. – 2017. – Режим доступа: <http://www.iste.org/standards/essential-conditions> (дата обращения: 20.11.2022).
3. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO). UNESCO roadmap for implementing the global action programme on education for sustainable development. – 2014.
4. Фаляхов И.И. Диверсификация моделей наставничества: ментор, тьютор, коуч, фасилитатор и идентификация их готовности к осуществлению наставнической деятельности // Казанский педагогический журнал. – 2016. – №2-1 (115). – С. 45-49.
5. Калижанова А.Н., Шелестова Т.Ю., Шадиёв Р. Роль фасилитаторов для успешного усвоения массовых открытых онлайн-курсов // Вестник Карагандинского университета. Серия «Педагогика». – 2022. – Т. 2. – № 106. – С. 63–76. DOI: 10.31489/2022Ped2/63–76.
6. Rudneva M., Popova T. MOOC Discussion Forums-First Steps of Academic Communication // EDULEARN17 Proceedings. – IATED, 2017. – С. 10044-10048.
7. Павлова И. А., Тарасова Е. В. Роль современных инновационных технологий в образовательном процессе // International Journal of Advanced Studies. – 2018. – Т. 8. – №. 3. – С. 61–78.
8. Mak S., Williams R., Mackness J. Blogs and forums as communication and learning tools in a MOOC // Proceedings of the 7th International Conference on Networked Learning 2010. – University of Lancaster, 2010. – P. 275–285.
9. Мунбайева А., Анарбек Н. Informatization of Education in Kazakhstan: New challenges and further development of scientific schools // International Review of Management and Marketing. – 2016. – Vol. 6. – No. 3. – P. 259–264.
10. Shelestova T., Kalizhanova A., Zhussupova R., Amrenova A., Shadiey R. Pedagogical Potential of Web 2.0 Tools in EFL Blended Learning Environment. Bulletin of NAS RK. – 2022. – Vol. 4. – No. 398. – P. 215–235. DOI: 10.32014/2518–1467_2022_398_4_215–235.
11. Вилкинсон М. Секреты фасилитации: SMART-руководство по работе с группами. – Альпина Паблишер, 2019. – 515 с.

12. Расширенное заседание УМО РУМС по группам ОП «Подготовка учителей по языкам и литературе», «Языки и литература». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bolashaq.edu.kz/novosti/rasshirennoe-zasedanie-umo-rums-po-grupпам-op-podgotovka-uchitelej-po-jazykam-i-literature-jazyki-i-literatura/> (дата обращения: 20.11.2022).
13. Калижанова А.Н., Шелестова Т.Ю., Бедельбаева М.В. Потенциал использования музейных подкастов в условиях межкультурного обмена // Качество образования и сближение культур. развитие межкультурных компетенций в образовании: Сборник статей спикеров на основе материалов выступлений на Международной Летней Школе для педагогов стран Центральной Азии, России, Азербайджана. – Алматы: КазНУ, 2022. – С. 153-159.
14. II Международная Летняя Школа для педагогов стран Центральной Азии, России, Азербайджана по теме: «Качество образования и сближение культур. Развитие межкультурных компетенций в образовании». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://icrc.kz/site/conferenceview?id=101> (дата обращения: 20.11.2022).

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ
КРОСС-ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
ТЕОРИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА**

Под общей редакцией
А. Илолиева и П. Шозимова

Подписано в печать 20.11.2024 г. Формат 60x90 $\frac{1}{16}$.
Печать офсетная. Гарнитура «Palatino Linotype KZ».
21,75 усл. п.л. Тираж 2000 экз.
Заказ №